

ISSN 2410-0773

SocioTime

Социальное время

1 (37)
2024

Научный журнал

Издаётся с 2015 года

Выходит 4 раза в год

Главный редактор
В. П. Шалаев

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-59171 от 03.09.2014 г.

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола)

Адрес учредителя и издателя: 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3

Адрес редакции: 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, каб. 426
Тел.: 8(8362)68-60-40, 8(8362)68-68-00. E-mail: sociotime@volgatech.net

Журнал включён в Перечень рецензируемых научных изданий, публикующих основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук и доктора наук (решение Президиума ВАК России при Министерстве образования и науки РФ от 23.03.2018) по следующим направлениям: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.4.5. Политическая социология; 5.4.6. Социология культуры; 5.4.7. Социология управления; 5.6.1. Отечественная история; 5.6.2. Всеобщая история; 5.6.3. Археология; 5.6.4. Этнология, антропология и этнография; 5.6.7. История международных отношений и внешней политики; 5.7.1. Онтология и теория познания; 5.7.2. История философии; 5.7.6. Философия науки и техники; 5.7.7. Социальная и политическая философия; 5.7.8. Философская антропология, философия культуры.

Редактор русского текста *Н. М. Москвичева*
Компьютерная вёрстка *В. В. Хренков*

Подписано в печать 17.09.2024. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,85. Тираж 500 экз. Заказ № 3782
Дата выхода в свет: 14.11.2024. Цена свободная.

Поволжский государственный технологический университет. 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3.
Отпечатано в ООО «Вертола». 424004, г. Йошкар-Ола, ул. Льва Толстого, 45.

Перепечатка или воспроизведение материалов номера
допускаются только с письменного разрешения редколлегии.

© Поволжский государственный
технологический университет, 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шалаев Владимир Павлович, д-р филос. наук, проф. (Йошкар-Ола) – главный редактор
Дахин Андрей Васильевич, д-р филос. наук, проф. (Нижний Новгород)
Ильин Владимир Иванович, д-р социол. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Лепский Владимир Евгеньевич, д-р психол. наук, проф. (Москва)
Полутин Сергей Викторович, д-р социол. наук, проф. (Саранск)
Тишкин Алексей Алексеевич, д-р ист. наук, проф. (Барнаул)
Шатунова Татьяна Михайловна, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Хренков Вадим Владимирович, канд. филос. наук, доц. (Йошкар-Ола) – отв. секретарь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

• Члены редсовета в регионах России

Аришинов Владимир Иванович, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Астафьева Ольга Николаевна, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Бекарев Адриан Михайлович, д-р филос. наук, проф. (Нижний Новгород)
Беляев Владимир Александрович, д-р полит. наук, проф. (Казань)
Войцехович Вячеслав Эмеринович, д-р филос. наук, проф. (Тверь)
Гавров Сергей Назипович, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Дадаева Татьяна Михайловна, д-р социол. наук, проф. (Саранск)
Даишковский Петр Константинович, д-р ист. наук, проф. (Барнаул)
Дунец Александр Николаевич, д-р геогр. наук, проф. (Барнаул)
Еришов Андрей Николаевич, д-р социол. наук, проф. (Казань)
Ковалева Алла Владимировна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Косачев Константин Иосифович, канд. юрид. наук (Москва)
Кузнецов Андрей Александрович, д-р ист. наук, проф. (Нижний Новгород)
Максимова Светлана Геннадьевна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Малинецкий Георгий Геннадьевич, д-р физ.-мат. наук, проф. (Москва)
Матвеева Наталья Александровна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Муза Дмитрий Евгеньевич, д-р филос. наук, проф. (Донецк)
Набиев Ринат Ахматгалиевич, д-р ист. наук, проф. (Казань)
Павлова Анжелика Николаевна, д-р ист. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Пчелина Ольга Викторовна, д-р филос. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Савчук Валерий Владимирович, д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Сергеев Сергей Алексеевич, д-р полит. наук, проф. (Казань)
Смолин Олег Николаевич, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Солодухо Натан Моисеевич, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Сомов Владимир Александрович, д-р ист. наук, проф. (Нижний Новгород)
Спирова Эльвира Маратовна, д-р филос. наук (Москва)
Сухова Мария Геннадьевна, д-р геогр. наук, проф. (Горно-Алтайск)
Черданцева Инна Владимировна, д-р филос. наук, доц. (Барнаул)
Чумаков Александр Николаевич, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Шашкова Ярослава Юрьевна, д-р полит. наук, доц. (Барнаул)
Щелкунов Михаил Дмитриевич, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Широкалова Галина Сергеевна, д-р социол. наук, проф. (Нижний Новгород)

• Члены редсовета и представители журнала за рубежом

Бабосов Евгений Михайлович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Республика Беларусь)
Билалов Бахадур Анвер оглы, канд. ист. наук, доц. (Баку, Азербайджан)
Ведлер Барбара, д-р, проф. (Миттвайда, Германия)
Водопьянов Павел Александрович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Республика Беларусь)
Зеленков Анатолий Изотович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Республика Беларусь)
Ибрагимов Айдын, д-р геогр. наук, проф. (Чанакалле, Турция)
Ильева Снежана, д-р психол. наук, проф. (София, Болгария)
Корабельева Соня, д-р психол. наук, проф. (София, Болгария)
Левицка Яна, д-р, проф. (Трнава, Словакия)
Перинчек Мехмет Бора, д-р ист. наук, проф. (Стамбул, Турция)
Проданов Васил, д-р филос. наук, проф. (София, Болгария)
Рамтун Рой, д-р, проф. (Афины, США)
Тараров Яков Владимирович, д-р филос. наук, проф. (Харьков, Украина)
Тодорова Богдана, д-р филос. наук, проф. (София, Болгария)

ISSN 2410-0773

SocioTime

Социальное время

1 (37)
2024

Scientific journal

Founded in 2015

Published 4 times a year

Editor-in-Chief
Vladimir P. Shalaev

The journal is registered in the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media (Roskomnadzor)

Registration certificate: ПИ № ФС77-59171 from 03.09.2014

Area of distribution: Russian Federation, foreign countries

Founder: FSBEI of HE «Volga State University of Technology» (Yoshkar-Ola)

Founder office: 424000, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square

Editorial office: 424000, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square, room 426
Tel.: 8(8362)68-60 40, 8(8362)68 68 00. E-mail: sociotime@volgatech.net

The scientific magazine is included in the List of the reviewed scientific editions publishing the main results of theses for a degree of the candidate of science and doctor of science (the decision of Presidium of VAK (Higher Attestation Commission) of Russia at the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, of 23.03.2018) in the following directions: 5.4.4. Social structure, social institutions and processes; 5.4.5. Political Sociology; 5.4.6. Sociology of Culture; 5.4.7. Sociology of Management; 5.6.1. National History; 5.6.2. General History; 5.6.3. Archaeology; 5.6.4. Ethnology, Anthropology and Ethnography; 5.6.7. History of International Relations and Foreign Policy; 5.7.1. Ontology and theory of knowledge; 5.7.2. History of philosophy; 5.7.6. Philosophy of science and technology; 5.7.7. Social and political philosophy; 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture.

Editor *N. M. Moskvicheva*
Computer imposition *V. V. Khrenkov*

Signed in 17.09.2024. The format 70×100¹/₁₆. Offset paper.
Circulation 500 ind. Ordering № 3782.
Release date: 14.11.2024. Open price.

Volga State University of Technology. 424000, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square.
Printed in "Vertola" LLC. 424004, Russia, Mari El Republic, Yoshkar-Ola, Lev Tolstoy street, 45.

Reprint or reproduction of material numbers is permitted only with prior written permission of the editorial board

© Volga State University
of Technology, 2024

EDITORIAL BOARD

Shalaev V. P., Doctor of Philosophy (Yoshkar-Ola) – Editor-in-Chief
Dakhin A. V., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Ilyin V. I., Doctor of Sociology (St. Petersburg)
Lepsky V. E., Doctor of Psychology (Moscow)
Polutin S. V., Doctor of Sociology (Saransk)
Tishkin A. A., Doctor of History (Barnaul)
Shatunova T. M., Doctor of Philosophy (Kazan)
Khrenkov V. V., Candidate of Philosophy (Yoshkar-Ola) – Executive Secretary

EDITORIAL COUNCIL

• **Members of the editorial board in the regions of Russia**

Arshinov V. I., Doctor of Philosophy (Moscow)
Astafeva O. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Bekarev A. M., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Belyaev V. A., Doctor of Politology (Kazan)
Voitsekhovitch V. E., Doctor of Philosophy (Tver)
Gavrov S. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Dadaeva T. M., Doctor of Sociology (Saransk)
Dashkovsky P. K., Doctor of History (Barnaul)
Dunets A. N., Doctor of Geography (Barnaul)
Yershov A. N., Doctor of Sociology (Kazan)
Kovalyova A. V., Doctor of Sociology (Barnaul)
Kosachev K. I., Candidate of Philosophy (Moscow)
Kuznetsov A. A., Doctor of History (Nizhny Novgorod)
Maksimova S. G., Doctor of Sociology (Barnaul)
Malinetsky G. G., Doctor of Physical and Mathematical Sciences (Moscow)
Matveeva N. A., Doctor of Sociology (Barnaul)
Muza D. E., Doctor of Philosophy (Donetsk)
Nabiyev R. A., Doctor of History (Kazan)
Pavlova A. N., Doctor of History (Yoshkar-Ola)
Pchelina O. V., Doctor of Philosophy (Yoshkar-Ola)
Savchuk V. V., Doctor of Philosophy (Saint Petersburg)
Sergeyev S. A., Doctor of Politology (Kazan)
Smolin O. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Solodukho N. M., Doctor of Philosophy (Kazan)
Somov V. A., Doctor of History (Nizhny Novgorod)
Spirova E. M., Doctor of Philosophy (Moscow)
Sukhova M. G., Doctor of Geography (Gorno-Altaysk)
Cherdantseva I. V., Doctor of Philosophy (Barnaul)
Chumakov A. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Shashkova Y. Y., Doctor of Politology (Barnaul)
Shchelkunov M. D., Doctor of Philosophy (Kazan)
Shirokalova G. S., Doctor of Sociology (Nizhny Novgorod)

• **Members of the editorial board of the journal and representatives abroad**

Babosov E. M., Doctor of Philosophy (Minsk, Republic Belarus)
Bilalov B., Candidate of Philosophy (Baku, Azerbaijan)
Wedler B., Doctor, prof. (Mittweida, Germany)
Vodopianov P. A., Doctor of Philosophy (Minsk, Republic Belarus)
Zelenkov A. I., Doctor of Philosophy (Minsk, Republic Belarus)
Ibragimov A., Doctor of Geography (Chanakalle, Turkey)
Ilieva S., Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)
Korabelyeva S., Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)
Levická J., Doctor of Philosophy (Trnava, Slovakia)
Perinchek M. B., Doctor of History (Istanbul, Turkey)
Prodanov V., Doctor of Philosophy (Sofia, Bulgaria)
Ramtun R., Doctor of Philosophy (Athens, USA)
Tararoev Y. V., Doctor of Philosophy (Kharkiv, Ukraine)
Todorova B., Doctor of Philosophy (Sofia, Bulgaria)

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора	7
--------------------------------	---

ФИЛОСОФИЯ

Кутарев О. В.

О дохристианской письменности у славян и надписях в городе Редегосте	9
--	---

Нуруллин Р. А.

Человек как актуально бесконечно малая составляющая потенциально бесконечно большого мира.....	25
---	----

Хренков В. В.

Коммерческая реклама как идеологический фактор современности: социально-философский аспект.....	39
--	----

СОЦИОЛОГИЯ

Быльева Д. С., Резяпкина Е. А., Бибулатова Л. В.

Арт искусственного интеллекта: перевод на визуальный язык русских пословиц и поговорок	55
---	----

Корякина А. А., Саввина Р. И.

Межкультурное образование посредством культурной идентичности.....	74
--	----

Лёвкина А. О., Лёвкин В. Е., Деттер Г. Ф.

Проблемы устойчивого развития арктических городов: тектологический анализ.....	84
---	----

Хакназаров С. Х.

Социально-экономические аспекты качества жизни коренных жителей Нижневартовского района Югры: субъективный взгляд	106
--	-----

Подготовка и порядок приема рукописей	121
---	-----

CONTENTS

Column of the Editor-in-Chief	7
-------------------------------------	---

PHILOSOPHY

Kutarev O. V.

Some musings about pre-Christian Slavic writing and inscriptions of Riedegost (Rethra)	9
---	---

Nurullin R. A.

Man as an actual infinitely small component of a potentially infinitely bigger world.....	25
--	----

Khrenkov V. V.

Commercial as an ideological factor of contemporaneity: socio-philosophical aspect.....	39
--	----

SOCIOLOGY

Bylieva D. S., Rezyapkina E. A., Bibulatova L. V.

Artificial intelligence art: translation of Russian proverbs and sayings into visual language	55
--	----

Koriakina A. A., Savvina R. I.

Intercultural education through cultural identity	74
---	----

Ljovkina A. O., Ljovkin V. E., Detter G. F.

Problems of sustainable development of Arctic cities: tectological analysis	84
---	----

Khaknazarov S. Kh.

Socio-economic aspects of the quality of life of indigenous residents of the Nizhnevartovsk region of Yugra: a subjective view	106
---	-----

Preparation and procedure for acceptance of manuscripts	121
---	-----

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В тридцать седьмом номере научного журнала «**SocioTime / Социальное время**» (с 2018 года журнал входит в перечень ВАК рецензируемых журналов России по направлениям «Философия», «Социология», «История») представлены оригинальные научные материалы, подготовленные учеными и исследователями из различных университетов и научных центров России. Материалы журнала посвящены актуальным вопросам философского, социологического и исторического знания. В фокусе данного выпуска – современные и исторические процессы развития человека, общества и культуры.

Журнал позиционирует себя как сетевое международное научное издание. Широкий круг редколлегии и международного редакционного совета представлен исследователями из университетов и академических институтов, в том числе Российской академии наук, из Йошкар-Олы, Казани, Нижнего Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга, Саранска, Твери, Барнаула, а также университетских центров зарубежья: Беларуси, Украины, Германии, США, Турции, Болгарии, Словакии, Азербайджана и др.

В тридцать седьмой номер научного журнала «SocioTime» включены семь авторских работ. География участников номера традиционно широка и представлена в этот раз научными работами авторов из Санкт-Петербурга (две статьи), Казани, Йошкар-Олы, Якутска, Тюмени, Салехарда, Ханты-Мансийска.

Содержательно тридцать седьмой выпуск журнала предлагает читателю семь научных публикаций, объединенных разделами «Философия» и «Социология».

Раздел «**Философия**» состоит из трех научных работ. В оригинальной статье **О. В. Кутарева** (*Русская христианская гуманитарная академия, г. Санкт-Петербург*) проведено исследование ДОХРИСТИАНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ У СЛАВЯН И НАДПИСИ В СЛАВЯНСКОМ ГОРОДЕ РЕДЕГОСТЕ. В работе **Р. А. Нуруллина** (*Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань*) осуществлен философский анализ проблемы ЧЕЛОВЕКА КАК АКТУАЛЬНО БЕСКОНЕЧНО МАЛОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПОТЕНЦИАЛЬНО БЕСКОНЕЧНО БОЛЬШОГО МИРА. В центр внимания своего социально-философского анализа автор **В. В. Хренков** (*Поволжский государственный технологический университет, г. Йошкар-Ола*) поместил проблему КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ФАКТОРА СОВРЕМЕННОСТИ.

Раздел «**Социология**» представлен четырьмя научными работами. В коллективной статье авторов **Д. С. Быльева, Е. А. Резяпкина, Л. В. Бибулатова** (*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург*) приведены результаты исследования возможностей АРТ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПЕРЕВОДЕ НА ВИЗУАЛЬНЫЙ ЯЗЫК РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОВ. Ученые **А. А. Корякина, Р. И. Саввина** (*Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск*) рассмотрели возможности и значение культурной идентичности в МЕЖКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАНИИ. В коллективной статье **А. О. Лёвкиной, В. Е. Лёвкина** (*Тюменский государственный университет, г. Тюмень*) и **Г. Ф. Деттер** (*Государ-*

ственное автономное учреждение Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики», г. Салехард) осмыслены ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ. Основой изучения выступил ТЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД. В статье **С. Х. Хакназарова** (Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск) приведены результаты авторского исследования СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ НИЖНЕВАРТОВСКОГО РАЙОНА ЮГРЫ.

Тридцать седьмой номер журнала отличается широкая палитра представленных работ, охватывающих актуальные вопросы современного человека и общества и носящих проблемный характер. Центральное место в номере занимает проблематика российского общества, продолжающего свое развитие в непростых условиях современности.

Редколлегия «SocioTime / Социальное время» приветствует исследовательские работы авторов из России и зарубежных стран, посвященные творческому осмыслению актуальных процессов и проблем развития человека и общества в профиле основных разделов журнала. Отдавая дань уважения маститым авторам, мы уделяем особое внимание поддержке молодых исследователей, стремясь сохранить и развить научный диалог поколений, представляющих различные пространственно-временные континуумы развития современной философии, социологии и истории в области актуальных проблем рационального понимания современной цивилизации и культуры, человека и общества. Наша журнальная площадка открыта для творческих обсуждений и дискуссий. «SocioTime / Социальное время» – это, несомненно, наше единое время, здесь и сейчас!

Адрес редакции: 424000, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, Поволжский государственный технологический университет, факультет социальных технологий, каб.: 426, 430а.

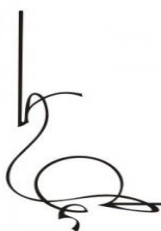
E-mail: sociotime@volgatech.net, ksnt@volgatech.net

Тел. редакции: 8(8362)68-68-00, 8(8362)68-68-40.

С требованиями к оформлению статей, правилами их публикации, а также антологией выпусков можно ознакомиться на сайте нашего журнала (<https://www.volgatech.net/sociotime/>) или в системе Elibrary.

Редколлегия желает вам оптимизма, неустанных творческих исканий и успехов на путях научного познания и нашего совместного труда по обретению опыта в деле совершенствования человека и общества в единой истории и культуре.

В. П. Шалаев,
доктор философских наук, профессор

Научная статья

УДК 94

<https://doi.org/10.25686/2410-0773.2024.1.9>

О ДОХРИСТИАНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ У СЛАВЯН И НАДПИСЯХ В ГОРОДЕ РЕДЕГОСТЕ

О. В. Кутарев

Русская христианская гуманитарная академия, г. Санкт-Петербург (Россия)

Введение. В работе рассматриваются некоторые аспекты проблемы североевропейской и, конкретнее, славянской дохристианской письменности. Прежде всего это сравнительные материалы об отношении индоевропейцев к письму в древности и о степени развития устной традиции. Далее производится обзор ряда известных упоминаний славянской письменности до крещения и их возможное объяснение, например, у Черноризца Храбра. Особое внимание уделяется сообщению хрониста Титмара Мерзебургского (XI в.) о надписях в славянском священном городе язычников Редегосте (полабо-балтийские сообщества западославянской группы). Оно представляется, с одной стороны, высоко достоверным, но с другой – уникальным и не находящим подтверждений ни в других текстах, ни в археологии. Автор предлагает непротиворечивое объяснение данного сообщения.

Методы. Рассмотрение отношения древних сообществ к письменности производится посредством прежде всего сравнительно-исторического метода; в отношении обзора упоминаний дохристианских славянских письменных артефактов применяется источниковедческий подход. Для объяснения надписей в Редегосте необходимый инструментарий даёт историческая методология.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Источники показывают, что индоевропейские народы долгое время настороженно, а порой и негативно относились к письменности, делая умышленный упор на развитие устной словесности при передаче сакральных знаний, хотя сегодня подобные подходы могут казаться парадоксальными. Североевропейская традиция, прекрасно знающая о том, как в принципе работает письменность, и иногда даже обращающаяся к ней с дипломатическими и юридическими целями, тем не менее обрела её в полноценном виде преимущественно уже после и в результате крещения. Одним из следствий этого было то, что с носителями языческих знаний почти бесследно ушла и сама традиция, поскольку на раннем этапе появление текстов относится почти целиком к культуре христиан, не заинтересованных в фиксации языческих верований, понятий и т. п. В этом ракурсе надёжное упоминание Титмара о надписях у славян-язычников требует особого подхода.

Заключение. В результате можно сделать вывод о том, что надписи в Редегосте едва ли можно признать свидетельством какой-то самостоятельной славянской письменности: их сущность и происхождение объясняются по-другому.

Ключевые слова: дохристианская письменность славян, славянское язычество, Титмар Мерзебургский, черноризец Храбр, огам, германские руны.

Работа подготовлена в рамках проекта «Датские исторические источники XII–XIV вв. Исследования и переводы» (грант РФФИ № 20-09-00173).

*Посвящается светлой памяти великого историка
Александра Васильевича НАЗАРЕНКО (1948–2022)*

Введение. Целью работы является получение ответов на два вопроса: почему у славян (и вообще североевропейских народов) не возникло развитой письменной культуры до крещения; как в таком случае понимать упоминания о надписях в городе славян-язычников Редегосте у весьма достоверного немецкого хрониста Титмара Мерзебургского? Для достижения цели поставим задачу провести обзор отношения к письменности у индоевропейских народов, а также кратко рассмотрим системы, которые претендуют на значение дохристианского письма (германские руны, кельтский огам). Актуальность темы лишь возросла за последние десятилетия: альтернативная история небезуспешно продвигает в массы идеи о наличии славянской литературы до крещения (пресловутая «Велесова книга» – лишь верхушка айсберга), а академическим исследователям добавляет всё больше любопытных материалов археология, и некоторые из артефактов вновь заставляют вспоминать о проблеме дохристианского письма.

Методы исследования. Сравнительно-исторический метод позволяет привлекать многочисленные данные об отношении различных индоевропейских культур к использованию письма, выявляя их общие основания. Источниковедческий метод рассмотрения каждого из памятников предполагаемой дохристианской славянской письменности и историко-культурного контекста даёт возможность их объяснения. Исторический метод с учётом вышесказанного позволит объяснить, с помощью какого письма были, вероятно, сделаны надписи в Редегосте, почему этот опыт не прижился в дальнейшем.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

§ 1. Представляется, что наука уже давно и надёжно установила *отсутствие письменности у славян дохристианского периода*. И всё-таки об этом ещё можно кое-что сказать. Хотя под влиянием восточных и южных культур письмо рано освоили поселенцы средиземноморских берегов (греки, римляне), в целом древние индоевропейские сообщества относились к нему настороженно: согласно иранской традиции, тайну письменности

люди получили от Ангра-Майнью, чья роль в зороастризме аналогична таковой у дьявола в христианстве¹.

У индийцев широко известны Веды – необъятный литературный корпус, начатый «Ригведой». Исследователи на основании длительного и скрупулёзного рассмотрения языка «Ригведы», отображённых в ней реалий и т. п., достигли общепризнанного заключения: «представляется разумным принять за время создания Р[игведы] вторую половину – конец II тысячелетия до н. э., хотя наиболее поздние части памятника могли быть созданы на рубеже II–I тысячелетий до н. э.» [4, с. 435–437]. Примечательно, однако, что вообще «первые записи индийских текстов – наскальные надписи царя Ашоки <...> относятся к III в. до н. э., а первое упоминание о рукописи Р[игведы] <...> встречается у знаменитого путешественника в Индию ал-Бируни в XI в.» [4, с. 478].

Получается, что от времени создания «Ригведы» в период около 1500–1000 гг. до н. э. не известно ни одной её записи на протяжении по меньшей мере двух тысяч лет! А ведь этот текст, состоящий «из 1028 гимнов <...> (средняя длина гимна 10–11 стихов)» (обычно, четверостиший) [4, с. 473] – один из очень и очень многих (сотен, если не тысяч) индийских литературных произведений, *дошедших через устную традицию* со всеми архаизмами от Античности и раннего Средневековья!

Перенесёмся в древнюю Европу. Юлий Цезарь, подробно описывая обычаи галлов (кельтов), отмечал и особенности учения их жрецов – друидов: *«многие отчасти сами поступают к ним в науку, отчасти их посылают родители и родственники. Там, говорят, они учат наизусть множество стихов, и поэтому некоторые остаются в школе друидов до двадцати лет. Они считают даже грехом записывать эти стихи, между тем как почти во всех других случаях, именно в общественных и частных записях, они пользуются греческим алфавитом. Мне кажется, такой порядок у них заведён по двум причинам: друиды не желают, чтоб их учение делалось общедоступным и чтобы их воспитанники, слишком полагаясь на запись, обращали меньше внимания на укрепление памяти»* [5 (VI, 14), с. 116].

Правда, спустя несколько веков кельты-язычники всё же создали нечто вроде алфавита: «примерно с конца IV века н. э.» [6, с. 53] известен *огам* – простейшая система записи, состоящая «из насечек или горизонтальных и косых линий, прочерченных на камне. В Ирландии и в ирландских колониях Шотландии и Уэльса открыли около трёхсот огамических надписей <...>. Все они очень короткие, содержат одно или два слова» [7, с. 69–70]².

¹ Сюжет мифа см. [1, с. 172], на основании источников «Суждения Духа разума» [2 (XXVII, с. 21–23), с. 101] и «Шахнаме» [3, (I, с. 799–806), с. 32–34] (здесь говорится, что письму научил не сам Ахриман, а его сподвижники, «исчадия зла» и «бесы», иначе говоря, «дивы»).

² Несколько таких камней представлено в большом зале на первом этаже Британского музея в Лондоне.

И хотя в древнеирландской литературе есть также описания, например, того, как с помощью огамических символов создавали магическую защиту и изменяли погоду [8, с. 291-292], представляется, что и те записи не были длинными. Система огама «была связана с магией <...> и потому использовалась только в исключительных случаях. Среди огамических надписей не было найдено ни одного текста <...>, мифологические ирландские тексты³ были записаны только после христианизации страны. В Ирландии, как и в Галлии, кельтская традиция оставалась устной» [7, с. 70].

Более известны чем огам, конечно, германские руны, которые наиболее часто представляют в качестве примера древней, дохристианской письменности севера Европы. На германских рунах дошедшие «древнейшие надписи датируются – по археологическому контексту – рубежом II и III вв. н. э.», хотя римский историк «Тацит фиксирует уже в конце I в. обычай употребления германцами при гадании неких знаков, вырезанных на буквых плашках⁴. Нет никакого сомнения, что это руны» [10, с. 226, 230].

Итак, в начале новой эры и, возможно, даже в самом конце эры старой германские руны уже существовали. Первоначальный облик германского рунического алфавита называют «старший футарк», который доминировал до VIII в. Но своего максимального распространения германские руны достигли в «эпоху викингов», т. е. период, обозначаемый примерно 800–1100 годами: в эту пору руника немного меняется, возникает несколько форм «младшего футарка», представляющих модификацию более раннего алфавита [10, с. 220–263; 11, с. 7–29].

По состоянию на 2017 год было известно не менее 6628 каталогизированных надписей на германских рунах; из них на древнейшую эпоху (до 800 года) приходится лишь 283 – или всего 4 %; в то время как период 800–1100 годов представляет 3573 надписи (54 %) – позднейшие же 2772 датируют временем после 1100 года [12, с. 16], когда все германские государства уже давно крестились⁵. Но нельзя не отметить: самая длинная надпись на старшем футарке содержит лишь около 200 рун (это «надпись из Эггьюма» (норв. – *Eggja*; Rundata catalog NKJ101), Норвегия [10, с. 238]), а в эпоху викингов выделяется рунический камень из Рёка (швед. – *Rök*; Rundata catalog Ög136) в Швеции: на него нанесена «самая длинная из существую-

³ Не только мифологические, а и вообще сколько-нибудь отвечающие критерию текста не из одной, а хотя бы из нескольких фраз. Также и упомянутые Цезарем записи греческими буквами (иногда и латинскими) – это преимущественно подписи [6, с. 50–53; 7, с. 69, 149].

⁴ Подробно про упомянутые «особые знаки» см. источник, «Германию» Тацита [9 (Germ, 10), с. 463].

⁵ Показательны в этом отношении некоторые христианские поздние надписи на рунах вроде «*Ave Maria*» (XIII в.) [10, с. 244; 11, с. 23, 26 и т. д.]. В отдельных регионах в XII–XV вв. руны стали частью бытовой сферы; на них писали друг другу банальные записки типа «*пришли мне какие-нибудь перчатки*» или «*любимая, поцелуй меня*» [11, с. 21–23].

щих рунических надписей – около 760 рун» [13, р. 9]. Для сравнения: в этом абзаце почти 1200 букв.

Таким образом, и руны не использовались для написания полноценных текстов, мифов: их применяли лишь для подписей, магических практик и гадания. Об упомянутом камне из Рёка исследователь Бо Грэслунд говорит: «Я не думаю, что эта [надпись] когда-либо предназначалась для прочтения людьми <...>. Она предназначалась лишь для богов» [13, р. 9].

Но при этом, как и в случае с кельтами, известно, что германцы уже в древности вели дипломатическую переписку: названный Тацит упоминает, как один из германских вождей, Маробод, примерно в 19 году н. э. «*написал Тиберию*» [9 (Ann, II, 63), с. 90] и приводит около того же времени «*сообщение о письме предводителя хаттов Адгандестрия, которое было оглашено в сенате*», и на него этому вождю германского племени хаттов «*Адгандестрию было отвечено*» [9 (Ann, II, 88), с. 102].

Нет сомнений, что все эти письма были написаны на латыни. Тацит в той же работе, где вёл речь о рунах, уверенно отмечает: у германцев «*тайна письма равно неведома и мужчинам, и женщинам*», их предания содержатся «*в древних песнопениях – а германцам известен только один этот вид повествования о былом и только такие анналы*» [9 (Germ, 19, 2), с. 468, 458].

Все эти параллели, казалось бы, далёкие от заявленной славянской средневековой проблематики, нам всё же ещё пригодятся. Пока же подытожим: похоже, что греки и другие сообщества индоевропейского Средиземноморья с их древней традицией полноценной письменности⁶ представляются в индоевропейском мире скорее исключением, чем правилом. Почему же кому-то должно казаться, что вместе с ними исключительными должны быть и славяне – представители тем более далеко не средиземноморского ареала, а североевропейского?

§ 2. И всё-таки есть основания говорить о наличии некоторых фактов, которые как будто *свидетельствуют в пользу славянской дохристианской письменности*. Правда, крайне важно отметить, что *археологические* изыскания не дали доводов в пользу такого взгляда: сторонники славянской докириллической письменности оперировали в основном поздними подделками, которые надёжно опровергнуты (как Прильвицкие идолы с их «рунами» – на самом деле XVII–XVIII вв. [15, с. 148–150] или «Велесова книга», написанная в 1950-е годы [16, с. 244–254]). Единичные же признанные старинными археологические находки с чем-то «похожим на руны или

⁶ Хотя такой уж ли древней? «Самые старые из сохранившихся греческих надписей можно датировать VIII в. до н. э.» [14, р. 86], и за пределами Ближнего Востока, где было слишком много чужеродных влияний, это, кажется, наиболее ранний пример алфавита индоевропейского сообщества (пусть и тоже заимствованного в основе с Востока). Было, правда, ещё сгинувшее так называемое линейное письмо Б, но остановимся на этом без дальнейших подробностей.

буквы» не дают системности и распространённости, без которой немыслима письменность: если нет множества текстов и множества авторов и читателей – нет смысла и в письме в целом, ведь нет *знания* этого письма; и тем показательнее здесь массив германских и даже кельтских надписей числом в несколько сотен (в случае рун – даже тысяч).

У славян же не известно и десятка несомненно древних «текстов» с единой системой возможной письменности⁷. Зато хорошо известна неисчерпаемость славянского фольклора – устного народного творчества, который в XIX–XX вв. у неграмотного ещё в большинстве сельского населения был записан исследователями в бесчисленные тома: песни, сказки, былины, поговорки и т. д. Нет сомнений, что устная традиция у славян была развита и в дохристианской древности, возможно, даже более упорядоченно, чем в Новое время, о чём заставляют задуматься приведённые ранее параллели из кельтской или индийской культур.

Самым солидным аргументом, всё-таки противоречащим отсутствию письма у дохристианских славян, остаётся несколько текстов, в основном IX–XII вв., с упоминаниями такого письма. Черноризец Храбр, болгарский автор, на рубеже IX–X вв. [18, с. 7, 56] отмечал, что *«прежде славяне, когда были язычниками, не имели письмен⁸, но читали и гадали с помощью черт и резов. Когда же крестились, то пытались записывать славянскую речь римскими и греческими письменами. Но как можно хорошо написать греческими буквами»* славянские слова? Именно потому и разработали свою азбуку для славян восхваляемый Храбром святой Кирилл и его брат Мефодий [18, с. 102].

Кроме того, в научном аппарате к цитируемой книге Б. Н. Флоря убедительно объясняет и некоторые выдвигаемые доводы, скажем, против того, что Кирилл и Мефодий смогли так быстро создать и успешно внедрить своё изобретение, [ср.: 17, с. 450–451], показывая, что работы в этом направлении велись церковными авторами давно, причём и на византийском востоке, и на германском западе [18, с. 176, 7, 27 и т. д.].

Однако полагаю, что надо дать иное объяснение для *«черт и резов»*: это не «какие-то разновидности пиктографическо-тамгового и счётного письма», как полагает исследователь [18, с. 176] (впрочем, это, конечно, не

⁷ Отдельные артефакты такого рода, абсолютно неубедительные в плане презентации собственно письма, см., например: [17, с. 445–449, 456–466]. Аргументы же вроде «слова “писать”, “читать”, “письмо”, “книга” общи для славянских языков. Следовательно, эти слова, как и славянское письмо, возникли до разделения общеславянского языка на ветви», то есть в дохристианский период [17, с. 443–444] – всё же следует считать косвенными; сами по себе, без наличия памятников, они ничего не доказывают. Как мы видели, не имевшие литератур языческие кельты и германцы хорошо представляли себе письменность греков и римлян.

⁸ Вариант по другим рукописям: *«не имели книг»* [18, с. 175].

исключено), а те самые германские руны, о которых мы говорили ранее. Время Храбра – это расцвет эпохи викингов, прекрасно знакомой не только на севере Европы, но и на всём континенте. Едва ли можно удачнее назвать германские руны по-славянски: «знаки рунического алфавита – футарка – называемого так по фонетическому значению первых знаков ряда: F, U, TH, A, R, K – в любой из своих достаточно многочисленных вариаций сохраняли по крайней мере одну изначально запечатлённую в них черту: они были приспособлены прежде всего для вырезания их на деревянной поверхности» [10, с. 220–221]⁹.

Всё совпадает: «резы»-руны можно читать и гадать с их помощью, но в то же время – это не письма для текстов и книг. Эти же самые германские руны легко могут объяснить ещё несколько текстовых упоминаний писем: например, сообщение ибн Фадлана (X в.) о подписи захоронения знатного руса¹⁰ [17, с. 444], ведь руны постоянно использовались для могильных надписей и эпитафий [11, с. 15].

К сожалению, пока не слишком известен в литературе исторический факт, который мог бы послужить аргументом в пользу мнения, что славяне IX–X вв. примеряли на себя использование германских рун. Во второй половине X в. в Дании был воздвигнут рунический камень, сегодня называемый «Сёндер Виссинг I» (дат. – *Sønder Vissing I*; Rundata catalog DR55). На нём младшим футарком вырезана надпись: «*Това, дочь Мистивоя, жена Харальда Доброго, сына Горма, велела сделать [этот] памятник по своей матери*». Харальд, сын Горма, хорошо известен истории: это датский король Харальд Синезубый (ум. около 986 года), при котором произошло крещение Дании. А вот поставившая камень Това, его жена – славянка, а конкретно – дочь князя ободритов (балтийские славяне западнославянской ветви) Мстивоя [11, с. 275, 455]. Пусть даже после женитьбы она стала принадлежать датскому роду, а надпись сделана на скандинавском языке – всё же видно, как близко могли соприкасаться в эпоху викингов культуры славян и германцев (подробнее контекст таких связей см.: [19, с. 500–522]).

Что касается широко известных договоров между языческой Русью и Византией, упоминающих также письменные завещания в «Повести временных лет» под 912, 945 [17, с. 456–457], 971¹¹ годами, то кроме указания

⁹ Рассматривают и версию этимологии слова «*rún*» с индоевропейским корнем со значением «царапать, делать насечки», хотя она вторична к основной со значением «тайна» [11, с. 7].

¹⁰ Причём в данном случае не важно, германцем или славянином этого руса определять.

¹¹ Под 971 годом со стороны делегации от Руси упоминаются только печати, скрепляющие договор; здесь тоже вполне могли употребляться германские руны. Не знаю, обращать ли внимание на прежде не замеченное мною в литературе в связи с проблемой славянского письма сообщение Яна Длугоша (XV в.) о том, как князь поморян (балтийские славяне, как и ободриты) Свентобор в 1105 году писал письма (лат. – *per litteras*) польскому князю Болеславу: балтийское Поморье было ещё языческим [20 (Lib. 4, app. 1105), s. 219]. Полагаю, это очередная выдумка Длугоша, литературно украшающего сведения хроники Галла Анонима [21 (II, 29), с. 89], хотя ср. выше о Маробде и Адгандестрии.

античных параллелей, когда «варвары» употребляли греческое (или латинское) письмо, нелишне напомнить, что к 912 году прошло уже примерно полвека с того времени, когда Кирилл и Мефодий разработали славянскую азбуку¹². Свидетельство же аль-Масуди о славянских обсерваториях с надписями [17, с. 444] нужно смело отвергнуть: никогда не бывавший на севере Европы, он явно перепутал со славянами какие-то южные народы, что очевидно по самому его тексту [22, с. 114]. Не всегда можно верить и другим арабским сведениям.

Не стану здесь с ходу пытаться объяснить также упоминаемые в «Житии св. Константина» (т. е. Кирилла, брата Мефодия) книги, «*написанные русскими письменами*» («*роускыми письмены писано*»), которые Кирилл обнаружил в крымском Херсонесе [8, с. 452–456; 18, с. 77–78], поскольку «это загадочное место в Житии вызвало к жизни огромную литературу»; но всё же принимаю возможным наиболее распространённое мнение, что «речь идёт о «сурских» – сирийских письменах» [18, с. 115–117] (здесь же см. обзор историографии, включая ответ В. А. Истрину). То же касается ещё нескольких памятников (например, [17, с. 455–456]). Такие вещи, как «надпись ан-Надима», если принять допущение, что перед нами не какое-то совершенное искажение [17, с. 444–445, 459, рис. 127а], требуют дополнительных изучений и объяснений. Но даже во всей своей совокупности эти памятники не позволяют говорить о дохристианской письменности славян.

Единичные и разрозненные, такие свидетельства легче объяснить заимствованиями, казусами и тамгами, чего никак нельзя было бы сделать, будь у нас, как в случае с кельтским огамом или руническим футарком, несколько сотен археологических памятников, показывающих единую систему. Именно археология XX века решительно опровергла предположение о существовании славянской дохристианской письменности. Если бы археологам было что найти в отношении памятников славянского дохристианского письма, они бы нашли это: «скрывать» факты такого рода было бы невозможно. Ярким примером является открытие уже более 1100 берестяных грамот с надписями (в основном кириллическими) из Древнего Новгорода (XI–XV вв.).

§ 3. Среди наиболее значительных *упоминаний письменности у славян-язычников* особое место занимает сообщение Титмара Мерзебургского. Во-первых, потому что это *единственное* сведение такого рода в отношении полабо-балтийских славян, о чьей уникальной и отчасти языческой аж до второй половины XII в. культуре известно довольно много [22, с. 114–118]. Во-вторых, потому что сам епископ немецкого Мерзебурга

¹² Это напоминание касается и старейших найденных на Руси (в Новгороде) писал из кости X в., к тому же, они могли принадлежать чужеземцам.

Титмар (годы жизни 975–1018) был чрезвычайно надёжным автором: его «Хроника», написанная на латыни, «представляет собой труд человека, стоявшего на вершине образования своего времени»; будучи обеспеченным и знатного происхождения, он имел доступ ко всем информаторам, которых можно было найти тогда в Германии. «Кропотливо и со знанием дела собирал он сообщаемые [императором – О. К.] Генрихом II, своими политическими друзьями, духовной братией и многочисленной благородной роднёй сведения». Титмар, несомненно, изучал славянский язык; «помимо славянских он также со знанием дела объяснял значение романских слов», обильно цитировал античных авторов и красовался некоторыми познаниями в греческом – перед нами «церковный князь, стоящий в центре тогдашней политической жизни»¹³ [23, с. 182–192].

Епископство Мерзебурга охватывало многие славянские земли, поэтому интерес к славянам и их культуре был профессиональной обязанностью Титмара. С другой стороны, и круг его читателей, во многом нацеленный на миссионерство среди славян, требовал от него как автора предельной точности и достоверности, которые Титмар сполна соблюдал в своей работе. Наконец, как отмечает А. В. Назаренко, «текст “Хроники” дошёл до нас в авторском оригинале», в рукописи, созданием которой руководил собственноручно Титмар, «что бывает очень редко» [24, с. 63–64], то есть не приходится сомневаться в надёжности написания источника.

Об интересующем нас предмете Титмар сообщает: *«есть в округе редариев некий город, под названием Ридегост <...>. В городе нет ничего, кроме искусно сооружённого из дерева святилища <...>. Внутри же стоят изготовленные вручную идолы, каждый с вырезанным именем, обряженные в шлемы и латы, что придаёт им страшный вид. Главный из них зовётся Сварожич»*¹⁴ [23 (VI, 23 (17)), с. 102].

Опустим сейчас все подробности культов Редегоста и Сварожича, сведения о сообществе ратарей («редариев») и метаморфозы описаний этого города в других, более поздних текстах Адама Бременского и Гельмольда из Босау, несомненно использующих сведения Титмара¹⁵. Сейчас важно то, что перед нами – самое известное языческое святилище славянского мира в XI в., самое значительное и уважаемое¹⁶. И достовернейший Титмар указывает, что в этом святилище, функционирующем в его время, есть «идолы,

¹³ Цитаты немецкого исследователя В. Трильмиха.

¹⁴ Латинский текст источника: «*Est urbs quaedam in pago Riedirierun Riedegost nomine, <...> In eadem est nil nisi fanum de ligno artificiose compositum <...>; interius autem dii stant manu facti, singulis nominibus insculptis, galeis atque loriceis terribiliter vestiti, quorum primus Zuarasici dicitur*» [25, s. 302].

¹⁵ См.: [22, с. 117–118]. Город Редегост известен там уже под названием Ретра (Rethra).

¹⁶ Упоминания Арконы, пожалуй, самого знаменитого святилища балтийских славян вообще, относятся уже к XII столетию, первым её отмечает около 1170 года Гельмольд [22, с. 118].

каждый с вырезанным именем» (*singulis nominibus insculptis*). Но если этот факт мы должны признать истинным, что это были за письма?

Ни Адам Бременский, ни Гельмольд из Босау уже не сообщают ни о каких подписях, сохраняя так или иначе почти всю остальную канву описания города Редегоста. Можно списать этот факт на неаккуратность или отсутствие интереса к данной теме названных авторов, но я думаю, речь о другом. Эпоха Титмара – «золотой век» лютичей, сообщества балтийских славян, которым и принадлежал Редегост. В 983 году в ходе Великого языческого восстания лютичи сбросили с себя немецкое иго, уничтожили начавшее распространяться христианство, а ещё позже получили настоящую «легализацию» своей культуры, когда император Генрих II (правил в Германии в 1002–1024 годах), испытывавший трудности в войне с Польшей, взял их в союзники против поляков. Этой теме посвящена моя статья [22], где приводится ряд подробностей и следствий упомянутой «легализации» в том числе и славянского язычества в Германии.

В таком ключе лютичи, или какая-то их часть (например, ратары), могли тоже сделать шаг навстречу немецкой державе. Скажем, *позаимствовать у немцев их письменность, а именно латиницу*, ведь никакой другой немцы им дать не могли. В пользу этого есть косвенное замечание у самого же Титмара. Спустя совсем короткое время после покорения немцами серболужичан (полабские славяне) один из предшественников Титмара, епископ Мерзебурга Бозо, в период около 969–970 годов, «чтобы легче наставлять вверенную ему паству, он писал по-славянски и заставлял их петь» церковные песнопения¹⁷ [23 (II, 37), с. 31].

Разумеется, ни на каком другом алфавите, кроме латинского, немецкий католический епископ писать для своей паствы не мог; значит уже в этот период там находились славяне, способные читать на латинице¹⁸. Почему бы им не быть спустя полвека в каком-то количестве и у лютичей, тяготевших к язычеству, но сближавшихся с немцами? Балтийские славяне заимствовали у соседей передовые достижения культуры и вполне могли уже прийти к осознанию пользы письма, если не для текстов, то хотя бы для подписей¹⁹. Они также могли познакомиться ближе с немецкой письменностью в период господства христианства в некоторых землях балтийских славян в период от военных успехов Оттона Великого (правил в Германии в

¹⁷ Оригинал: «*Hic ut sibi commissos eo facilius instrueret, Sclavonica scripserat verba et eos kirieleison cantare*» [25, s. 84].

¹⁸ Серболужичане всегда находились в тесном контакте с чехами, а Великая Моравия крестилась уже в IX в., в т. ч. усилиями св. Мефодия. То есть чехи, чей язык был тогда очень близок к серболужичким, ко времени Бозо использовали письмо уже по меньшей мере столетие.

¹⁹ Впрочем, для подписей вполне годились и германские руны; здесь уместно вспомнить упомянутый рунический камень Товы, жены Харальда Синезубого. К тому же, ещё длится эпоха викингов.

936–973 годах) до Великого языческого восстания 983 года. Однако сближение с немцами оказалось явлением временным. По окончании войны с Польшей в 1018 году союз распался; отношения стали стремительно ухудшаться, дойдя вплоть до разграбления немцами Редегоста в конце 1060-х годов [19, с. 594–597].

Но эту историю я не продолжу подробнее: мне важнее указать, что потому-то Адам Бременский, работавший как раз во второй половине XI в., и не упоминал уже никаких надписей: они исчезли вместе с немецким союзничеством. Со времён Титмара и до самого конца языческой эпохи (примерно 1170 года) у балтийских славян больше нет никаких намёков на их надписи где бы то ни было – ни по сообщениям письменных источников, ни по археологическим находкам. Возможно, это тоже вызвано разрывом с немцами: опыт сближения привёл к печальным последствиям, повторять его больше не хотелось. Письменность при господстве язычества могла пониматься своеобразным атрибутом вражеского христианского «*Тевтонского Бога*» [19, с. 722] и вызывать отторжение даже при понимании её практичности²⁰. Настоящая письменная культура приходит в мир балтийских славян с христианством, собственно, как и во всех случаях с любыми другими славянами да и прочими североевропейцами²¹.

Заключение. Итоги проведенной работы вполне подтверждают устоявшуюся в науке аксиому: славянской письменности до крещения не существовало – она была не нужна людям, с древности передававшим и развивавшим свои священные знания в устной форме. Многочисленным мнемотехникам индоевропейской устной традиции можно было бы посвятить не одно специальное исследование, недаром первыми же примерами литературы этих народов предстают такие шедевры, как «Ригведа», «Илиада» и т. п., которые возникли не из пустоты, а на основе многовековой традиции бесписьменного слова.

²⁰ Предположение, что надписи в храме Редегоста были сделаны латиницей, и отдельные доводы в пользу этого я высказывал в ходе консультаций с М. Н. Чистяковым при подготовке им его книги. В ней он со ссылкой «по мнению О. В. Кутарева» отметил эти мои нигде ранее не опубликованные замечания, за что выражаю ему признательность [26, с. 228]. Теперь я публикую их сам, исследуя и другие грани любопытного вопроса славянских надписей до крещения.

²¹ Отмечу также, что возражение В. А. Истрина, будто для надписей в Редегосте «полностью исключена возможность применения <...> латинского или греческого письма», поскольку Титмар бы узнал латинские буквы (надписи якобы были «начертаны особыми знаками») [17, с. 444–445], не выглядит осмысленным. Ведь Титмар нигде не указывает, что надписи были сделаны не на латинице; более того, он ещё и знал, что там были вырезаны конкретно имена, а не какие-то неведомые и непонятные надписи. Вероятно, Титмар не акцентирует внимания на том, что это было за письмо именно потому, что он и сам привёл пример его именем Сварожича на латинице: *Zuarasici*. Правда, уверенно можно говорить, что сам Титмар не бывал в Редегосте и передавал это своё сообщение от какого-то надёжного информатора. В любом случае мой окончательный вывод таков: алфавит, используемый в Редегосте, был заимствованным.

Ещё в XIX–XX вв. собиратели записывали бесчисленные произведения фольклора – былины, песни, сказки – у неграмотных крестьян по всему славянскому миру. Так и у славян-язычников свидетельства не дают никакого надёжного массива данных, позволяющего спорить с аксиомой об отсутствии письма до крещения: ни в отношении упоминаний в дошедших текстах (типа летописи или сведений Черноризца Храбра), ни в отношении материалов сильно продвинувшейся в последние десятилетия археологии. Впрочем, какие-то случаи может разумно объяснить употребление германских рун. Что же о надписях в Редегосте по сообщению Титмара, то логичнее всего видеть их сделанными на латинском алфавите. В этом ключе, возможно, имеет смысл поставить теперь вопрос на будущее: а нельзя ли предположить наличие иных надписей на землях языческих балтийских славян на германских рунах или латинице не исключительно чужеземным проникновением, а их собственными попытками как-то записать славянский язык?

Список литературы

1. Рак И. В. Мифы Древнего и раннесредневекового Ирана. СПб.–М.: Летний Сад, 1998. 560 с.
2. Зороастрийские тексты / изд. подг. О. М. Чунакова. М.: Восточная литература РАН, 1997. 352 с.
3. Фирдоуси. Шахнаме: в 6 т. Т. 1 / изд. подг. Ц. Б. Бану, А. Лахути, А. А. Стариков. М.: Издательство АН СССР, 1957. 676 с.
4. Елизаренкова Т. Я. «Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV / изд. подг. Т. Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1989. С. 426–543.
5. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей; Гай Саллустий Крисп. Сочинения / пер. с лат. М. М. Покровского. М.: АСТ; Ладомир, 2002. 752 с.
6. Пиготт С. Друиды. Поэты, учёные, прорицатели. М.: Центрполиграф, 2005. 224 с.
7. Широкова Н. С. Мифы кельтских народов М.: Астрель; АСТ. 2005. 431 с.
8. Кутарев О. В. Психотехники в старом язычестве Северной Европы // Психотехники и изменённые состояния сознания. Сборник материалов Второй международной научной конференции, 12–14 декабря 2013 г., Санкт-Петербург / отв. ред. С. В. Пахомов. СПб.: Издательство РХГА, 2015. С. 282–295.
9. Тацит Публий Корнелий. Анналы. Малые произведения. История / пер. с лат. А. С. Бобовича. М.: АСТ; Ладомир, 2003. (Ann: Анналы. С. 5–423; Germ: О происхождении германцев и месторасположении Германии. С. 458–483).
10. Хлевов А. А. Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII вв. СПб.: Евразия, 2002. 336 с.
11. Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи: новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М.: Восточная литература РАН, 2001. 496 с.

12. Глазачёв А. Рунические надписи и статистика // Северный Ветер. 2017. № 17. С. 14–16.
13. Weiss D. The Emperor of Stones // *Archaeology. A publication of the Archaeological Institute of America*. 2020. July/August. Vol. 73, no. 4. Pp. 9–10.
14. Waal W. On the “Phoenician Letters”: The case for an early transmission of the Greek alphabet from an archaeological, epigraphic and linguistic perspective // *Aegean Studies*. 2018. No. 1. Pp. 83–125.
15. Кутарев О. В. История мистификаций и домыслов в области славянского пантеона (до середины XIX в.) // *Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования: монография / под ред. Р. В. Шиженского*. Нижний Новгород: Мининский университет, 2016. С. 133–160.
16. Творогов О. В. Влесова книга // *Труды Отдела древнерусской литературы*. 1990. Т. 43. С. 170–254.
17. Истрин В. А. Возникновение и развитие письма. М.: Наука, 1965. 600 с.
18. Флоря Б. Н. Сказания о начале славянской письменности. М.: Наука, 1981. 200 с.
19. Жизнеописание Оттона Бамбергского в церковных сочинениях и преданиях / пер. с лат., исслед. и коммент. А. С. Досаева, О. В. Кутарева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2021. 912 с. URL: https://www.rfbr.ru/view_book/3033/
20. Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. Lib. 3-4 (Vol. II). Varsovia: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1970. 500 p.
21. Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских / изд. подг. Л. М. Попова. М.: Издательство АН СССР, 1961. 172 с.
22. Кутарев О. В. О причинах (не)упоминаний славянского язычества в западноевропейских источниках VI–XIII вв. // *SocioTime / Социальное время*. 2018. № 3 (15). С. 113–122.
23. Титмар Мерзебургский. Хроника / пер. с лат. И. В. Дьяконова. М.: Русская панорама, 2009. 256 с.
24. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. IV: Западноевропейские источники / сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 512 с.
25. Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung / hsg. R. Holtzmann = MGH SS rer. Germ. N. S. 9. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1935. 632 s.
26. Чистяков М. Н. Языческая цивилизация балтийских славян. Вера, обряды и святилища. М.: Амрита-Русь, 2021. 432 с.

Авторская справка

КУТАРЕВ Олег Владиславович – аспирант, Русская христианская гуманитарная академия (РХГА), г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: etnogenez@mail.ru

Scientific article

UDC 94

<https://doi.org/10.25686/2410-0773.2024.1.9>

SOME MUSINGS ABOUT PRE-CHRISTIAN SLAVIC WRITING AND INSCRIPTIONS OF RIEDEGOST (RETHRA)

O. V. Kutarev*Russian Christian Academy for the Humanities, Saint Petersburg (Russia)*

Introduction. The work examines some aspects of the problem of Northern European and, more specifically, Slavic pre-Christian writing. First of all, these are comparative materials about the attitude of the Indo-Europeans to writing in antiquity and the degree of development of the oral tradition. The next is a review of a number of well-known references to Slavic writing before baptism and their possible explanation, for example, in Chernorizets Hrabar. Finally, special attention is paid to the message of Thietmar of Merseburg (11th century) about the inscriptions in the Slavic pagan holy city of Riedegost (Polabian-Baltic communities of the West Slavic group), which seems, on the one hand, to be highly reliable; but on the other hand, it is unique and does not find any confirmation either in other texts or in archeology. The author offers a consistent explanation for this message.

Methods. The examination of the attitude of ancient communities to writing is carried out primarily through the comparative historical method; for the review of references to pre-Christian Slavic written artifacts a source study method is applied. To explain the inscriptions in Riedegost, historical methodology provides the necessary tools.

Results. Sources show that the Indo-European peoples for a long time had a wary, and sometimes downright negative attitude towards writing, placing a deliberate emphasis on the development of oral literature in the transmission of sacred knowledge – although today such approaches may seem paradoxical. The Northern European tradition, which is well aware of how writing works in principle and sometimes even turns to it for diplomatic and legal purposes, nevertheless acquired it in its full form mainly after and as a result of baptism. One of the consequences of this was that with the bearers of pagan knowledge, the tradition itself disappeared almost without a trace, since at an early stage the appearance of texts related almost entirely to the culture of Christians who were not interested in fixing pagan beliefs, concepts, etc. From this perspective, Thietmar's reliable mention of inscriptions among the pagan Slavs requires a special approach.

Conclusion. The inscriptions in Riedegost can hardly be considered evidence of some independent Slavic pre-Christian writing: their essence and origin are explained differently.

Keywords: pre-Christian writing of the Slavs, Slavic paganism, Thietmar of Merseburg, Chernorizets Hrabar, Ogham, Germanic runes.

References

1. Rak I.V. *Mify Drevnego i rannesrednevekovogo Irana* [Myths of Ancient and Early Medieval Iran]. Saint Petersburg–Moscow, Letnij Sad, 1998, 560 p.
2. *Zoroastrijskie teksty* [Zoroastrian texts]. Iizd. podg. O. M. Chunakova. Moscow, Vostochnaja literatura RAN, 1997, 352 p.
3. Ferdowsi. *Shahnameh*. Iizd. podg. C. B. Banu, A. Lahuti, A. A. Starikov. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, 1957, vol., no. 1, 676 p.
4. Elizarenkova T. J. «*Rigveda*» – *velikoe nachalo indijskoj literatury i kultury* [“Rigveda” – the great beginning of Indian literature and culture]. *Rigveda*. Mandaly I–IV. Iizd. podg. T. J. Elizarenkova. Moscow, Nauka, 1989, pp. 426–543.
5. *Zapiski Julija Cezarja i ego prodolzhatel'ej; Gaj Salljustij Krisp. Sochinenija* [Writings of Julius Caesar and his successors; Gaius Sallust Crispus. Works]. Per. s lat. M. M. Pokrovskogo. Moscow, AST, Ladomir, 2002, 752 p.
6. Pigott S. *Druidy. Pojety, uchjonye, proricatei* [Druids: Poets, scientists, soothsayers]. Moscow, Centrpoligraf, 2005, 224 p.
7. Shirokova N. S. *Mify keltskih narodov* [Myths of the Celtic peoples]. Moscow, Astrel', AST, 2005, 431 p.
8. Kutarev O. V. *Psihotehniki v starom jazychestve Severnoj Evropy* [Psychotechniques in the old paganism of Northern Europe]. *Psihotehniki i izmenjonnye sostojanija soznanija*. Sbornik materialov Vtoroj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 12–14 dekabnja 2013 g., Saint Petersburg. Otv. red. S. V. Pakhomov. Saint Petersburg, Izdatel'stvo RHGA, 2015, pp. 282–295.
9. Tacitus Publij Kornelij. *Annaly. Malye proizvedenija. Istorija* [Annals. Small works. History]. Per. s lat. A. S. Bobovicha. Moscow, AST, Ladomir, 2003, 984 p.
10. Hlevov A. A. *Predvestniki vikingov. Severnaja Evropa v I–VIII vv.* [Harbingers of the Vikings. Northern Europe in the 1st–8th centuries]. Saint Petersburg, Evrazija, 2002, 336 p.
11. Melnikova E. A. *Skandinavskie runicheskie nadpisi: novye nahodki i interpretacii. Teksty, perevod, kommentarij* [Scandinavian runic inscriptions: new finds and interpretations. Texts, translation, commentary]. Moscow Vostochnaja literatura RAN, 2001, 496 p.
12. Glazachyov A. *Runicheskie nadpisi i statistika* [Runic inscriptions' statistics]. *Severnyj Veter*, 2017, no. 17, pp. 14–16.
13. Weiss D. *The Emperor of Stones*. Archaeology. A publication of the Archaeological Institute of America, 2020, July/August, vol. 73, no. 4, pp. 9–10.
14. Waal W. *On the “Phoenician Letters”: The case for an early transmission of the Greek alphabet from an archaeological, epigraphic and linguistic perspective*. *Aegean Studies*, 2018, no. 1, pp. 83–125.
15. Kutarev O. V. *Istorija mistifikacij i domyslov v oblasti slavyanskogo panteona (do serediny XIX v.)* [History of hoaxes and speculation in the field of the Slavic pantheon (until the middle of the 19th century)]. *Jazychestvo v sovremennoj Rossii: opyt mezhdisciplinarnogo issledovaniya: monografija*. Pod red. R. V. Shizhenskogo. Nizhnij Novgorod: Mininskij universitet, 2016, pp. 133–160.
16. Tvorogov O. V. *Vlesova kniga* [Vlesova Book]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury*, 1990, vol. 43, pp. 170–254.

17. Istrin V. A. *Vozniknovenie i razvitie pisma* [The emergence and development of writing]. Moscow, Nauka, 1965, 600 p.
18. Florja B. N. *Skazanija o nachale slavjanskoj pis'mennosti* [Tales about the beginning of Slavic writing]. Moscow, Nauka, 1981, 200 p.
19. *Zhizneopisanie Ottona Bambergskogo v cerkovnyh sochinenijah i predanijah* [Biography of Otto of Bamberg in church writings and legends]. Per. s lat., issled. i komment. A. S. Dosaev, O. V. Kutarev. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin, 2021, 912 p. Available at: https://www.rfbr.ru/view_book/3033/
20. Ioannis Dlugossii *Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae*. Lib. 3–4 (T. II). Varsovia, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1970, 500 p.
21. Gall Anonim. *Hronika i dejanija knjazej ili pravitelej polskih* [Chronicle and deeds of the Princes of the Poles]. Izd. podg. L. M. Popova. Moscow, Izdatelstvo AN SSSR, 1961, 172 p.
22. Kutarev O. V. *O prichinah (ne)upominanij slavjanskogo jazychestva v zapadnoevropejskih istochnikah VI–XIII vv.* [On the reasons for the (non)mention of Slavic paganism in Western European sources of the 6th–13th centuries]. *SocioTime / Socialnoe vremja*, 2018, no. 3 (15), pp. 113–122.
23. Thietmar Merzeburgskij. *Hronika* [Chronicle]. Per. s lat. I. V. Dyakonova. Moscow, Russkaja panorama, 2009, 256 p.
24. *Drevnjaja Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov: Hrestomatija. Tom IV. Zapadnoevropejskie istochniki* [Ancient Rus' in the light of foreign sources. Vol. IV: Western European sources]. Sost., per. i komment. A. V. Nazarenko. Moscow, Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke, 2010, 512 p.
25. Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung. Hsg. R. Holtzmann = MGH SS rer. Germ. N. S. 9. Berlin, Weidmannsche Buchhandlung, 1935, 632 s.
26. Chistjakov M. N. *Jazycheskaja civilizacija baltijskih slavjan. Verovanija, obrjady i svjatilishha* [Pagan civilization of the Baltic Slavs. Beliefs, rituals and sanctuaries]. Moscow, Amrita-Rus', 2021, 432 p.

Author's Bio

KUTAREV Oleg Vladislavovich – post-graduate student of Russian Christian Academy for the Humanities, Saint Petersburg (Russia). E-mail: etnogenez@mail.ru

Библиографическая ссылка

Кутарев О. В. О дохристианской письменности у славян и надписях в городе Редегосте // *SocioTime / Социальное время*. 2024. № 1 (37). С. 9–24. DOI: 10.25686/2410-0773.2024.1.9

Научная статья

УДК 111

<https://doi.org/10.25686/2410-0773.2024.1.25>

ЧЕЛОВЕК КАК АКТУАЛЬНО БЕСКОНЕЧНО МАЛАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОТЕНЦИАЛЬНО БЕСКОНЕЧНО БОЛЬШОГО МИРА

Р. А. Нуруллин

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань (Россия)

Введение. Метафизические основания наших рассуждений об устройстве мира коренятся в идеализированных математических представлениях о фрактальной организации бытия. Попытка наполнить чистые формы математики реальным содержанием приводит к тому, что весь мир можно представить в виде многоуровневой открытой системы вложенных друг в друга подсистем бытия.

Методы. В основе методологии исследования лежит диалектика, позволяющая создавать умозрительные конструкции сложных многомерных объектов на основе тождества противоположных категорий. В работе также используются общенаучные методы и принципы соответствия, дополненности, системности и синергетики, которые позволяют рассматривать мир как многоуровневую саморазвивающуюся систему вертикальных и горизонтальных отношений.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Из фрактальных представлений бытия человека можно рассматривать двояко: с одной стороны, как существо, полностью закрепощенное всеобщими законами Логоса, который обусловлен трансцендентным уровнем бытия, имманентно определяющего человека, а с другой – как нечто приближенное к небытию Хаоса, как отчужденного, одинокого и абсолютно свободного жителя нижних этажей актуального бесконечного Космоса. Где последнее вовсе не означает потерю смысла своего существования в мире для самого человека.

Заключение. Оба подхода в металогическом плане по отдельности, конечно же, имеют право на свое существование, необходимое для выявления разных аспектов целостных феноменов, но при диалектическом отражении целостных объектов требуют своего рассмотрения ранее проанализированных сторон системы в синтетическом единстве на принципах дополненности. Результат анализа привел к понятию «со-бытие», на которое ранее обратил внимание М. Хайдеггер. Именно путём понимания человека не как отдельности, а как со-бытия по ничтожению (отрицанию) сознанием Ничто (непознанного) мир вокруг человека приобретает определенность, а сам человек находит смысл своего бытия в мире.

Ключевые слова: человек, общество, человечество, актуальная бесконечность, бытие, микромир, макромир, мегамир, со-бытие.

Введение. Метафизические основания наших рассуждений об устройстве мира коренятся в идеализированных математических представлениях о фрактальной организации бытия. Фрактами называются такие множества, которые обладают свойством самоподобия или масштабной инвариантности [1, с. 80–86]. Попытка наполнить чистые формы математики реальным содержанием приводит к тому, что весь мир можно представить в виде

многоуровневой открытой системы вложенных и одновременно пересекающих друг друга подсистем бытия, в которой всю систему Вселенной абстрактно можно соотнести с периодической дробью, существующей в виде десятичного потенциально-бесконечного постоянно становящегося ряда одинаковых натуральных чисел, где каждое из чисел по отдельности может составлять актуальную бесконечность разных масштабов в зависимости от занимаемого места в ряду (например, число 0,333333...) [2, с. 9–17].

Таким образом, приходим к полионтичной картине бытия вложенных друг в друга уровней единиц разных масштабов, но в то же время тождественных между собой монад. На основе этих представлений, начиная с работ Н. А. Носова, сегодня активно развивается одно из популярных направлений философской виртуалистики – учение о полионтичной структуре бытия [3]. Данная метафизическая картина мира имеет некоторые параллели с «Монадологией» Г. Лейбница [4, с. 291–299].

Метафизика Г. Лейбница делит мир на три уровня бытия: возможного, действительного и реального. Исходя из современных научных представлений о мире, по нашему мнению, модификации следует подвергнуть представления о действительном уровне бытия. Действительность, по Г. Лейбницу, составляет актуально-бесконечное множество монад – субстанций, которые выступают энтелехиями (идеальными причинами конца) – целями для реализации бытия вещей. Единство всех монад осуществляется монадой совершенного и благодного Бога, который посредством предустановленной гармонии синхронизирует действия всех монад. По Г. Лейбницу, весь уровень бытия Сознания Бога представляет собой интеграл, который он рассматривает как актуальную бесконечность, состоящую из максимального числа монад (идеалов, сущностей, энтелехий, дифференциалов), которые задают разным классам явлений разные степени стремления к своим идеалам.

Таким образом, множество монад ранжированы по отношению к объективному Сознанию монады Бога и по степени своего осознания занимают определенные места в иерархии уровней бытия от бессознательного до сознательного. И в этой иерархии бытия монада человека вовсе не занимает первые места возле монады Бога. По Г. Лейбницу, в монаде человека бессознательного намного больше сознательного. Г. Лейбниц как гениальный метафизик пытается взглянуть на мир с позиций абсолютных возможностей объективного Бога. Но мыслящий мозг человека, каким бы гениальным ни был, не тождественен структуре сложности Бога. Поэтому и за человеческой абсолютизацией тех или иных представлений о мире видятся лишь относительные истины достижений своей эпохи. Поэтому с точки зрения феноменологии мышления человека метафизическую картину действительного бытия Г. Лейбница придется несколько трансформировать.

По отношению к познавательным возможностям человеческого разума действительный уровень бытия, определяющий мир вещей, можно условно разделить на три: микроуровень, макроуровень и мегауровень. Все три уровня по принципу восточной философии «одно во всем и все в одном» вполне могут представлять тождественную между собой фрактально-организованную структуру бытия и станут различаться не сами по себе, а по возможности их отражения человеческим сознанием. Так, если в классической системе отражения человеку как субъекту доступны лишь объекты бытия макроуровня, то отражения объектов смежных областей возможно лишь с изменением при помощи познавательных инструментов субъектности человека, что может осуществляться с большой долей неустранимых ограничений.

В этой системе многоуровневой организации действительности бытие человека само превращается в нечто ничего не значащую величину, где человек пытается найти смысл своего существования, оказавшись между двумя мирами, один из которых по отношению к нему стремится к актуально-бесконечно исчезающему миру микрообъектов, а другой – к актуально-бесконечно увеличивающемуся миру объектов Космоса.

Методы исследования. В основе методологии исследования лежит диалектика, которая позволяет создавать умозрительные конструкции сложных многомерных объектов как тождества противоположных категорий. На основе оценок мировоззренческих представлений о прошлом в развитии социальных систем категориальный арсенал философии позволяет выдвигать адекватные суждения о возможных путях развития человечества в будущем. Кроме того, в работе используются общенаучные методы и принципы соответствия, дополнительности, системности и синергетики, которые позволяют рассматривать мир как многоуровневую саморазвивающуюся систему вертикальных и горизонтальных отношений.

В работе также используется метод идеализации, позволяющий в предельно абстрактной форме создавать умозрительные конструкции. Идеализация дает возможность свести многообразие отражения реальных социальных процессов за длительный период развития истории человечества к исследованию одного интеграла, который в существенных отношениях концептуально будет отражать этапы реальной истории. Знание необходимых сторон социального развития может стать для человечества надежным инструментом управления своим будущим, так необходимым перед лицом глобальных угроз.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Если мысленно перенести точку отражения социальных процессов на периферию бытия – ближе к границам актуальной бесконечности масштабов Космоса, то бытие самих субъектов человечества можно фракталь-

но соотнести с феноменами квантовых объектов физики микромира в сравнении с человекообразными вещами масштабов макромира. С одной стороны, многообразие качеств отдельного человека можно свести к модели многомерной «квантовой частицы» социума с множеством различных своих состояний. С другой стороны, любой социальный феномен всегда можно соотнести с некоторым интегралом, составленным из суммы действий отдельных индивидуальностей, сведенных к неразличимым друг от друга дифференциалам. Интегральные отражения социальных феноменов можно соотнести с формами общественного сознания. Любая форма общественного сознания в первом приближении представляет собой общее трансцендентальное бытие, составленное из общих моментов в сознании множества людей по их отношению к тем или иным проявлениям социальной жизни.

Любое единичное воздействие человека на общее, начиная с некоторых масштабов этого общего, мысленно всегда можно свести к бесконечно-исчезающему дифференциалу. Здесь выделение значимости интегральных характеристик деятельности множества людей по отношению к особенностям отдельного индивида обусловлен тем, что индивид (единичное) и общество (многое), с некоторых масштабов общего или размеров единичного, начинают соотноситься друг с другом как минимум к максимуму в философском принципе Н. Кузанского [5]. То есть любой индивидуальный акт человеческого мышления и деятельности (минимум) нивелируется до своей незначимости как индивида или до бесконечно исчезающей величины – математического дифференциала – по отношению к актуально-большой бесконечности, образованной социальным бытием человечества (максимума).

Но социальное развитие, конечно же, нельзя сводить только лишь к непрерывному равномерному линейно-восходящему процессу с полным подчинением человека потребностям структур общества. Развитие открытых самоорганизующихся систем носит неравномерный и крайне нелинейный характер, где революционные перемены в точках бифуркации перманентно сменяются эволюционными периодами постепенного накопления изменений в общественном сознании, когда общество в своем развитии пребывает в относительно устойчивой форме своего бытия. Поэтому все наши рассуждения, конечно же, справедливы лишь для условий нормального эволюционного развития общества вдали от критических точек, так как из теории самоорганизации известно, что в критические периоды развития системы общества мысли и действия отдельной личности способны резко изменить свою значимость и вызвать радикальные перемены в судьбе всего социума в целом. В эти критические периоды, казалось бы, случайные относительно общества индивидуальные акты со стороны какой-либо отдельной личности, оказавшейся в нужное время и в нужном месте, могут неожиданно ра-

дикально изменить судьбу дальнейшего развития всей социальной системы в целом.

Все суждения о потере влияния индивидуальной значимости на общее более или менее справедливы для состоявшихся субъектов как подсистем человечества, которые проявляют относительную устойчивость и организованность в нестационарных условиях отношений между собой. К таким объектам отражения сегодня можно отнести и субъекты начиная от человека как элементарной составляющей общества до субъектов масштабов государственных структур отдельных стран, которые прошли длительный исторический путь своего становления и развития в процессе объединения различных людей и народностей в нации.

Если о составляющих человечества можно говорить как о более или менее состоявшихся целостностях, то о должном уровне духовного единства людей в системе организации всего человечества на Земле в целом пока ничего утвердительного сказать нельзя. Видимо, для становления субъекта человечества в единую духовную целостность требуется куда большего количества времени, чем это необходимо для культурно-цивилизационного становления отдельных наций.

Поэтому положение отдельного человека по отношению к человечеству как единице, участвующей в структуре социального глобального интеграла планетарного масштаба, вполне допускает своего рассмотрения в качестве бесконечно исчезающего дифференциала, где индивидуальные особенности и акты отдельной личности (мышление и поступки) подпадают под случайные события, не способные качественно повлиять на организацию социальной системы в целом, а могут лишь постепенно накапливаться в структуре общества. Эти количественные изменения в развитии цивилизации при достижении границ меры способны в дальнейшем приводить к различным социальным кризисам, которые могут поставить существование всей государственной машины отдельной страны перед историческим выбором: быть этому субъекту относительно самостоятельной культурной единицей в структуре человечества или же исчезнуть с лица Земли, растворившись в системе ценностей других более мощных и жизнеспособных культур.

Таким образом, вне исторических кризисов действия отдельного человека можно свести к действиям массового человека, который своими единичными актами качественно ничего не в состоянии определять в структуре функционирования целого общества. Эти действия способны лишь постепенно количественно механицистски накапливаться в недрах общественного сознания, тем самым плавно подготавливая необходимые условия будущих качественных перемен в развитии общества. Если соотнести действия единичного человека с целостными изменениями структур общества, то оценки одних и тех же событий, в зависимости от точки их рассмотрения (например, интересов отдельного человека и общества или даже челове-

ства), могут сильно различаться между собой и даже занимать диаметрально противоположные позиции.

Начнем свои рассуждения с анализа возможностей отражения человеком феноменов микроуровня. Исследуя микрообъекты, которые не даны человеку для непосредственного восприятия, ученому приходится рассматривать их при помощи инструментов-интерфейсов, позволяющих перевести средние значения интегралов, составленных из микроизменений, в человеческую мерность. Микрообъект как отдельность имеет свои физические размеры, а следовательно, как целостность он должен обладать собственной частотой периодических изменений – колебаний, способных при определенных внешних условиях входить в резонансные отношения. Вспомогательные приборы позволяют зафиксировать лишь интегральные проявления микроизменений изучаемого объекта и донести их до органов ощущений и восприятия исследователя. Какие бы интерфейсы ни создавал человек, это всегда будет что-то макроскопическое человекообразное, а потому об изменениях на микроуровне организации материи исследователь может судить лишь косвенно и до известных границ, обозначенных интервалом неопределенностей, впервые сформулированных В. Гейзенбергом [6, с. 1177].

Следовательно, человек как макротело способен при помощи органов чувств отражать лишь интегральные (доступные ощущениям человека) свойства, образованные структурой составляющих его частей, которые объективно одинаково фиксируются для любого индивида-исследователя с одинаковой субъектностью. Другими словами, субъект как обладатель своих индивидуальных качеств, вооруженный одними и теми же инструментами, в отражении объектов достигает лишь интерсубъективности, но не истины. У человека нет никакой возможности взглянуть на объекты макромира изнутри, с позиций отдельного элемента из ансамбля микрообъектов, составляющих это макротело. Только с определенной долей вероятности от нуля до единицы можно что-то сказать о том или ином состоянии микрочастицы по отношению к наблюдателю со своими инструментами.

Из оценок наблюдений квантовых эффектов следует, что человеку со своими познавательными макроскопическими инструментами не даны отражения вещей с позиции отдельных микрообъектов на языке идеалов классической науки. Данное познавательное ограничение точности отражения связано с тем, что субъект оказывается близко-далеко, но всегда вне зоны границ интервала неопределенностей В. Гейзенберга. Если же отражение объектов касается масштабов отношений «человек – человечество», то человек как субъект отражения структур человечества, наоборот, оказывается все время как бы в зоне неопределенностей своих отношений как с явлениями окружающего мира, так и себе подобных структур. Последнее связано с тем, что человек-исследователь неустранимо вынужден отражать

мир всегда изнутри как по ансамблю (социальному пространству), так и по времени (эпохе).

Подобно тому, как в квантовой физике взаимодействия макрообъектов напоминают взаимодействия облачных структур, так и взаимоотношения субъектов человечества (человек, семья, группа, класс, социальные институты, государство, системы государств, военные блоки и человечество в целом, эпохи и др.) представляют собой взаимодействия облачных ансамблей, где каждый ансамбль как активный субъект общества в конкурентной борьбе друг с другом преследует свои частные цели и интересы. Здесь взаимодействия субъектов между собой не всегда будут определяться однозначными законами механического детерминизма, а окажутся во власти законов вероятностного детерминизма [7, с. 33–43].

Взаимоотношения социальных ансамблей между собой имеют некоторые параллели со взаимодействиями квантовых объектов, которые подобны тому, как одно облако частиц взаимодействует с другим облаком – набором состояний случайных величин. Поэтому однозначному необходимому описанию оказываются подвластны лишь отношения между средними значениями физических величин, если речь идет об отражении квантовых феноменов физики; или между средними значениями взаимодействия разных уровней субъектов общества, если речь идет об отражении социальных феноменов человечества. И те и другие феномены описываются статистическими законами. Ввиду этого человек как структура, образованная взаимодействием своих частей, принадлежит макроскопическому миру, а потому он не может с позиций идеалов классической науки отразить поведение отдельного микрообъекта. Например, не представляется возможность одновременного точного определения координаты и импульса, энергии и времени состояния квантовой частицы [8, с. 5–70].

Субъект квантовых исследований, вооруженный инструментами наблюдения, имеет возможность судить лишь об интегральных проявлениях распределения энергии по ансамблю, составленному из проекций большого количества квантовых частиц. Если перевести наши познавательные возможности на отражение объектов изменений пространства-времени в сторону увеличения масштабов мегауровня, то человеческие представления упрутся в четырехмерный континуум [9].

Элементарной единицей анализа мегаструктур выступают феномены, соизмеримые с масштабами планеты Земля, субъектами которой являются составляющие структуры человечества. Здесь отдельный человек физически, эмоционально и ментально выражает единично-индивидуальные состояния в структуре феноменов, образованных интегральными характеристиками системных отношений субъектов всех уровней организации планетарного человечества, где человечество, хотя и является самой большой социальной системой на Земле, но в силу масштабности требует для своего

оформления в целостность большего исторического времени. А пока же мы видим человечество в виде конфедеративного образования, находящегося лишь на пути своего становления полноценным и полноправным субъектом Космоса. Здесь человек по отношению к человечеству сам оказывается как бы в положении элементарной частицы по отношению к интегральным проявлениям планетарного и космического масштабов феноменов, подобно микрочастице в структуре макротела.

Таким образом, переходя из особенностей отражения объектов микромира к особенностям отражения объектов мегамира, имеем следующие соображения. Важно иметь в виду, что человек пытается отразить объекты мегамира, исходя из своих пространственно-временных масштабов бытия. И факт в том, что по отношению к объектам мегамира процессы на макроуровне, происходящие даже со скоростями, близкими к скоростям света ($\approx 3 \cdot 10^8$ м/сек), воспринимались бы нашим сознанием так, как если бы с объектами мегамира ничего не происходило. А если даже от наших действий что-то и происходило, то этими изменениями в силу своей незначимости можно было бы пренебречь. Здесь человеку как субъекту приходится отражать процессы космических масштабов во времени через отражение различных объектов в пространстве, находящихся на различных стадиях эволюции временности, а пространственные параметры объектов, наоборот, приходится выражать через характеристики времени, например, в световых годах.

По сути, человек, устремляя взор вверх, видит над собой пространство в виде карты распределения состояний космических объектов во времени, где каждое место точек пространства относительно Земли отражает ту или иную проекцию эволюции объектов Космоса во времени, начиная где-то с 300000 лет после Большого взрыва, когда свет отделился от непроаннигилированного вещества (протонов и антипротонов) и сегодня приходит на Землю изотропно в виде реликтового излучения в радиодиапазоне частот. Но и эта гипотеза Начала не может претендовать на Абсолютность после доказательства в серии статей 2002-2003 годов теоремы Пуанкаре-Перельмана [10] и запуска в 2022 году космического телескопа «Джеймс Уэбб», результаты наблюдений которого поставили под сомнение многие прежние представления о возрасте Метагалактики, включая гипотезу абсолютного начала [11].

Следовательно, переходя из особенностей отражения человеком объектов микромира к особенностям отражения объектов мегамира, имеем следующие соображения: человек также не имеет возможности наблюдать реальный Космос таким, какой он есть на самом деле, то есть относительно некоторого Абсолютного наблюдателя. По отношению к человеку космические расстояния оказываются настолько огромными, что если даже челове-

ку двигаться со скоростями, близкими к скорости света, то в масштабах Космоса это означало бы почти то же самое, что стоять на месте. Именно это положение, скорее всего, задает человеку представления о неизменном Логосе бытия, определяющего все виды движения этого Мира [12, с. 62–75].

В данной системе координат неизменных законов Логоса бытия телесная жизнь отдельного человека может рассматриваться стремящимся к актуальной бесконечно исчезающей точке – дифференциалу пространства-времени, а его сознание – пребывающим в состоянии абсолютной отчужденности. Все эти факторы вынуждают человека отражать себя среди других себе подобных структур как ничего не значащее, одинокое и случайное бытие в мире. Связано это с тем, что человек своим присутствием в этом большом и сложном Мире необходимым образом всегда оказывается внутри Его трансцендентности.

Мир, обусловленный трансцендентным началом, казалось бы, с одной стороны, имманентно должен определять все свои составляющие, допустим, желания и поступки человека, а с другой – наоборот, сделать человека свободным от интегральных характеристик законов Вселенной. Все это приводит к двойственности отражения положения человека в мире. Первый вариант отражения тяготеет к пантеистическим воззрениям, где все возможные действия человека были бы фатально предопределены природной и/или божественной необходимостью Логоса в духе спинозовской концепции бытия [13, с. 172–180] или лапласовского детерминизма, в которой нет места случайности и своеволию человека [14, с. 202–213].

Второй вариант интерпретации положения человека в мире вытекает из самого определения актуально большой бесконечности. Ведь актуальная бесконечность как самое большое конечное полностью перестает определяться своими составляющими, так как неважно из чего составлена эта бесконечность – из единичек, двоек,.. пятерок и т. д. – бесконечность не может быть больше бесконечности [5]. Здесь человек как частичка актуально большого Мира оказывается вне интегральных характеристик Вселенной. А как известно, для случая нет закона и человек сам по себе как отдельность для бытия Мира предоставлен самому себе, что лишает его смысла для бытия Космоса. Но тем не менее это положение вещей вовсе не означает потери для самого человека смысла своего существования в мире.

Таким образом, человека можно рассматривать, с одной стороны, как существо, полностью закрепощенное всеобщими законами Логоса, где Логос, выступая трансцендентностью, полностью имманентно определяет человека, а с другой – как нечто приближенное к Хаосу, как человека, пребывающего в абсолютной бессмысленности и одиночестве своего (не)бытия в качестве отчужденного абсолютно свободного жителя нижних этажей актуального бесконечного Космоса. Однако такое положение вещей вовсе не означает потери человеком смысла своего существования в мире.

Оба подхода, конечно же, имеют право на существование по отдельности, но лишь в металогическом значении, необходимом для освещения разных аспектов целостных феноменов. При диалектическом отражении целостных объектов требуют своего рассмотрения ранее проанализированных сторон системы в синтетическом единстве на принципах дополнительности. И такой выход нашелся в понятии «со-бытие», на которое обратил внимание М. Хайдеггер. Именно от понимания человека не как отдельности, а как со-бытия по ничтожению (отрицанию) сознанием Ничто (непознанного), мир в лице человека приобретает свою определенность, а человек находит смысл своего бытия в мире [15].

Заключение. Метафизические основания наших рассуждений об устройстве мира коренятся в идеализированных математических представлениях о фрактальной организации бытия. Попытка наполнить чистые формы математики реальным содержанием приводит к тому, что весь мир можно представить в виде многоуровневой открытой системы вложенных друг в друга подсистем бытия. Исходя из этого, следует, что взаимоотношения социальных ансамблей между собой имеют некоторые параллели с отражениями взаимодействий квантовых объектов, которые подобны тому, как одно облако частиц взаимодействует с другим облаком – набором состояний случайных величин. Поэтому однозначному необходимому описанию статистических объектов оказываются подвластны лишь отношения между средними значениями отражаемых величин.

Из оценок наблюдений квантовых эффектов следует, что человеку со своими познавательными макроскопическими инструментами не даны отражения вещей с позиции отдельных микрообъектов на языке идеалов классической науки. Данное познавательное ограничение точности отражения связано с тем, что субъект всегда оказывается вне зоны границ интервалов неопределенностей, открытых Гейзенбергом. Если же отражение объектов касается масштабов отношений «человек – человечество», то человек как субъект отражения структур человечества, наоборот, всегда неустранимо оказывается в зоне неопределенностей своих отношений как с явлениями окружающего мира, так и себе подобных структур. Последнее связано с тем, что человек-исследователь неустранимо вынужден отражать мир всегда изнутри как по ансамблю (социальному пространству), так и по времени (эпохе).

Переходя из особенностей отражения человеком объектов микромира и макроуровней к особенностям отражения объектов мегамира, имеем следующие соображения: человек также не имеет возможности наблюдать реальный Космос таким, какой он есть на самом деле, то есть относительно некоторого абсолютного наблюдателя. Здесь человеку как субъекту приходится отражать процессы космических масштабов во времени через отра-

жение различных объектов в пространстве, находящихся на различных стадиях эволюции временности, а пространственные параметры объектов, наоборот, приходится выражать через характеристики времени, например в световых годах.

По отношению к человеку космические расстояния оказываются настолько огромными, что если даже человеку двигаться со скоростями, близкими к скорости света, то в масштабах Космоса это означало бы почти то же самое, что стоять на месте. Именно это положение, скорее всего, задает человеку представления о неизменном Логосе бытия, определяющего все виды движения этого Мира. В данной системе координат неизменных законов Логоса бытия телесная жизнь отдельного человека может рассматриваться стремящейся к актуальной бесконечно исчезающей точке – дифференциалу пространства-времени, а его сознание – пребывающим в состоянии абсолютной отчужденности. Все эти факторы вынуждают человека отражать себя среди других себе подобных структур и человечества в целом как ничего не значащее, одинокое и случайное бытие в мире.

Все это приводит к двойственности отражения положения человека в мире. Первый вариант отражения тяготеет к пантеистическим воззрениям, где все возможные действия человека были бы фатально predetermined природной и/или божественной необходимостью Логоса, в которой нет места для случайности и своеволия человека. Второй вариант интерпретации положения человека в мире вытекает из самого определения актуальной бесконечности. Ведь актуальная бесконечность как самое большое конечное перестает определяться своими составляющими, куда, конечно же, входит и человек. Здесь человек сам по себе как отдельность для бытия Мира оказывается предоставленным самому себе, что, казалось, должно бы лишиться смысла бытия человека в масштабах Космоса.

Таким образом, из фрактальных представлений бытия человека можно рассматривать, с одной стороны, как существо полностью закрепощенное всеобщими законами Логоса, обусловленного трансцендентным уровнем бытия, имманентно определяющего человека, а с другой – как нечто приближенное к небытию Хаоса, как отчужденного, одинокого и абсолютно свободного жителя нижних этажей актуального бесконечного Космоса, где последнее вовсе не означает потерю смысла своего существования в мире для самого человека.

Оба подхода в металогическом плане по отдельности, конечно же, имеют право на свое существование и необходимы для выявления разных аспектов целостных феноменов. Но при диалектическом отражении целостных объектов они требуют рассмотрения ранее проанализированных сторон системы в синтетическом единстве на принципах дополнительности. Результат анализа привел к понятию «со-бытие», на которое ранее обратил внимание М. Хайдеггер. Именно от понимания человека не как от-

дельности, а как со-бытия по ничтожению (отрицанию) сознанием Ничто (непознанного), мир вокруг человека приобретает определенность, а сам человек находит смысл своего бытия в мире.

Список литературы

1. Меньчиков Г. П. Фрактальность – всеобщее свойство бытия // Ученые записки Казанского университета: гуманитарные науки. 2008. Т. 150, кн. 4. С. 80–86.
2. Годарев-Лозовский М. Г. Философский взгляд на математическую бесконечность // Socio Time / Социальное время. 2021. № 3 (27). С. 9–17. URL: <https://www.volgatech.net/sociotime/archive/>
3. Носов Н. А. Виртуальная психология. М.: Аграф, 2000. 432 с.
4. Нуруллин Р. А. Метафизика виртуальности: монография. Казань: Изд-во Казанского государственного технологического университета, 2009. 544 с.
5. Тажурина З. А. Философия Николая Кузанского. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 152 с.
6. Суханов А. Д. Новый подход к соотношению неопределенностей энергия – время // Физика элементарных частиц и атомного ядра. 2001. Т. 32, вып. 5. С. 1177.
7. Челноков М. Б. Детерминизм и вероятность как фундаментальные основы природы // Вестник Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана: Серия «Естественные науки». 2012. № 1. С. 33–43.
8. Доданов В. В., Манько В. И. Обобщения соотношений неопределенностей в квантовой механике // Труды ФИАН СССР. 1987. Т. 183. С. 5–70.
9. Логунов А. А. Лекции по теории относительности. М.: Наука, 2002. 175 с.
10. Иэн Стюарт. Величайшие математические задачи. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 450 с.
11. Дьяков А. «Джеймс Уэбб»: как этот телескоп изменит наше представление о Вселенной [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/63330d0e9a794748891d0755> (дата обращения: 28.11.2023).
12. Нуруллин Р. А. Матричная трактовка небытия как метафизическое основание бытия // Метафизика. 2019. № 4 (34). С. 62–75. DOI: 10.22363/2224-7580-2019-4-62-74. URL: <http://lib.rudn.ru/35>
13. Майданский А. Д. Геометрический порядок доказательства и логический метод в «Этике» Спинозы // Вопросы философии. 1999. № 11. С. 172–180.
14. Сокупер З. А. Спор о детерминизме во французской философской литературе // Сборник: Онтология. Тексты философии: учебное пособие для вузов. М.: Академический проект, 2012. С. 202–213.
15. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.

Авторская справка

НУРУЛЛИН Рафаиль Асгатович – доктор философских наук, профессор, кафедра общей философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.
E-mail: nurulla958@mail.ru

Scientific article

UDC 111

<https://doi.org/10.25686/2410-0773.2024.1.25>

MAN AS AN ACTUAL INFINITELY SMALL COMPONENT OF A POTENTIALLY INFINITELY BIGGER WORLD

R. A. Nurullin*Kazan (Volga) Federal University, Kazan (Russia)*

Introduction. The metaphysical foundations of our reasoning about the structure of the world are rooted in idealized mathematical ideas about the fractal organization of existence. In an attempt to fill the pure forms of mathematics with real content, it leads to the fact that the whole world can be represented as a multi-level open system of subsystems of existence nested within each other.

Methods. The research methodology is based on dialectics, which allows one to create speculative constructions of complex multidimensional objects based on the identity of opposing categories. The work also uses general scientific methods and principles: correspondence, complementarity, systematicity and synergetics, which allow us to consider the world as a multi-level self-developing system of vertical and horizontal relationships.

Results. From the fractal representations of existence, man can be viewed in two ways. On the one hand, as a being of a Logos completely enslaved by universal laws, which is conditioned by the transcendental level of existence of the immanently defining person. On the other hand, as something close to the non-existence of Chaos, as an alienated, lonely and absolutely free inhabitant of the lower floors of the actual infinite Cosmos. Where the latter does not at all mean the loss of the meaning of one's existence in the world for the person himself.

Conclusion. Both approaches in metalogical terms, separately, of course, have the right to exist, necessary to identify different aspects of holistic phenomena. But with the dialectical reflection of integral objects, the previously analyzed aspects of the system require their consideration in synthetic unity on the principles of complementarity. The result of the analysis led to the concept of "co-being", which M. Heidegger previously drew attention to. It is the understanding of a person not as a separately, but as a co-existence through the annihilation (denial) of the Nothing (unknown) by consciousness, the world around a person acquires certainty, and the person himself finds the meaning of his existence in the world.

Keywords: man, society, humanity, actual infinity, existence, microworld, macroworld, Megaworld, co-existence.

References

1. Men'chikov G. P. Fraktal'nost' vseobshchee svoistvo bytiya [Fractality is a universal property of existence]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta: gumanitarnye nauki*, 2008, vol. 150, kn. 4, pp. 80–86.
2. Godarev-Lozovskii M. G. Filosofskii vzglyad na matematicheskuyu beskonechnost' [Philosophical view of mathematical infinity]. *Socio Time / Sotsial'noe vremya*, 2021, no. 3 (27), pp. 9–17. Available at: <https://www.volgatex.net/sociotime/archive/>
3. Nosov N. A. Virtual'naya psixologiya [Virtual psychology]. Moscow, Agaraf, 2000, 432 p.
4. Nurullin R. A. Metafizika virtual'nosti. Monografiya [Metaphysics of virtuality. Monograph]. Kazan, Izd-vo Kazan. gos. texnol. un-ta, 2009, 544 p.

5. Tazhurina Z. A. *Filosofiya Nikolaya Kuzanskogo* [Philosophy of Nicholas of Cusa]. Moscow, Knizhnyi dom "LIBROKOM", 2010, 152 p.
6. Sukhanov A. D. *Novyi podkhod k sootnosheniyu neopredelennosti energiya-vremya* [A New Approach to the Energy-Time Uncertainty Relationship]. *Fizika elementarnykh chastits i atomnogo yadra*, 2001, vol. 32 (5), p. 1177.
7. Chelnokov M. B. *Determinizm i veroyatnost' kak fundamental'nye osnovy prirody* [Determinism and probability as fundamental principles of nature]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. N. E. Baumana: Seriya "Estestvennye nauki"*, 2012, no. 1, pp. 33–43.
8. Dodanov V. V., Man'ko V. I. *Obobshcheniya sootnoshenii neopredelennosti v kvantovoi mekhanike* [Generalizations of uncertainty relations in quantum mechanics]. *Trudy FIAN SSSR*, 1987, vol. 183, pp. 5–70.
9. Logunov A. A. *Leksii po teorii otnositel'nosti* [Lectures on the theory of relativity]. Moscow, Nauka, 2002, 175 p.
10. Ien Styuart. *Velichaishie matematicheskie zadachi* [The Greatest Math Problems]. Moscow, Al'pina non-fikshn, 2015, 450 p.
11. D'yakov A. "Dzheims Uebb": kak etot teleskop izmenit nashe predstavlenie o Vselennoi ["James Webb": how this telescope will change our understanding of the Universe]. Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/63330d0e9a794748891d0755> (accessed 28.11.2023).
12. Nurullin R. A. *Matrichnaya traktovka nebytiya kak metafizicheskoe osnovanie bytiya* [Matrix interpretation of non-existence as a metaphysical basis of being]. *Metafizika*, 2019, no. 4 (34), pp. 62–75. DOI:10.22363/2224-7580-2019-4-62-74. Available at: <http://lib.rudn.ru/35>
13. Maidanskii A. D. *Geometricheskii poryadok dokazatel'stva i logicheskii metod v "Etike" Spinozy* [Geometric order of proof and logical method in Spinoza's "Ethics"]. *Voprosy filosofii*, 1999, no. 11, pp. 172–180.
14. Sokuper Z. A. *Spor o determinizme vo frantsuzskoi filosofskoi literature* [The debate about determinism in French philosophical literature]. *Sbornik: Ontologiya. Teksty filosofii: Uchebnoe posobie dlya vuzov*. Moscow, Akademicheskii proekt, 2012, pp. 202–213.
15. Khaidegger M. *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow, Respublika, 1993, 447 p.

Author's Bio

NURULLIN Rafail Asgatovich – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of General Philosophy Institute of social and philosophical Sciences and Mass communications of the Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia. E-mail: nurulla958@mail.ru

Библиографическая ссылка

Нуруллин Р. А. Человек как актуально бесконечно малая составляющая потенциально бесконечно большого мира // *SocioTime / Социальное время*. 2024. № 1 (37). С. 25–38.
DOI: 10.25686/2410-0773.2024.1.25

Научная статья

УДК 304.9; 316.42; 659.1

<https://doi.org/10.25686/2410-0773.2024.1.39>

КОММЕРЧЕСКАЯ РЕКЛАМА КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР СОВРЕМЕННОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

В. В. Хренков

*Поволжский государственный технологический университет, г. Йошкар-Ола
(Россия)*

Введение. В статье с социально-философской критической позиции анализируются идеологические функции коммерческой рекламы в современном позднекапиталистическом потребительском, технологически высокоразвитом обществе. Актуальность и значимость исследуемой проблемы находит подтверждение, в частности, в том, что коммерческая реклама является одной из ключевых детерминант развития всего современного мирового общественного строя, атрибутом и отражением современных общественных процессов, фактором управления не только спросом и потребностями, но и сознанием, мотивациями, поведением, ценностями массового человека, одним из условий глобального утверждения капиталистического общества всеобщего отчуждения и установления в качестве стандарта способа существования потребительского, чрезмерно гедонистически-эгоистического, односторонне-неполноценного узкоматериалистического (и, сообразного такому способу, духовно-ментально-психологического облика современного человека). В силу всего перечисленного на примере рекламы плодотворен анализ господствующей идеологии, потому что в пространстве коммерческой рекламы с отчётливой наглядностью отражаются, проявляются и воспроизводятся присущие актуальному социальному порядку общественные отношения, ценности, нормы и стереотипы.

Методы. В целях раскрытия поставленной проблемы применялись следующие методы и подходы: диалектический и системный подходы; категориальный аппарат такого поля теорий и исследований, которое условно можно идентифицировать как неомарксистская, постмодернистская, а также гуманистическая социально-критическая мысль XX-XXI вв.; синтез; метод обобщения; принцип детерминизма; философия отчуждения; восхождение от абстрактного к конкретному и прочие.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Представлена трактовка имеющихся в современной общественной системе тенденций, осуществляющихся при задействовании и участии рекламы, следствием которых становятся процессы закабаления человека господствующей системой. Реализуется это закабаление путём инкорпорирования всех в социальное целое на основе идеологии конкуренции и потребления (нацеленной на стандартизацию, атомизацию, пассивизацию и дифференциацию – разобщение человеческих существ; на возвращение в них мнимой, поверхностной уникальности и т. д.) посредством моделирования человека по образцу существа, ограниченного потребностями, интересами, устремлениями низкоразвитыми, повседневно-незначительными, с неумеренной сфокусированностью на материально-физическо-потребительском.

В качестве идеологического орудия рекламой реализуется участие в воспроизводстве и апологии псевдореальной и (или) выстроенной на фальшивых принципах социальной реальности; в её тотальном санкционировании; в убеждении в правильности, неизбежно-

сти, естественности этой реальности; в закреплении существующего в мире порядка, служащего для утверждения и укрепления власти определённых сил и групп, которые во многом мотивированы потребностями в воспроизводстве прибылей и в эксплуатации людских и прочих ресурсов, в реализации разнообразных форм по подчинению и контролю ресурсов, финансов, людей и т. п. Рекламой вносится вклад в утверждение того порядка, где человек продолжает являться средством и для социально-экономической, политической машины, институтов, элит, разнообразных внешних чуждых сил (и т. д. и т. п.), и для других людей, и для самого себя (то есть нахождение в плену у неразумных, пагубных, неумеренных желаний, у зависимостей, мелочных связей и забот и т. п.).

Реклама – это один из вносящих свой вклад инструментов-факторов в процессы массовых отчуждения и овеществления сущностных сил человека, редуцирования многообразия путей развития человека, его объективации, пассивизации, дегуманизации, унификации – примитивизации и дестабилизации его сознания и поведения, что согласуется с потребностями социального порядка, его управленческо-идеологическими задачами. Эти задачи реализуются, в том числе на основе поддерживаемых процессов по деформации человека и человеческого в нём, осуществляемых посредством воспроизводства условий борьбы за выживание и борьбы с другими (как чего-то неизбежного, вынужденного и необходимого), пропаганды конкуренции – соперничества, потребительства и безмерного гедонизма, а также посредством разобщения людей между собой, атомизации общества, насаждения эгоцентризма и устремлённости к выражению индивидами своей иллюзорной субъектности.

Заключение. Как итог к числу выводов исследования можно отнести, например, следующие. Важно констатировать объективную включённость рекламы в существующем социальном порядке в общую систему управления людьми, что и определяет рекламу на глобальном уровне в роли идеологического фактора всей современной социальной структуры (сюда относимы и её функции по формированию множества потребностей, часто избыточных, ложных, пагубных, а также по социализации, адаптации, конформизации в обществе потребления). В большой степени выраженным является участие рекламы в возрастании степени управляемости индивидов в существующей системе, в выполнении ею отчуждающе-дегуманизирующих функций: в воспроизводстве тенденций, норм, ценностей, правил актуального социального порядка, не воспринимаемых человеком как сомнительные и деструктивные для его человеческой сущности (например, враждебные духовным и человечески-возвышающим идеалам и принципам).

Ключевые слова: коммерческая реклама, идеология, капиталистическая цивилизация, общество потребления, социальная деструкция, современный человек.

Введение. Настоящая работа имеет логическую взаимосвязанность, преемственность с нашей предыдущей статьёй, в которой была дана общетеоретическая картина сути, смысла, специфики современной идеологии – идеологии позднекапиталистического технологически высокоразвитого потребительского общества [1]. В пределах данной статьи уместно подчеркнуть, напомнить, что *идеология* – это то, что воспроизводит псевдореальную и (или) ложную во многом социальную реальность, но апологизирует её, тотально убеждая в её правильности, неизбежности и естественности. То есть идеология уверяет, что всё порождённое, сконструированное в сложившейся социальной реальности является общезначимым и обладающим

для всех безусловной ценностью. И это призвано увековечить существующий в мире порядок (разворачивающийся сообразно неким естественным, то есть в большой степени рыночным – и / или маскирующимся на самом деле под рыночные, моно- и олигополистическим – основанным на принципе частной собственности и потребностях капитала и т. п., законам) и служит укреплению и разрастанию власти меньшинства, стремящегося к прибыли и к удержанию социальной власти в мире.

Причём катастрофичность ситуации в том, что *нормы, ценности, правила существующего в мире социального порядка воспринимаемы живущим в нём массовым человеком не как разрушительные для его человеческой сущности, а как согласующиеся с естественным, должным, нормальным поведением и как одобряемо желанные. Помимо явных и традиционных форм эксплуатации, угнетения человека, применявшихся, пожалуй, испокон веков и повсеместно, в современную эпоху также реализуется эксплуатация потребительская: в некоторых частях света массам предоставляется всё больше материальных благ, всё больший уровень комфорта и потребления, потребительской (не)свободы, в силу чего увеличивается степень их (ими неосознаваемой) управляемости в существующей системе.*

Поскольку как раз таки в пространстве коммерческой рекламы в особенности выпукло отражаются, проявляются и воспроизводятся характерные для актуального социального порядка общественные отношения, ценности, нормы и стереотипы, то она и может стать наглядной и уместной иллюстрацией для анализа и демонстрации тех вопросов, которые имеют отношение к идеологическим основам современного устройства общества. В контексте наших исследований под коммерческой рекламой²² в первую очередь понимается существование, функционирование и воспроизводство в социальном и медийном пространстве совокупной массы коммерческих рекламно-информационных продуктов (образов).

Методы исследования. Среди всех методов и подходов, служащих теоретико-методологическим остовом проводимых исследований, следует выделить следующие: диалектический, системный подходы; категориальный аппарат такого дискурса, который условно можно идентифицировать как неомарксистская, постмодернистская и гуманистическая социально-критическая мысль XX-XXI вв.; синтез; принцип детерминизма; философия отчуждения; восхождение от абстрактного к конкретному; метод обобщения.

²² Подробнее о функциях, месте, роли рекламы в современном обществе см.: Хренков В. В. Деструктивные социальные функции коммерческой рекламы в обществе потребления: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Йошкар-Ола, 2018. 190 с.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Развивая исследуемую проблему, немаловажно сделать акцент на том, что современная коммерческая реклама во всех её неисчислимых формах должна быть рассмотрена в качестве одной из опор всей мировой системы современного позднекапиталистического потребительского общества и как способная выполнять самые что ни есть масштабные в своей сущности задачи. Объясняется это тем, что посредством управления сознанием и поведением современного человека реклама²³ как одно из средств массовой коммуникации используется в целях стабилизации и укрепления всей сложившейся и выстроенной социально-экономической системы высокоразвитого технологического общества.

С социально-критическо-философской позиции ситуация такова, что в деле подчинения людей власти капитала и правящим олигархическим (в том числе и прежде всего наднациональным – надгосударственным) элитам, конструирования человека как безопасного для капиталистического потребительского общества потребителя эффективно применяется реклама (что и знаменует собой её большое инструментальное значение по укреплению идеологической власти указанных субъектов). Это ярко иллюстрируется, в частности, тем, что в двадцатом столетии запущен и исправно реализуется бизнесом, маркетингом, рекламой механизм создания и привнесения в товары символических, эстетических и социальных ценностей и свойств, придающих предметам потребления мнимые, мифические свойства, функции и уникальность, в соответствии с которыми и выстраивает свою (псевдо)идентичность потребитель. Как характеризует данное проявление, к примеру, А. Горц, это обусловлено «постоянным стремлением превратить «грознящее» изобилие в новые формы дефицита» [2].

Очевидно, что в такой системе координат удел индивида-потребителя – быть постоянно отстающим и / или ведомым (сознательно и неосознанно) по отношению к беспрестанно воспроизводимой индустрии товаров и услуг всей совокупности предметов желаний с вкладыванием, привнесением в них симулятивных, символических образов, ассоциаций, знаков.

В то же время в контексте проблемы идеологии современного общества, санкционирующей создавшееся положение вещей как необходимое и разумное, довольно показательным является благосклонное отношение одних из неисчислимых апологетов существующей социальной действительности – Ч. Сэндиджа, В. Фрайбургера, К. Ротцолла [3, с. 85, 552-553] – к рекламе, называющих её институтом пропаганды благополучия, здоровья,

²³ Подробнее об этом см.: Хренков В. В. Деструктивные социальные функции коммерческой рекламы в обществе потребления: дис. ... канд. филос. наук. Йошкар-Ола, 2018. 190 с.

свободы, демократии, личных устремлений и т. п. *(и здесь уместно указать, что эти ценности, бесспорно, неимоверно значимы и одни из первоочередных, но в то же время попросту ограничены, будучи взятыми самими по себе, без учёта и включения ценностей высококультурно-, нравственно- и духовно-ориентированного плана)*, а также понимание этими авторами многообразных проявлений безвкусыности, примитивности в рекламе как «сугубо субъективной» интерпретации этого факта *(то есть перед нами, как это кажется, демонстрация данными авторами несколько релятивистской в контексте нравственности позиции к этой проблеме)*.

Следует заметить, что два указанных характерных для мировоззрения этих авторов пункта в целом типичны для сторонников и идеологов распространённого повсеместно общества рыночного, (неподлинно)демократического, псевдолиберального типа, основанного на провозглашении и утверждении тех принципов, что односторонни и неполны, если исходить из позиции апеллирования к идеальным критериям (таким, например, как духовное здоровье человека; его устремлённость к познавательной, созидательной, мыслительной активности; социальное здоровье; приоритет перед чем бы то ни было и в чём бы то ни было именно сущностных, подлинно человеческих целей и потребностей и т. д.).

Говоря о масштабах сложившегося положения дел, следует заострить внимание и на том, что в реальности достаточно немалое время всё обстоит таким образом, будто пространство города, медиа, интернет-среда, ландшафты, еда, одежда, культура, религия, спорт, политика и др. – все эти сферы жизни современных обществ оказались выстроенными в соответствии с потребностями рекламной отрасли. По мысли М. Леви, они «самым коварным, неостановимым и агрессивным образом» охвачены ею, не имеющей никакой пользы ни в гуманистическом, ни в социальном плане [4].

Реклама, призванная натренировать людей как потребителей, по Дж. К. Гэлбрейту, являет собой «форму искусства сбывать товары» и «орудие управления потребительским спросом», контроля вкусов потребителя с целью адаптирования их к потребностям промышленности [5, с. 349, 325].

И здесь особенно важно отметить, что дело не только лишь в контроле вкусов, а более того – в реализуемых процессах перенесения чуть ли не всей энергии индивидов в сферу потребительско-пользовательско-обладательских достижений, в сферу узко(низко)материальной жизни, ограниченной физиологическими инстинктами, в сферу развлечений (зачастую ещё и крайне неоднозначных и неблагоприятных) и конкуренции с другими (на уровне потребления, материального положения, в бытовом смысле и т. п.). Отождествление с этими сферами, ограничивающее / уничтожающее человеческое начало, сравнимо с попаданием в зависимость от веществ, вызываю-

щих наркотическое пристрастие. Эти процессы способствуют отвлечению людей от повышения своего культурного уровня, достойной самопреобразующей деятельности, участия в благотворных действиях, в попытках по всеобщему продвижению в сторону подлинного, духовно, гуманистически-ориентированного общества.

Во всём вышеназванном реклама используется как одно из средств дезориентации и дезинтеграции населения и низведения человека до уровня единицы, исполняющей трудовую, потребительскую и иные функции, до состояния манипулируемо-эксплуатируемого «полуробота». Поэтому очевидно, что неотъемлемым элементом всей современной культуры и цивилизации является реклама, представляющая собой целый спектр проявлений, направленных на воспитание и закрепление управляемого (но полагающего себя свободным, автономным) и развитого в крайне ограниченных пределах типа личности.

Так, если в двадцатом столетии часть западных социально-критически и гуманистически мыслящих теоретиков могла объяснять развитие пороков и серьёзный дефицит в обществе нравственного сознания развращающим воздействием массовых культуры, искусства и рекламы, то отечественные авторы позднесоветского времени корень данного процесса усматривали в самих капиталистических общественных отношениях.

В частности, А. В. Кукаркин пришёл к мысли, что главная цель функционирования «всей многосложной машины манипуляции личностью», осуществляемого средствами рекламы, массового искусства, пропаганды, заключается в том, чтобы служить опорой современной общественной структуры, утверждающей конформизм, и погружать индивидов в обход их воли в разнообразные запрограммированные состояния и в том числе приносящие довольство, самоудовлетворение посредством производства иллюзий [6, с. 174, 44, 150].

Сходная позиция другого автора, В. П. Шестакова, относительно рекламы отчасти была отражена в следующих словах: «Сегодня... сама реклама становится производителем. <...> Реклама производит ненасытного, неуёмного, пресыщенного потребителя, у которого страсть к покупке растёт пропорционально атрофии его социальных и гражданских интересов» [7, с. 90].

О. А. Феофанов называл рекламу одним из психопрограммирующих средств в руках крупного капитала, ориентированных на пресечение политической и социальной активности масс и направляющих активность индивидов в безопасную для устоев капиталистической системы сферу потребления [8, с. 24, 37].

Важно не забывать, что господствующая в современном обществе идеология, находясь на службе у определённых частных узкоклановых — узкогрупповых интересов, при этом провозглашает то, что кажется обладающим общей для всех ценностью. Идеи, доминирующие на тех или иных стадиях развития общества (пока нам известного существовавшего на прошлых стадиях и существующего ныне), — это во многом идеи обладающих господством (или обретающих, присваивающих это господство) социальных общностей, сил, кланов. В данном контексте реклама — это как раз одно из орудий идеологии общества, условно идентифицируемого как рыночное, капиталистическое.

В имеющихся социальных условиях реклама и другие средства используются производством и финансово-кредитными механизмами для стимулирования желаний у потребителей, управления их потребностями. И логика здесь обусловлена соображениями извлечения прибыли, вследствие чего эта логика часто не согласуется ни с принципами разума и чувства реальности, ни с ориентацией на выпуск наиболее полезной людям продукции. И труд, и потребление, и свободное время современного индивида — всё это вряд ли хоть в какой-то ощутимой степени контролируется им самим, а не управляется всецело с помощью рекламы, индустрии товаров, системы кредитования, медиасреды, пропаганды и прочих средств. Всё выглядит таким образом, будто когда-то запустился или запущен и затем исправно работает, меняя способы управления, механизм, нацеленный на стандартизацию, атомизацию и пассивизацию человеческих существ, на возвращение в них мнимой и поверхностной (псевдо)уникальности, на воспрепятствование осуществлению подлинных, глубинных потребностей личности и сущностных её способностей, сил.

Во всей современной идеологической структуре реклама, наряду с прочими орудиями и институтами, несёт ту идеологически закрепившуюся нагрузку, которая одобряет и облагораживает потворствование индивидами своим неразумным побуждениям и устремлениям, и такая ситуация приемлема для позднекапиталистического общественного строя, так как сопровождается всё большим ужесточением контроля с его стороны (и отнюдь не всегда и не во всём только прямого и откровенно репрессивного, но зачастую именно мягкого, неявного, воздействующего на разум, сознание, через манипуляцию и эксплуатацию сознания, мотивов, потребностей и т. п.).

В частности, Ж. Бодрийяр приходит к выводам, что общественный строй (общество потребления) применяет инструмент в виде рекламы для передачи завуалированной директивы о разумности для всех индивидов в него интегрироваться: ведь сам этот строй пропагандирует, будто он как бы только и делает, что подлаживается под каждого его представителя и уго-

ждает его желаниям. Как итог жизнь современных индивидов организована и предзадана системой координат, нормы которой, на первый взгляд, являются скрытыми, неопределёнными. Однако сила этой системы координат такова, что невыполнение её норм приводит к чувству вины, а её индивидуальное непризнание не отменяет того положения дел, когда остальные (многие) в неё верят, и тем самым человек волей-неволей оказывается втянут в эту игру [9; 10].

Жизнь современного человека характеризуется Бодрийяром как жизнь прежде всего среди объектов потребления, санкционирующих изолирование людей друг от друга, жизнь «под покровом знаков и в отказе от действительности», жизнь на основе любопытства и «жадного и умножающегося изучения её знаков». В современном обществе контроль осуществляется посредством процессов «симуляции», «имитации», с успехом реализуемых средствами рекламы. В итоге в обществе потребления логике товара подчинены не только процессы труда и производства материальных продуктов, но и культура в целом, выражение чувств к другому, отношения между людьми, а также побуждения и фантазии современных индивидов [11, с. 15, 16].

Причём, как подчёркивает Бодрийяр, если человек встраивается в реально существующий строй, то взаимность, оказываемая ему со стороны этого строя, обманчива: к человеку приноравливается «чисто воображаемая инстанция» [12, с. 190]. Оттого человек в погоне за воспроизводимыми потребительскими миражами больше функционирует как элемент всеобщей социальной структуры, нежели реализует собственные глубинные мотивы.

Другая грань идеологических функций рекламы выделяется А. Менегетти, подчёркивающим, что реклама функционирует как системная идеология, «обслуживающая требования рынка, создающая множество рабочих мест и экономически поддерживающая побеждающую прослойку» [13].

Думается, весьма значимо провести мысль о том, что прямое назначение рекламы в существующем социальном порядке – соблазнение и вовлечение покупателя в потребительский мир, порождение неугасаемой потребности в предметах потребления и зависимости от них. Реклама и рекламируемое должны утвердить свою насущность для людей – в этом проявляется их идеологическое назначение.

Ещё одна идеологическая задача рекламы – трансформирование противоречий, потенциально опасных для утвердившейся социальной системы, в конфликтные, конкурентные взаимоотношения между самими членами общества. (Здесь речь идёт о факторе обретения этой системой состояния целостности и социальной сплочённости, нивелирования опасных для системы противоречий за счёт интеграции всех членов общества в социальное

целое на основе идеологии потребления, которая вместе с тем содействует всеобщему разобщению, то есть дифференциации).

Суть дифференцирующей, разобщающей функции рекламы – в наличии в последней логики разделения, проводимого исходя из причастности к рекламируемому (на приобщённых к рекламируемому, пребывающих в пусть временном и, по сути, во многом мнимом, но довольстве и самодовольстве, и на аутсайдеров). Разобщаемыми посредством рекламы категориями людей предстают, к примеру: *первая категория* – обладающие всеми достойными и завидными качествами и благами представители общества; *вторая категория* – полные аутсайдеры, располагающиеся пока что или в принципе за пределами пространства «удачливых». В частности, М. Хоркхаймер и Т. Адорно называют рекламу одним из средств коммуникации, на современном этапе приводящих к изолированию людей друг от друга, а также к затмеванию значимых проблем современности [14, с. 271].

Осуществляется это посредством преподнесения товаров и услуг в качестве средств самореализации и выражения собственного, личного преимущества над другими. То есть рекламой извлекается польза из таких, например, чувств, как тщеславие, честолюбие, себялюбие и т. п. Образы тех или иных продвигаемых предметов или услуг вкладываются в рекламу и конструируются ею так, что их нельзя не желать, что они сулят удовлетворение, блаженство и комфорт, что именно они и есть будто бы воплощение подлинной мечты человека.

Осмысление рекламы в идеологическом контексте и с социально-критическо-философской точки зрения подводит нас к тезису, свидетельствующему о том, что в качестве одной из функций рекламы в капиталистическом обществе предстаёт её участие в деле размещения людей по изолированным друг от друга статусным группам, популяризации ценностей по вытеснению, превосходству над другими. Преподнося потребительский образ жизни как стандартный и тем самым конструируя однородность в причастности к потребительскому консенсусу среди индивидов (в силу их приобщения к этому образу жизни), реклама в то же время выполняет функцию их разделения.

Важно констатировать в современных условиях объективную включённость рекламы в обществе потребления в *общую систему управления* людьми. Тем самым реклама на глобальном уровне предстаёт в роли идеологического фактора всей современной социальной структуры. В производстве и распространении посредством рекламы потребительских и низкоматериалистических целей и ценностей, в формировании множества потребностей, во многом избыточных и ложных (часто пагубных и в физическом, и в психологическом, и в духовном смысле), а также в том, что она во-

площает собой институт социализации, адаптации и конформизации в обществе потребления, как раз и заключается роль рекламы как идеологического фактора.

Хотя в основе всего современного социального и социально-экономического развития заложен враждебный духовным и человечески возвышающим идеям принцип, он удачно затушёвывается, «маскируется» посредством налаженного всеобщего механизма успешного встраивания индивидов при помощи кредитов, страхования, зарплат, пособий, владения акциями компаний и других инструментов в поддерживаемую социальную систему. В свою очередь, такие институты, как реклама, обучают способам существования в данной системе; и «нормой» в этом обществе может считаться и то, что по сути (в контексте именно должного, а не сущего) является в определённой степени «болезнью», «патологией» и т. п.

Становится возможным констатировать, что реклама органически присуща современной социальной системе как одно из управленческо-идеологических орудий системы общества потребления, олигархата, правящих, финансовых и бизнес-элит и капитала с целью производства адекватного их устремлениям и интересам массового сознания и поведения для утверждения власти над человеком посредством атомизации общества, реализуемой через всепронизывающую пропаганду конкуренции – соперничества, потребительства, деформацию человека неумеренными формами: с одной стороны, борьбы с другими людьми и за выживание, а с другой – насаждения гедонизма (в его крайней, губительной форме) и эгоизма.

Тем самым реклама, являясь неотъемлемым свойством общества потребления, выполняет в нём отчуждающе-дегуманизирующие функции. Это один из вносящих свой разрушительный вклад инструментов – факторов, порождающих и отражающих в обществе массовые проявления отчуждения и овеществления сущностных сил человека, объективации, пассивизации, дегуманизации человека и дестабилизации его сознания и поведения.

Детерминирующая функция рекламы воспроизводит её способность к упрощению и унифицированию сознания и поведения людей, что согласуется с потребностями системы, управленческо-идеологическими задачами. Тем самым реклама востребована как фактор редуцирования многообразия путей развития человека.

Всё это совмещено с участием рекламы в конфликтных взаимодействиях, и не только между индивидами, в социуме, но и в порождении или усилении противоречий в пространстве сознания самих индивидов (как примеры, за счёт дезорганизации этого сознания, обусловленной, в частности, вторжением разнородных, многочисленных рекламных посланий; путём задействования в человеке противоречащих друг другу установок и стрем-

лений, например, за счёт вовлечения его в конфликт между желаемым и действительным, сопутствующий потребительской активности, потребительской погоне).

О безоговорочной продуктивности, инструментальности рекламы для властных структур общества потребления свидетельствуют её стабилизирующе-укрепляющие функции в системе этого общества, реализуемые за счёт нивелирования субъектных качеств его представителей (десубъективации, граничащей с самой что ни на есть деформацией). Противоречивость социальных последствий рекламы находит своё наглядное выражение в её причастности к обще- и внутрисоциальным конфликтным взаимосвязям, когда осуществляется канализирование энергии индивидов в безопасную и эффективную для устоев высокоразвитого капиталистического потребительского общества сферу. Другими словами, реализуется трансформация противоречий, представляющих потенциальную угрозу для властных структур современного общества, в межличностные и внутриличностные противоречия.

Пожалуй, по итогам всего рассмотренного становится очевидным, что анализ рекламы как института современной социальной системы не возможен в отрыве от контекста её идеологического функционирования по утверждению социального порядка в виде общества потребления как естественного и необходимого, по содействию (обладателям финансовых средств, ресурсов, средств власти, контроля, производства и т. п.) в достижении прибылей и поддержании власти над участниками общества.

Заключение. Подводя итоги, скажем, что коммерческая реклама являет собой механизм, через который проводятся в жизнь задачи по управлению обществом и подчинению человека господствующим (как и прежде, пусть и в меньшей, но всё равно в немалой степени) антигуманным условиям. Управление это реализуется в том числе на основе поддерживаемых процессов по деформации человека и человеческого в нём, осуществляемых посредством воспроизводства условий, определяющих состояние борьбы за выживание и борьбы с другими (как чего-то неизбежного, вынужденного и необходимого), путём пропаганды конкуренции – соперничества, потребительства и безмерного гедонизма, через разобщение людей между собой и при помощи атомизации общества, насаждения эгоцентризма. Всё это можно охарактеризовать в качестве идеологии капиталистического потребительского общества, использующего рекламу для утверждения власти над человеком и его эксплуатации в том числе как потребительской единицы.

Тем самым реклама выполняет функции, отнюдь не только связанные со сбытом товаров и услуг, но также и по управлению сознанием, мотивациями, потребностями и пропаганде ценностей, норм и устоев общества

потребления как актуального выражения капитализма. Реклама – а также наделённые в ней и ею довольно часто выдуманными, обладающими мифическими свойствами и функциями, сулящими потребителю возможность выстраивать свою (псевдо)идентичность, рекламируемо-продвигаемые объекты – порождает всё новые и по преимуществу фиктивные потребности. Они стимулируют потребление, а также закономерно сопровождающее это потребление перманентное состояние возобновляющихся / возвращающихся скуки, фрустрации и ощущения нехватки – неудовлетворённости. Тем самым играя роль инструмента переориентации на обладание и бесконечную гонку за объектами желаний и миражами и являясь одним из средств пассивизации, одномеризации человека и сужения многообразия путей его развития.

Следствием тотального применения рекламных средств и технологий является не только увеличение спроса на рекламируемое и удовлетворение потребностей рынка и общества, но и канализирование жизненной энергии индивидов в потребительскую плоскость, а также установление доминирования псевдо- и антигуманистических ценностей и идеалов в обществе.

Мир рекламы (которая не просто рекламирует что-либо, но и, в частности, формирует желания и в целом жизненные ориентации, преподносит образцы утверждения человеком себя в категориях исключительности, особенности, принадлежности к референтным группам) воплощает собой одно из орудий – сфер, позволяющих поддерживать устои и функционирование без серьёзных сбоев социальной структуры, замкнувшей свой путь развития в рамки экономической и финансовой выгоды и производственно-потребительских целей. Бизнес и маркетингово-рекламная отрасль прекрасно вписываются в современную общественную систему (идеологическо-политическо-экономическую машину), поскольку цели первых совпадают с целями данной системы.

Задача системы потребления – чтобы индивид выполнял прежде всего роль потребителя, чтобы эта роль стала и была для него естественной и желанной. Поскольку в основание капиталистической, рыночной, финансово-кредитной экономики положен принцип максимального потребления как один из базовых, то реклама как целое – это одно из условий развития такой экономики и утверждения господства общественных отношений, подчинённых логике товара, потребления, коммерции, экономической и финансовой выгоды, конкуренции. Она несёт идеологическую нагрузку, выступая проводником идеологии потребления, узкоэгоистического индивидуализма и при этом конформизма, разобщающей конкуренции и в то же время устремлённости к одним и тем же предписываемым ценностям и целям, дегуманизации и примитивизации человека.

Роль человека в такой системе исчерпывается предельно малым набором функций. Он являет собой потребителя и выразителя иллюзорной субъектности, воспринимаемой и осознаваемой им, впрочем, в качестве самореализации и выражения именно своих, личностных качеств, являющихся на самом деле свидетельством потребления его сущности (рекламируемыми объектами / символами / образами, капиталистической финансово-кредитной экономикой, господствующими социальными группами, «машинной» бизнеса и проч.) и показателем полной погружённости, интегрированности в социальный порядок технологически высокоразвитого капиталистического потребительского общества.

Список литературы

1. Хренков В. В. Идеологические основы современного общества (общества потребления) // SocioTime / Социальное время. 2022. № 2 (30). С. 63–75. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.2.63
2. Горц А. Знание, стоимость и капитал. К критике экономики знаний [Электронный ресурс]. URL: <https://lawfirm.ru/article/index.php?id=3878> (дата обращения: 10.05.2024).
3. Сэндидж Ч., Фрайбургер В., Ротцолл К. Реклама: теория и практика / пер. с англ. В. Б. Боброва; общ. ред. и вступ. ст. Е. М. Пеньковой. М.: Прогресс, 1989. 628 с.
4. Леви М. К дискуссии об экосоциализме [Электронный ресурс]. URL: <http://fmbooks.wordpress.com/2011/05/20/fordiscussion/> (дата обращения: 10.05.2024).
5. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество / пер. с англ. М.: Прогресс, 1969. 480 с.
6. Кукаркин А. В. Буржуазная массовая культура: Теории. Идеи. Разновидности. Образцы. Техника. Бизнес. Изд. 2-е, доработ. и доп. М.: Политиздат, 1985. 399 с.
7. Шестаков В. П. Мифология XX века: Критика теории и практики буржуазной «массовой культуры». М.: Искусство, 1988. 224 с.
8. Феофанов О. А. США: реклама и общество. М.: Мысль, 1974. 264 с.
9. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр. М.: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.
10. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с франц. М.: Рудомино, 1999. 224 с.
11. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр. М.: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.
12. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с франц. М.: Рудомино, 1999. 224 с.
13. Менегетти А. Система и личность [Электронный ресурс]. М., 1996. URL: <https://vasyputki.narod.ru/menegetti/sislichn.htm> (дата обращения: 10.05.2024).
14. Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М.: Медиум; СПб.: Ювента, 1997. 312 с.

Авторская справка

ХРЕНКОВ Вадим Владимирович – кандидат философских наук, магистр, доцент кафедры социальных наук и технологий, Поволжский государственный технологический университет, г. Йошкар-Ола (Россия). E-mail: KhrenkovVV@volgatech.net

Scientific article

UDC 304.9; 316.42; 659.1

<https://doi.org/10.25686/2410-0773.2024.1.39>

COMMERCIAL AS AN IDEOLOGICAL FACTOR OF CONTEMPORANEITY: SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT

V. V. Khrenkov

Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola (Russia)

Introduction. The article analyses the ideological functions of commercial in the present late capitalist consumer, technologically highly developed society from a socio-philosophical critical position. The relevance and significance of the problem under study is confirmed, in particular, in the fact that commercial is one of the key determinants of the development of the entire present world social system, an attribute and reflection of present social processes, a factor in managing not only demand and needs, but also consciousness, motivations, behaviour, values of the mass person, one of the conditions of global the establishment of a capitalist society of universal alienation and the establishment of a consumer mode of existence as a standard, excessively hedonistic-egoistic, one-sided-inferior narrowly materialistic (and consistent with this method of spiritual, mental and psychological appearance of present man). By virtue of all of the above, the analysis of the prevailing ideology is fruitful on the example of commercial, because in the space of commercial, public relations, values, norms and stereotypes inherent in the current social order are clearly reflected, manifested and reproduced.

Methods. In order to solve the problem, the following methods and approaches were used: dialectical and systemic approaches; categorical apparatus of such a field of theories and research, which can be conditionally identified as neo-Marxist, postmodern, and humanistic socio-critical thought of the XX-XXI centuries; synthesis; method of generalization; principle of determinism; philosophy of alienation; ascent from the abstract to the concrete; and others.

Results. The article presents an interpretation of the trends existing in the present social system, which are realized with the involvement and participation of commercial, which result in the processes of enslaving a person by the dominant system. This enslavement is realized by incorporating everyone into a social whole based on the ideology of competition and consumption (aimed at standardization, atomization, passivation and differentiation – the separation of human beings; at cultivating imaginary, superficial uniqueness in them; etc. D.), by modelling a person on the model of a being limited by needs, interests, aspirations of low-developed, everyday-insignificant, with a focus on the material-physical-consumer.

As an ideological tool, commercial implements participation in the reproduction and apology of a pseudo-real and (or) built on false principles of social reality; in its total authorization; in the belief in the correctness, inevitability, naturalness of this reality; in consolidating the existing order in the world, serving to assert and strengthen the power of certain forces and groups, which in many ways they are motivated by the needs for the reproduction of profits and the exploitation of human and other resources, in the implementation of various forms of subordination and control of resources, finances, people, etc. Commercial contributes to the establishment of an order where a person continues to be a means for both the social/economic/political machine, institutions, elites, various external alien forces (etc., etc.), and for other people, and for himself (that is,

being held captive by the unreasonable, harmful, excessive desires, addictions, petty relationships and worries, etc.).

Commercial is one of the destructive tools–factors contributing to the processes of mass alienation and reification of essential human forces, reducing the diversity of human development paths, objectification, passivation, dehumanization, unification, primitivization and destabilization of his consciousness and behaviour, which is consistent with the needs of the social order, with its managerial and ideological objectives. These tasks are realized, among other things, on the basis of supported processes for the deformation of man and the human in him, carried out through the reproduction of conditions of struggle for survival and struggle with others (as something inevitable, forced and necessary), propaganda of competition-rivalry, consumerism and immeasurable hedonism, as well as through the separation of people from each other the atomization of society, the imposition of egocentrism and the aspiration for individuals to express their illusory subjectivity.

Conclusion. As a result, the conclusions of the study include, for example, the following. It is important to state the objective inclusion of commercial in the existing social order in the general system of human management, which determines commercial at the global level as an ideological factor of the entire present social structure (this includes its functions for the formation of a multitude of needs, often excessive, false, harmful, as well as for socialization, adaptation, conformization in a consumer society). To a large extent, commercial is involved in increasing the degree of manageability of individuals in the existing system, in performing alienating and dehumanizing functions: in reproducing trends, norms, values, rules of the current social order, which are not perceived by a person as questionable and destructive to his human essence (for example, hostile to spiritual and humanly uplifting ideals and principles).

Keywords: commercial, ideology, capitalist civilization, consumer society, social destruction, present human.

References

1. Hrenkov V. V. *Ideologicheskie osnovy sovremennogo obshchestva (obshchestva potrebleniya)* [Ideological foundations of present society (consumer society)]. SocioTime / Social'noe vremya [SocioTime], 2022, no. 2 (30), pp. 63–75. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.2.63
2. Gorc A. *Knowledge, value and capital. To criticize the knowledge economy.* Russ. ed.: *Znanie, stoimost' i kapital. K kritike jekonomiki znanij.* Available at: <https://lawfirm.ru/article/index.php?id=3878> (accessed 10.05.2024).
3. Sjendidzh Ch., Frajburger R., Rotcoll K. *Commercial: theory and practice.* Russ. ed.: *Reklama: teorija i praktika.* Per. s angl. Moscow, Progress [Progress], 1989, 628 p.
4. Levi M. *On the discussion of ecosocialism.* Russ. ed.: *K diskussii ob jekosocializme.* Available at: <http://fmbooks.wordpress.com/2011/05/20/fordiscussion/> (accessed 10.05.2024).
5. Gjelbrejt Dzh. *New industrial society.* Russ. ed.: *Novoe industrial'noe obshchestvo.* Per. s angl. Moscow, Progress [Progress], 1969, 480 p.
6. Kukarkin A. V. *Burzhuaznaja massovaja kul'tura: Teorii. Idei. Raznovidnosti. Obrazcy. Tehnika. Biznes* [Bourgeois mass culture: Theories. Ideas. Versions. Samples. Equipment. Business]. Izd. 2-e, dorabot. i dop. Moscow, Politizdat [Politizdat], 1985, 399 p.
7. Shestakov V. P. *Mifologija HH veka: Kritika teorii i praktiki burzhuaznoj «massovoj kul'tury»* [20th century mythology: Criticism of the theory and practice of bourgeois "mass culture"]. Moscow, Iskustvo [Art], 1988, 224 p.

8. Feofanov O. A. *SshA: reklama i obshhestvo* [USA: commercial and society]. Moscow, Mysl' [Thought], 1974, 264 p.
9. Baudrillard J. *The Consumer Society: Myths and Structures*. Russ. ed.: *Obshhestvo potrebleniya. Ego mify i struktury*; per. s fr. Moscow, Respublika; Kul'turnaja revolyucija [Republic; Cultural Revolution], 2006, 269 p.
10. Baudrillard J. *The System of Objects*. Russ. ed.: *Sistema veshhej*; per. s fr. S. Zenkina. Moscow, Rudomino [Rudomino], 1999, 224 p.
11. Baudrillard J. *The Consumer Society: Myths and Structures*. Russ. ed.: *Obshhestvo potrebleniya. Ego mify i struktury*; per. s fr. Moscow, Respublika; Kul'turnaja revolyucija [Republic; Cultural Revolution], 2006, 269 p.
12. Baudrillard J. *The System of Objects*. Russ. ed.: *Sistema veshhej*; per. s fr. S. Zenkina. Moscow, Rudomino [Rudomino], 1999, 224 p.
13. Menegetti A. *System and personality*. Russ. ed.: *Sistema i lichnost'*. Moscow, 1996. Available at: <https://vasyputki.narod.ru/menegetti/sislichn.htm> (accessed 10.05.2024).
14. Horkhajmer M., Adorno T. V. *Dialectics of enlightenment. Philosophical fragments*. Russ. ed.: *Dialektika prosveshheniya. Filosofskie fragment*. Per. s nem. M. Kuznecova. Moscow, Medium; Saint Petersburg, Juventa [Medium, Juventus], 1997, 312 p.

Author's Bio

KHRENKOV Vadim Vladimirovich – Candidate of Philosophy, Master, Associate Professor of Social Sciences and Technology Department, Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola (Russia). E-mail: KhrenkovVV@volgatech.net

Библиографическая ссылка

Хренков В. В. Коммерческая реклама как идеологический фактор современности: социально-философский аспект // SocioTime / Социальное время. 2024. № 1 (37). С. 39–54. DOI: 10.25686/2410-0773.2024.1.39

Научная статья

УДК: 1: 004.8

<https://doi.org/10.25686/2410-0773.2024.1.55>

АРТ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПЕРЕВОД НА ВИЗУАЛЬНЫЙ ЯЗЫК РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК

Д. С. Быльева, Е. А. Резяпкина, Л. В. Бибулатова

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
г. Санкт-Петербург (Россия)*

Введение. Цель данной статьи – проанализировать, как в сети Интернет представлены результаты работы нейросети по визуализации русских пословиц и поговорок. Проблемный вопрос заключается в том, насколько хорошо точное, математическое мышление искусственного интеллекта (ИИ) справляется с визуализацией такого сложного для восприятия запроса, как пословицы и поговорки. Проблема является актуальной на современном этапе развития, поскольку изучает частный случай творчества искусственного интеллекта, определяя успех и ошибки нейросети в генерации новых изображений по заданной теме.

Методы. В основу статьи положены данные, полученные в ходе изучения 100 единиц нейроартов к русским пословицам и поговоркам, взятых из свободного доступа в сети Интернет. Материал проанализирован согласно следующим критериям: значение слова, логика, атмосфера, визуализация абстрактных явлений, наличие и характер дополнительных / лишних элементов, чем данный арт интересен пользователю. Были выделены общие черты и закономерности среди изображений, сгенерированных нейросетью, и сделаны выводы.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Нейросети испытывают трудности как с передачей общего смысла и морали пословиц и поговорок, так и с отдельными характеристиками, такими как передача отдельных элементов, атмосферы и др.

Заключение. В целом можно сказать, что, с одной стороны, абстрактность русских пословиц и поговорок дает нейросети свободу творчества, которую порой она очень грамотно использует, с другой стороны, отсутствие конкретики мешает ей передать их истинный смысл. Представленный труд позволяет определить проблемы в разработке нейросетей на данном этапе, особенности их работы, а также разницу в восприятии народного творчества человеком и искусственным интеллектом.

Ключевые слова: русские пословицы и поговорки, нейроарт, визуализация нейросети, искусственный интеллект, творчество нейросетей.

Введение. Искусственный интеллект сегодня находит все более широкое применение во всех областях жизни людей. Однако осознание ИИ как способного к «творчеству» оказалось проблематичным: люди творческих профессий, от артистов до художников, объявляют забастовки и бойкоты в связи с возрастающим распространением генеративного искусства. Ряд генеративных нейросетей, способных к созданию арта на основе текстовых запросов, в последние несколько лет достигли уровня, позволяющего человеку, не имеющему отношения к визуальному творчеству, создавать изображения высокого качества. При этом отличить продукт text-to-image системы от созданного в результате художественной деятельности человека все чаще не представляется возможным. Для выявления разницы исследователям приходится прибегать к иным способам оценки, связанным с процессом создания или ролью, которую арты играют в обществе [1; 2].

В то же время существуют разработки, позволяющие определить «художественный почерк» той или иной генеративной модели. Представления о творчестве как сугубо человеческой способности и реальности, все в большей степени наполняющейся произведениями нейросетей, не соответствуют друг другу [3]. Примириться с возможностью творчества искусственного интеллекта человечеству непросто: приходится либо переосмысливать классические представления о том, что такое творчество, либо искать «изъяны» в работе нейросетей. Последний вариант деятельности, хотя часто и сопровождается неконструктивной критикой, по существу является конструктивной деятельностью, способствующей выявлению изъянов и совершенствованию технологий.

Одна из особенностей нашего времени – активное знакомство пользователей сети с разными видами нейросетей, и именно сейчас происходит бета-тестирование появляющихся технологий, пользователи находят новые возможности их применения и границы применимости. Генеративный искусственный интеллект с момента появления постоянно провоцирует, давая сложные или невыполнимые задания. Одним из таких вызовов для нейросетей, генерирующих изображения, являются различные образные запросы, не имеющие конкретной и буквальной визуализации.

Образы, используемые в пословицах и поговорках, по существу своему метафоричны, в них содержится несколько пластов смыслов. Через конкретные образы могут передаваться более глубокие закономерности, аналогии используются для сопоставления понятий разного уровня абстрактности. Метафорические высказывания позволяют передавать сложные идеи, выражать эмоциональное отношение и иронию [4]. В современной когнитивной науке метафора интерпретируется не только как средство придания

особой эмоционально-оценочной выразительности утверждению, но и как механизм генерации новых когнитивных значений [5; 6].

Таким образом, даже с точки зрения вербального языка использование, перевод и другие операции с подобными языковыми единицами составляют проблему, особенно для искусственного интеллекта, не имеющего «телесного опыта», который важен для построения метафор [7]. И если даже при переводе с языка на язык достаточно сложно передать весь смысл пословиц и крылатых выражений [8], то перевод с вербального языка на визуальный становится подчас настоящим вызовом для нейросетей, создающих арты по текстовым запросам.

Русские пословицы и поговорки – очень интересное поле для исследования, через них передаются менталитет и особенности быта русского народа. А тот факт, что многим из них уже столетия, означает некую общность социокультурного опыта на протяжении веков. Особенно любопытно в пословицах и поговорках то, что, неся в себе какой-либо общий смысл или идею, они в то же время часто представляют собой конкретные образы, а значит, являются пищей для воображения. Отдельные слова – лишь ключ к подлинному их смыслу, который еще нужно составить, опираясь на исторический опыт народа, его менталитет, образ мышления и ценности. Л. А. Джелалова в исследовании когнитивного плана русских пословиц и поговорок, реализуемого в модели «Текст – Смысл» отмечает, что через жизненную ситуацию, отражаемую в них, создается индивидуальная абстрактная модель-формула, отображающая «чистые» отношения между элементами, формирующими логическую составляющую изречения [9, с. 54].

Целью данного исследования является анализ того, каким образом в сети Интернет представлены результаты работы нейросети с визуализацией такого сложного вербального материала, как русские пословицы и поговорки. Авторы (или соавторы) артов создали по ним определенную волну постов в сети, ряд из которых получили значительную популярность и даже попали в новостные ленты. Стремясь создать необычный и оригинальный контент, авторы постов, как правило, подбирали непростые для визуализации выражения.

Методы исследования. В ходе исследования проанализированы 100 артов, сгенерированных нейросетями по словесному запросу, которым являлись русские пословицы и поговорки, прочие устойчивые – идиоматические выражения не рассматривались. Арты были найдены в свободном доступе в сети Интернет, на таких сайтах как pikabu.ru, iguides.ru, neuroseti.ru, dzen.ru, «Комсомольская правда», «Шедеврум». Изображения сгенерированы нейросетями Midjourney, Stable Diffusion и Kandinsky 2.1. Пословицы и поговорки брались как старые, в особенности русские народные, так и современные. Критериями нашего анализа стали следующие пункты: значение слова; логика; атмосфера; визуализация абстрактных явлений; наличие

и характер дополнительных / лишних элементов; чем данный арт интересен пользователю.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение

▪ **Первый критерий – значение слова.** Здесь мы хотели проследить соответствие элементов арта информации, заключенной в пословице или поговорке. При этом значение, смысл, мораль, а также логичность текстов в данном пункте не рассматривались. Относительное большинство картинок полностью соответствуют заданному запросу: в 43 нейрoarтах из 100 содержатся все ключевые моменты, имеющиеся в текстах.

Первым по количеству соответствий оказался результат: **отсутствие глаголов** (20 %). Например, на арте по поговорке *«около речки колодца не копают»* мы видим что-то наподобие речки, мирно текущей среди деревьев, а также колодец, красующийся прямо в русле этой речки, и женщину на переднем плане, но никаких признаков «копания» нет. Все стабильно, никакого движения или процесса. В картинке по поговорке *«всяк кулик свое болото хвалит»* – все то же самое. Видим птичку – кулика, стоящего в болоте на небольшой глубине, но никаких признаков хваления нет. Мы не можем сказать устно, ни допустить в мыслях, что кулик хвалит свое болото, потому что его глаза не выражают никаких эмоций.

Подобную тенденцию можно объяснить тем, что изобразить какой-либо процесс на стабильном изображении очень сложно, и если глаголы действия еще возможно как-то передать (например, на арте, изображающем пословицу *«без труда не выловишь рыбку из пруда»*, мы четко видим человека, стоящего в реке на мелководье и удочкой вылавливающего рыбку), то глаголы состояния, а также глаголы, передающие эмоции или мыслительную деятельность, нарисовать практически невозможно.

Следующий результат: **передана только половина пословицы** (15 %). Как известно, многие русские пословицы состоят, как правило, из двух частей: *«сделал дело – гуляй смело»*, *«не потрудился, так и хлеба не добился»* и др. И, как оказалось, для нейросети нарисовать обе части выражения – это большая проблема. Например, на арте по пословице *«один с сошкой, семеро с ложкой»* на переднем плане мы видим человека с огромной ложкой в руках, позади него с каждой стороны стоят еще по три человека, тоже с ложками. Итого семь персонажей. Но на картинке нет ни восьмого человека, ни сошки. Видимо, искусственный интеллект не посчитал нужным или не смог изобразить эту половину.

В 8 изображениях из 100 обнаружили, что нейросеть передала **слово в его неподходящем значении**. На картинке по поговорке *«у короткого ума длинный язык»* наблюдаем мальчика, собирающегося на морозе облизать сосульку. И хотя значение словосочетания «короткий ум» передано на удивление правильно (облизывать ледяные предметы на морозе нельзя –

язык может прилипнуть), то значение слова «язык» – нет. В данной ситуации «язык» – это скорее то, при помощи чего человек может говорить. Ведь выражение подразумевает, что глупые люди очень часто говорят или учат других, при этом сами не понимая, стоит ли говорить, к чему это может привести. Но на картинке язык – это исключительно орган человеческого тела. Никаких намеков на речь здесь нет.

Эту ошибку тоже легко объяснить: искусственный интеллект пока не совершенен, поэтому ему трудно определять, в каком значении употребляется слово в данном контексте. Тем более что большинство пословиц и поговорок достаточно старые, многие выдуманы сотни лет назад, когда язык был совсем другой. Вследствие этого нейросеть чаще всего берет то значение, которое наиболее употребляемо.

В 7 % нейроартов наблюдаем *отсутствие конкретных существительных*, то есть слов, обозначающих физический предмет. Например, на арте «*бесплатный сыр бывает только в мышеловке*» крупным планом видим мышку, сидящую на каком-то предмете позолоченного цвета, скорее всего, на мышеловке. Но ни сыра, ни какого-либо другого блага, которое помогло бы понять смысл пословицы, там нет.

Этот пункт интересен еще и тем, что в некоторых случаях отсутствие предметов объясняется сюжетом картинки. Так, на изображении по поговорке «*семеро одного не ждут*» мы видим «одного», бегущего по направлению к космическому кораблю, который, в свою очередь, улетает, не дождавшись ни одного из своих пассажиров (рис. 1).

Рис.1. Семеро одного не ждут

<https://neuroseti.ru/pogovorki-i-krylatye-frazy-glazami-neyroseti/>

В данном арте также «не видим» отображения всех существительных, употребленных в тексте. Не видим «семерых», но понимаем, что они находятся в этом космическом корабле. В то время как об отсутствии сыра на первой картинке этого сказать не можем. О том, почему нейросеть не изобразила его на арте, остается только догадываться.

Такой же результат (7 %) и у пункта *«отсутствие определения»*. На арте *«дареному коню в зубы не смотрят»* крупным планом видна голова коня с испуганными глазами и открытым ртом с большими белыми зубами, но мы не видим ни одного признака того, что конь действительно дареный.

Можно заметить, что нейросеть не рисует конкретный вид определенных. То есть, например, в артах по запросу *«у страха глаза велики»* – маленький мальчик, убегающий в коридор от огромной мыши совершенно неестественных размеров (она гораздо больше самого мальчика). Из чего делаем вывод, что ИИ пытался передать значение слова «великий». Здесь на основании прилагательного создается целый сюжет, однако качественное прилагательное оставляет простор для множества вариантов. Слово «дареный» означает некую конкретную предысторию, требующую визуально показать, что конь является подарком. Нельзя сказать, что это невозможно, однако ленточка с подарочной бумагой или праздничной коробкой будет смотреться достаточно нелепо по отношению к коню.

Следующий результат: *игнорирование абстрактных смыслов* (5 нейроартов из 100). Здесь у ИИ наблюдаются сложности с «изображением» существительных, подразумевающих под собой не физические предметы, а скорее какие-то явления и процессы, не имеющие формы, размера, цвета и т. п. Например, на картинке по пословице *«ученье – свет, неученье – тьма»* мы видим молодого мужчину в стиле Стимпанк, с фонарем в руках, гуляющего по темному помещению с трубами и разными механизмами. То есть ИИ попытался передать значение слов «свет» и «тьма», пусть и в прямом смысле, а не в переносном, как в пословице, однако механизмы как образ «ученья», «учености» не связаны со светом и тьмой.

В 2 % случаев *значение данного слова преувеличивается*. На изображении, созданном по пословице *«бедность не порок, а большое несчастье»* можно наблюдать грустного, измученного жизнью старика, сидящего то ли в темном помещении, то ли на грязной улице среди горы мусора. Это не просто бедность, а нищета, чего пословица не подразумевает.

В 2-х случаях из 100 – *полное несовпадение по словам*.

На одной картинке (1 %) *не передано значение несамостоятельных частей слова*. В арте *«пьяному море по колено»* изображены огромный корабль на мелководье и люди, идущие к нему по воде. На переднем плане – такой же огромный, как корабль, отдыхающий в плавках со стаканом пива в

руках – «пьяный». Обычным людям это море, конечно, по колено, но пьяному, из-за его нечеловеческих размеров, вода приходится примерно по шиколотку. Нейросеть не смогла передать значение предлога «по».

Еще на одной картинке отсутствуют некоторые ключевые объекты. В арте на пословицу «дуракам закон не писан» видим очеловеченных ослов в шикарных апартаментах и в такой же красивой одежде, пишущих закон. Но мы не наблюдаем дураков, для которых пишется этот закон. Возможно, ИИ решил изобразить их в виде двух ослов, но в таком случае они являются субъектами действия, а не объектами, как в оригинальной поговорке.

В итоге проблемы у нейросети возникают следующие: *отсутствие глаголов; отсутствие конкретных существительных; игнорирование абстрактных смыслов; отсутствие определения*. Также если в пословицах и поговорках присутствует больше одной смысловой части, то нейросеть следует тенденции *передавать только одну* из них, при этом не важно, первую или вторую. Также ИИ испытывает трудности при *правильной передаче смысла слова*: он может преувеличивать или преуменьшать, а также использовать неправильное значение слова. Иногда нейросети не удается передать *значение несамостоятельных частей слова*, а также *содержание пословицы в целом*.

▪ **Второй критерий – логика.** Здесь мы рассматривали взаимосвязь отдельных элементов, а также определяли, передана ли мораль пословицы картинке. Именно поэтому данный критерий, возможно, является самым важным. Выяснилось, что почти половина артов этому критерию удовлетворяют (45 %).

Следующий по популярности результат (24 из 100) – *полное отсутствие смысла*. Например, на арте по запросу «у страха глаза велики» видим светящиеся глаза, разъезжающие ночью по мрачному лесу на велосипедах. Несоответствие оригиналу было достигнуто за счет использования неправильного значения слова: ИИ понял слово «велики» не как краткую форму прилагательного «великий», а как разговорный вариант слова «велосипед» – «вЕлики».

На картинке по запросу «пьяному море по колено, а лужа по уши» представлен старый капитан (с ушами, но без колен), изображенный в бутылке, которая, в свою очередь, находится в образе моря. Кроме того что капитан в бутылке, нет никаких признаков, что он пьяный. Если уж нейросеть решила нарисовать море в прямом значении этого слова, а не в переносном, как подразумевается пословицей, то почему на арте оно капитану по пояс, а не по колено? И если нейросеть решила нарисовать уши, то, где лужа? Остается только догадываться.

Следующий результат: **отсутствие противопоставления** (15 %). Например, смысл поговорки «*в тихом омуте черти водятся*» заключается в том, что те явления, люди или ситуации, которые на первый взгляд кажутся безобидными, могут оказаться опасными, злыми или порочными – сюжет строится на противопоставлении «тихого омута» и «чертей». Тихий омут – это что-то спокойное, безопасное, а черти – что-то неприятное. На сгенерированном нейросетью арте подобное противопоставление отсутствует. Мы можем заметить двух чертенят с огромными ушами и рожками, погруженными по грудь в воду, на фоне каких-то камней и скал. Общая атмосфера картинki страшная и угнетающая. В данной ситуации омут выглядит не менее страшно, чем его обитатели – черти.

В 5 случаях из 100 – **отсутствие взаимосвязи явлений**. Так, на картинке по пословице «*кто ест лук, тот избавлен от мук*» видим старика в фиолетовом одеянии, кушающего сырой лук. Но то, как этот процесс должен избавить его от мук, мы не понимаем – на картинке не показано.

В 4 % изображений фокус внимания ИИ сосредоточен **на второстепенных или не важных объектах**. Например, на картинке к пословице «*не место красит человека, а человек место*» – молодая девушка в прекрасном ярко-красном платье, стоящая в белом коридоре с белыми колоннами. Даже белизна ее кожи сливается с фоном. Общая атмосфера картинki очень спокойная, единственное, что выделяется, – это платье девушки. Но в морали данной пословицы оно совершенно не важно: не оно должно красить место, а человек.

В 3 % нейроартов фокус внимания сосредоточен **не на всех элементах** пословиц и поговорок. Например, на изображении «*лук да баня все правят*» есть две милые луковицы, лежащие в ванне в ванной комнате. Таким образом, центром внимания является только лук, а баня представляет собой лишь фон, хотя в пословице они равнозначны.

Еще в 3 % случаев наблюдается **нестандартное понимание** текстов нейросетью, хотя общая идея все же была передана верно. Так, на изображении «*на воре шапка горит*» мы видим очень толстого удивленного мужчину в костюме – «белого воротничка», и шляпа на его голове, в прямом смысле слова, горит. Вокруг собралась толпа бунтующих людей, чье внимание обращено на этого самого мужчину. Но «вор» изображен не в своем стереотипном образе, а в образе чиновника. Нейросеть сделала дополнительный акцент на том, что в нашем мире именно чиновники часто являются ворами.

Следующий результат: **разложение единого смыслового юнита на мелкие составляющие**. Например, нейроарт по пословице «*хлеб – всему голова*» подразумевает слияние таких образов, как «хлеб» и «голова», они

становятся как бы единым целым. На арте мы видим человекоподобное существо с ярко выраженной большой головой, утыканной буханками хлеба, держащее тарелку с булками в руках. Да, они соприкасаются, то есть соединены физически, но все же не представляют единого предмета, как требуется в пословице.

В 1 % случаев видим, что **смысл выражения явно преувеличен**. Например, поговорка «*гусь свинье не товарищ*» говорит о том, что слишком разные люди не смогут дружить и быть в хороших отношениях, но едва ли подразумевает смертную вражду. А на арте можно заметить свинью в одежде живодера на кухне, держащую в руках (передних ногах) поднос с мясом, очевидно, с гусем. Таким образом, поговорка с довольно нейтральным смыслом приобрела у нейросети мрачный вид.

На одном из рисунков (1 %) отмечена **ошибка в передаче отношений субъект-объект**. На арте по поговорке «*на ловца и зверь бежит*» видим человека в традиционной русской одежде – «ловца», бегущего на медведя, а не наоборот.

В итоге мы обнаружили следующие **ошибки**, допущенные нейросетью в визуализации пословиц и поговорок: *отсутствие противопоставления; отсутствие взаимосвязи явлений; сосредоточение фокуса внимания на не важных объектах; сосредоточение фокуса внимания не на всех ключевых объектах; разложение единого смыслового юнита на мелкие составляющие; преувеличение смысла пословицы; ошибка в передаче отношений субъект-объект; полное отсутствие логики /смысла;* дополнительной особенностью ИИ является *тенденция понимать пословицу нестандартно*.

▪ **Третий критерий – способы визуализации абстрактных явлений**. Не секрет, что в пословицах и поговорках подобные абстрактные явления – не редкость (мы об этом уже писали, когда говорили об абстрактных существительных и глаголах). Давайте рассмотрим, смог ли ИИ как-либо их изобразить, а если смог, то как именно.

В абсолютном большинстве единиц **переносный смысл слова /ситуации заменен на прямой** (в 60 случаях из 100). Например, в пословице «*любовь зла – полюбишь и козла*» под «козлом» имеется в виду скорее плохой человек. На картинке же мы видим счастливую молодую девушку в традиционном русском праздничном наряде, обнимающую настоящего козлика.

Следующей по распространенности особенностью является **изображение конкретного предмета / явления при невозможности изобразить обобщенное**. На арте «*не буди лихо, пока оно тихо*» мы видим некий водоем, болото или омут, под которым покоится чудовище, напоминающее огромную жабу. В пословице под «лихом» подразумевается любое горе, любая беда, которая может приключиться с человеком. Но так как

нейросеть не может изобразить все несчастья мира, она изобразила одно конкретное – подводное чудовище. В данной ситуации действительно трудно изобразить общий смысл пословицы, поэтому мы ни в коем случае не считаем это ошибкой.

Отмечена и такая ошибка: *замена абстрактного значения слова на конкретное* (13 %). На картинке «старый друг лучше новых двух» – два старичка разговаривают, сидя на пороге или крылечке. В пословице под «старым другом» имеется в виду друг, который уже знаком тебе какое-то время. Однако ИИ, не сумев это изобразить, передал слово «старый» через возраст друзей.

Следующий результат: *невозможность проанализировать картинку*. Это произошло вследствие отсутствия на изображении ключевых элементов и основной идеи.

На 7 % изображений все *представлено корректно*.

Еще на 7 артах из 100 *типичные явления заменены на нетипичные или фантастические*. На картинке «волка ноги кормят» волк изображен в виде доставщика еды: он очеловечен и ездит по ночному дождливому городу на велосипеде с рюкзаком за спиной (рис. 2). Несмотря на то, что идея поговорки передана верно, волк в качестве доставщика – это неестественно, и оригинал этого не подразумевает. Таким образом, значение слова «кормить» по отношению к волку передано не совсем правильно.

Рис. 2. Волка ноги кормят

https://pikabu.ru/story/neyroset_midjourney_proillyustrirovala_nekotoryie_krylatyie_frazy_i_v_yirazheniya_9902432?utm_source=linkshare&utm_medium=sharing

Один из наиболее любопытных результатов, когда нейросеть *какую-либо эмоцию стремится передать через общую атмосферу картинки* (6 %). Например, на арте «у страха глаза велики» мы видим испуганного ребенка с большими глазами, а слово «страх» передано через мрачную, удручающую атмосферу: темные тона, выражение страха на лице ребенка.

Самый нераспространенный результат – *отсутствие абстрактного явления на картинке вообще* (4 арта из 100). На изображении «глаза боятся – руки делают» есть ребенок с глазами без зрачков, с поднятыми руками ладонями к зрителю. Сама картинка очень мрачная: мальчик похож на пророка, а задний план напоминает последствия войны. Однако там нет никаких деталей, обозначающих смысл слова «делать».

В итоге отмечены следующие **ошибки**, допущенные ИИ: замена переносного смысла слова / ситуации на прямой; изображение конкретного явления при невозможности изобразить обобщенное (придание физической формы); замена абстрактного значения слова на конкретное; невозможность проанализировать из-за отсутствия ключевых объектов; все соответствует; замена типичного явления на нетипичное / фантастическое; эмоция передана через атмосферу; отсутствие абстрактного явления.

■ **Четвертый критерий – добавление нейросетью лишних объектов.** На сгенерированных картинках появляется большое количество деталей, которые пословицей не подразумеваются. Проанализировав, по какому принципу ИИ добавляет не необходимые элементы на готовую иллюстрацию, мы пришли к следующим выводам.

В абсолютном большинстве единиц нейросеть добавляет **фон на готовое изображение (когда в этом нет необходимости)**. На арте «баба с возу – кобыле легче» видим кобылу с возом и бабу на этом самом возу, но помимо этого всего, мы также видим улицу, по которой они едут, небо и облака.

Почему нейросеть стремится добавить фон, нетрудно догадаться: в нашем мире большинство вещей без заднего плана смотрятся неестественно, практически всему нужен какой-то фон. Поэтому это не ошибка.

Ровно в 25 % случаев ИИ **не добавляет ничего лишнего** на готовую картинку.

В 10 % случаев к изображению **добавляются некоторые элементы**, что основывается на частоте совпадений в реальной жизни. На иллюстрации «сам кашу заварил, сам и расхлебывай» можно заметить испуганного человека, сидящего в огромном количестве каши, которая, в свою очередь, находится в некоем подобии бочки, хотя последней в пословице нет. Нам нетрудно догадаться, откуда она появилась: каша чаще всего находится в какой-либо таре, поэтому ИИ и нарисовал ее.

В 9 % изображений ИИ **добавляет свою сюжетную линию** картинке, не соответствующую сюжетной линии пословицы. На арте *«глаза боятся, руки делают»* мы наблюдаем комичную сцену, где несчастный стоматолог в своем кабинете пытается вылечить зубы медведю. Медведь же сам испуган – кричит и вырывается. Верно передав основной посыл пословицы, этот сценарий нейросеть придумала сама.

В 7 % случаев на картинках по непонятным нам причинам появляются **лишние люди**. На изображении *«волка ноги кормят»* есть волк, кушающий из миски, а рядом с ним – непонятно откуда взявшаяся человеческая нога, согнутая в колене.

Последний полученный результат – **добавление предметов (не связанных с человеком) по непонятным причинам** (4 %). На иллюстрации *«денег куры не клюют»* видно большое количество денег в разных валютах, по которым скачет одна курица, но помимо денег там есть еще и небольшое количество плешущейся воды.

В итоге обнаружены следующие **ошибки**, допущенные нейросетью: добавление фона; добавление элементов, основываясь на частоте совпадений в реальной жизни; добавление сюжетной линии; добавление лишних людей; добавление лишних предметов (не человека); ничего лишнего.

■ **Пятый критерий**, по которому мы оценивали картинки, – это **соответствие атмосферы пословиц и поговорок атмосфере картинки**. Подавляющее большинство артов отвечают результату «все соответствует».

На 9 % картинок изображена **слишком мрачная атмосфера**. Например, арт по пословице *«дружба и братство дороже богатства»* черно-белый. На нем представлены два маленьких мальчика и открывающийся перед ними вид (небольшой участок с разрушенными зданиями и кучей мусора и пепла), похожий на последствия войны или апокалипсиса. Конечно, в пословице есть намек на бедность, поскольку дружба и братство здесь противопоставляются богатству, но все же содержание пословицы довольно позитивно, чего нельзя сказать о данном изображении.

3 % картинок слишком **осовременены**. Не будем забывать, что большинство пословиц и поговорок были придуманы сотни лет назад, поэтому ИИ не всегда удается удовлетворить наши ожидания увидеть отображение времени на иллюстрациях. Так, на арте *«язык до Киева доведет»* видим город, очевидно, Киев, с церковью и красивыми старинными зданиями, а по дороге между ними едут машины. Понятно, что города меняются, но все же неожиданно увидеть результаты технического прогресса на изображении по древнерусской поговорке.

Еще 3 % картинок мы отнесли к пункту **«гротеск»**. На арте *«рыба гниет с головы»* изображена огромная рыба, спокойно плывущая в воздухе над

морем, а перед ней стоит ряд маленьких человеческих фигур, наблюдающих за рыбой. Иллюстрация выполнена в золотисто-фиолетовых тонах.

На 2 % артов отмечено присутствие **«нерусских» мотивов**. Одна из особенностей пословиц и поговорок в том, что большинство из них были придуманы на Руси. Однако, например, на картинке *«лучше синица в руке, чем журавль в небе»* изображена девушка азиатской внешности, держащая в руках большую белую птицу, очевидно, не синицу. И если вторая птица, летящая в небе, еще похожа на журавля, то находящееся на переднем плане, совершенно не похоже на русские образы. В целом некоторые предметы, характерные для России, особенно Древней Руси, нейросети, обученные на иностранном визуальном материале, передать не могут (например, часто упоминаемую сошку – соху).

Как видим, эта ошибка нейросети не очень популярна (2 %), вместе с тем на проблему можно посмотреть шире, добавив пункт **«отсутствие истинно русских мотивов»**, что на артах по русским пословицам и поговоркам встречается гораздо чаще. Мы не можем считать это грубой ошибкой, поскольку мир уже давно стал глобальным. Тем не менее создается ощущение, что если показать человеку одну из данных картинок, не предупредив заранее, что она была сгенерирована на основе русских изречений, он может вообще не догадаться, о чем идет речь. Если в нашем сознании пословицы и поговорки напрямую связаны с историей и культурой русского народа, и подобные ассоциации являются одной из их ключевых особенностей, то на нейроартах подобная черта чаще всего полностью отсутствует.

Как отмечали отечественные исследователи, каждое слово и каждый образ вызывают в нашем сознании множественные ассоциации и отсылки. ИИ не может понять и, соответственно, передать все эти знания, а поэтому результаты его работы часто оторваны от реальности. «...искусственный интеллект всецело зависит от текста как лишенного субъективности материального продукта, что манифестирует не только «смерть автора», но и уничтожение смыслов. История в интерпретации нейросети предстает в виде забавных комиксов. В результате возникают мистические миры, не имеющие ничего общего с реальными событиями прошлого» [6].

4 % картинок **слишком милые**. Например, на арте *«гусь свинье не товарищ»* изображены поросенок и два гуся, мирно стоящие рядом, поросенок даже как будто улыбается. Главных героев картинки окружает атмосфера праздника: на полу валяются апельсины, а на одном из гусей – праздничный колпачок. Цвета довольно яркие и вызывают приятные эмоции. Ошибка заключается в том, что данная поговорка является своего рода предостережением, она довольно серьезная и несет в себе глубокий смысл. Она должна научить того, кому адресуется, не связываться с неподходящими и,

возможно, опасными людьми, однако арт, сгенерированный нейросетью, слишком милый.

1 % изображений относится к результату *«слишком комичные»*. На арте к пословице *«не плюй в колодец – пригодится воды напиться»* мы наблюдаем колодец и испуганного человека (испуган он, видимо, потому что не может напиться из колодца). И хотя очевидно, что ничего юмористичного на картинке нет, выражение лица главного героя слишком смешное, что не может не вызвать улыбку.

Еще 1 % рисунков – *слишком грустные*. На арте к пословице *«хлеб – всему голова»* видим буханку хлеба с чертами человеческого лица. Однако «глаза» у хлеба выражают грусть, несмотря на то что смысл пословицы нейтральный, а возможно, и позитивный.

В итоге мы получили следующие **ошибки** в передаче атмосферы нейросетью: *слишком мрачная; слишком современная; нерусская; гротеск; слишком милая; слишком комичная; слишком грустная*.

■ **Шестой критерий – чем притягивают данные изображения.** Мы заметили, что картинок на заданную тему в свободном доступе удивительно много, поэтому решили проанализировать, почему люди тратят свое свободное время на то, чтобы сгенерировать их в нейросети и выложить в Интернет. Результаты приводим ниже.

Сама способность нейросети визуально представлять сложноизобразимое вызывает интерес, в связи с чем достаточно много авторов просят иллюстрировать пословицы, поговорки и другие выражения с метафорическим смыслом. В ряде случаев нейросеть выдает оригинальное видение, отличное от того, что мог бы предположить или представить человек. При этом подчас утрачиваются нюансы исходного смысла, однако *новое прочтение* может выглядеть смешным или интересным. Например, когда на запрос *«ни рыба ни мясо»* нейросеть предложила накрытый стол, где в качестве главного блюда фигурирует живой осьминог. Это ожидание оригинальности особенно просматривается в случае, когда запрос содержит крылатое выражение, которое подразумевает образ, не имеющий прямой визуализации, вроде *«ёкарный бабай»*, *«ёшкин кот»*, *«ядрёна вошь»* и т. п.

Один из самых распространенных ответов на вопрос нашего исследования: *эстетика*. Многие из таких картинок действительно очень красивые. Например, на арте *«что естественно, то не безобразно»* мы видим на фоне природы очень привлекательного молодого человека с правильными чертами лица и в эстетичной одежде.

Следующий результат: *точность передачи / легкость восприятия*. Например, на изображении *«книга – маленькое окошко: через него весь мир видно»* представлена книга, лежащая на окне, за которым открывается пре-

красный вид на горы и водоем. Так, образы «окна» и «книги» действительно как будто сливаются, и смысл пословицы полностью раскрывается.

Часть картинок **заставляет задуматься**. На изображении «худой мир лучше доброй ссоры» – мужчина и женщина, держащие друг друга за руки. Зима, поэтому они одеты в теплую одежду, напоминающую советскую, а вся картинка подобна фотографии военного времени. Такое видение данной пословицы заставило нас задуматься.

Следующий пункт: **юмор и смешные образы**. На мультяшной иллюстрации «назвался груздем – полезай в кузов» изображен большой синий грузовик, в котором сидит персонаж, похожий на обезьянку, с шапочкой на голове в виде гриба, а за ним – огромный гриб с лицом, угрожающими глазами и широкой пастью с большим количеством зубов. Дальше стоят грибы поменьше и без лиц, но на очень длинных ножках. И все это на мрачном ярко-фиолетовом фоне, переходящем в черный цвет. Подобное видение такой простой пословицы может заставить улыбнуться.

Иногда нейросеть демонстрирует **творческий подход**, чего трудно от нее ожидать. Именно это нас и притягивает. Например, попытавшись изобразить пословицы-при сказки «не тягайся с богатым, не борись с сильным; коза с волком тягалась – хвост да шкура осталась», ИИ выдал картинку с двумя борющимися существами, похожими на мифических персонажей: первый – маленький белый лев, с человеческой осанкой и в синей традиционной одежде; второй – какое-то подобие волка с очень большими, закругленными назад рогами. Действие происходит либо в лесу, либо в горах, на земле можно увидеть небольшое количество снега. Общая атмосфера картинки напряженная, мрачная. Трудно понять, почему нейросеть показала именно это.

На 5 % артов видим **новый подход к старым образам**. Иногда несоответствие некоторых элементов картинки или ее атмосферы содержанию может быть очень занимательным. Например, на арте «не имей сто рублей, а имей сто друзей» мы видим большую толпу людей в похожей одежде на фоне старых зданий и дыма. В целом от иллюстрации исходит что-то раннесоветское, хотя сама пословица русская народная.

Еще на 5 % изображений констатируем **соответствие культурным ожиданиям**. Некоторые картинки ясно демонстрируют, что данные пословицы и поговорки были придуманы в Древней Руси. Например, на арте «не в свои сани не садись» изображен мужчина, с бородой и в красном русском традиционном кафтане, в санях, напоминающих настоящие русские зимние сани. Видеть подобное попадание в контекст русскому зрителю приятно, а нерусскому – познавательно.

В ходе еще одного исследования было выявлено, что поликодовые тексты, ввиду сочетания в них двух семиотических накалов, могут быть оптимальным учебным материалом в аспекте поддержания мотивации студентов на высоком уровне, а также эффективного запоминания новой информации [10]. Можно предположить, что если студентам дать русские пословицы одновременно с данными картинками, их изучение русского языка и русской культуры будет гораздо более интересным и эффективным.

Заключение. Нейросеть часто «видит» многие вещи совсем не так, как люди, и ее «восприятие» пословиц и поговорок значительно отличается от того, какое содержание вкладывает в них народ. Из-за отсутствия конкретики в устойчивых выражениях, ориентированности на гибкое, ассоциативное мышление человека математическая точность ИИ мешает ему передать истинный смысл текстов. И несмотря на то, что зачастую результаты творчества искусственного интеллекта оказываются очень интересными, не все устраивает пользователей.

На примере пословиц и поговорок мы продемонстрировали пробелы, имеющиеся в разработке нейросетей, которые проявляются далеко не только в исследованной нами области. Смысловая и логическая неточности, неумение определять речевые тонкости, оттенки – это значительный недостаток ИИ на данном этапе.

Однако упомянутое отсутствие конкретики в пословицах и поговорках дает большие возможности. Заключение в рамки крылатого выражения общей идеи вместо частного случая порой позволяет нам самим додумывать общий вид и образы готовой иллюстрации. И этой возможностью нейросеть умеет пользоваться очень грамотно – многие результаты ее работы оригинальны и интересны для наблюдения.

Список литературы

1. Фортунатов А. Н. Нейроисторицизм как имитативная реальность: особенности формирования визуальных образов российских городов с помощью нейросетей // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2023. № 3 (23). С. 293–297. DOI: 10.18500/1819-7671-2023-23-3-293-297
2. Шешуков А. Ю., Княжева Е. А. Автор мертв. Почему нейросеть не может стать субъектом авторских прав // Труды по интеллектуальной собственности. 2023. № 2 (45). С. 95–102.
3. Быльева Д. С. Искусственное искусство: искусственный интеллект и человек // Актуальные проблемы экранных и интерактивных медиа: искусственный интеллект и новые возможности экранных искусств и медиаиндустрии М.: ВШТ МГУ, 2022. С. 75–81.

4. Fussell S. R., Kreuz R. J. *Figurative Language in Emotional Communication* New York: Psychology Press, 2014. P. 113–141. DOI:10.4324/9781315805917
5. Baryshnikov P. Body and Mind through the Lens of Mechanistic Metaphors: The History of Semantic Aberrations // *Technology and Language*. 2023. № 4 (13). P. 7–21. DOI: 10.48417/technolang.2023.04.02
6. Pesina S. Anthropomorphic Metaphors as a Cognitive Model for the Conventionalization of Thought // *Technology and Language*. 2023. № 4 (13). P. 22–33. DOI: 10.48417/technolang.2023.04.03
7. Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh*. New York: Basic Books, 1999.
8. *Using Technologies for Creative-Text Translation* / J. Luke Hadley, K. Taivalkoski-Shilov, C. S. C. Teixeira, A. Toral. [et al.]. 1st ed., New York: Routledge, 2022.
9. Джелалова Л. А. Модель «Текст↔Смысл↔Значение» в изучении русских пословиц // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2019. № 4. С. 52–61. DOI: 10.17238/issn2227- 6564.2019.4.52
10. Цзялинь Ц. Педагогические возможности поликодового текста при обучении русскому языку иностранных студентов: на примере идиоматики // *Современное педагогическое образование*. 2023. № 2. С. 97–101.

Авторская справка

БЫЛЬЕВА Дарья Сергеевна – кандидат политических наук, доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: bylieva_ds@spbstu.ru

РЕЗЯПКИНА Елизавета Андреевна – студент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: rezyapkina.ea@edu.spbstu.ru

БИБУЛАТОВА Лилия Висаниевна – студент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: liliabibulatova019@gmail.com

Scientific article

UDC: 1: 004.8

<https://doi.org/10.25686/2410-0773.2024.1.55>

ARTIFICIAL INTELLIGENCE ART: TRANSLATION OF RUSSIAN PROVERBS AND SAYINGS INTO VISUAL LANGUAGE

D. S. Bylieva, E. A. Rezyapkina, L. V. Bibulatova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg (Russia)

Introduction. The aim of this article is to analyze how the results of the neural network with visualization of Russian proverbs are presented on the Internet. The problematic question is how well the precise, mathematical thinking of artificial intelligence can cope with the visualization of

such a difficult-to-understand query as proverbs. The problem is relevant at the present stage of development, since it studies a special case of AI creativity, determining the success and errors of the neural network in generating new images on a given topic.

Methods. The article is based on the data obtained during the study of 100 units of neuroarts on Russian proverbs, taken from free access on the Internet. The material was analyzed according to the following criteria: “meaning of the word”, “logic”, “atmosphere”, “visualization of abstract phenomena”, “presence and nature of additional/ superfluous elements” and “what this art is interesting to the user”. Common features and patterns were identified among the images generated by the neural network and conclusions were drawn.

Results. Neural networks have difficulties both with the transmission of the general meaning and moral of proverbs, and with individual characteristics, such as the transmission of individual elements, atmosphere, etc.

Conclusion. In general, we can say that on the one hand, the abstraction of Russian proverbs gives the neural network creative freedom, which it sometimes uses very competently, on the other hand, the lack of specifics prevents it from conveying their true meaning.

Keywords: Russian proverb, neuroart, visualization of a neural network, artificial intelligence, the creativity of neural networks.

References

1. Fortunatov A. N. Nejroistoricizm kak imitativnaja real'nost': osobennosti formirovaniya vizual'nyh obrazov rossijskikh gorodov s pomoshh'ju nejrosetej [Neurohistoricism as an imitative reality: Special features of the formation of visual images of Russian cities using neural networks]. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 293–297 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-7671-2023-23-3-293-29; EDN: AFCDHB
2. Sheshukov A. Y., Knyazheva E. A. Avtor mertv. Pochemu nejroset' ne mozhet stat' sub'ektom avtorskikh prav [The Author is Dead. Why a Neural Network Cannot Become a Subject of Copyright]. *Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property)*, 2023, no. 45 (2), pp. 95–102. DOI: 10.17323/tis.2023.17377
3. Bylieva D. S. Iskusstvennoe Iskusstvo: Iskusstvennyj Intellekt i Chelovek [Art and artificial intelligence]. *Aktual'nye problemy jekrannyh i interaktivnyh media: iskusstvennyj intellekt i novye vozmozhnosti jekrannyh iskusstv i mediaindustrii* [Current problems of on-screen and interactive media: artificial intelligence and new opportunities for screen arts and the media industry]. *HSTV of Moscow State University*, 2022, pp. 75–81.
4. Fussell S. R., Kreuz R. J. *Figurative Language in Emotional Communication* New York, Psychology Press, 2014, pp. 113–141. DOI: 10.4324/9781315805917
5. Baryshnikov P. Body and Mind through the Lens of Mechanistic Metaphors: The History of Semantic Aberrations. *Technology and Language*, 2023, no. 4 (13), pp. 7–21. DOI: 10.48417/technolang.2023.04.02
6. Pesina S. Anthropomorphic Metaphors as a Cognitive Model for the Conventionalization of Thought. *Technology and Language*, 2023, no. 4 (13), pp. 22–33. DOI: 10.48417/technolang.2023.04.03

7. Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh*. New York, Basic Books, 1999.
8. Luke Hadley J., Taivalkoski-Shilov K., Teixeira C. S. C., Toral A. *Using Technologies for Creative-Text Translation*. 1st ed., New York, Routledge, 2022.
9. Dzhelalova L. A. Model' «Tekst↔Smysl↔Znachenie» v izuchenii russkikh poslovic [The Model “Text↔Purport↔Meaning” in Studying Russian Proverbs]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Humanities and Social Studies], 2019, no. 4, pp. 52–61. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.4.52
10. Jibieke Jialin. Izuchenie idiomatiki v ramkakh kursa RKI s ispol'zovaniem polikodovykh tekstov sovremennogo mediaprostranstva [Studying idiomatics within the framework of the course of rfi using polycode texts of the modern media space]. *Pedagogicheskii zhurnal* [Pedagogical Journal], 2023, no. 13 (6A), pp. 250–257. DOI: 10.34670/AR.2023.41.34.007

Author's Bio

BYLIEVA Daria Sergeevna – candidate of political sciences, associated professor of Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: bylieva_ds@spbstu.ru

REZYAPKINA Elizaveta Andreevna – student of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia. E-mail: rezyapkina.ea@edu.spbstu.ru

BIBULATOVA Lilia Visanievna – student of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia. E-mail: liliabibulatova019@gmail.com

Библиографическая ссылка

Быльева Д. С., Резяпкина Е. А., Бибулатова Л. В. Арт искусственного интеллекта: перевод на визуальный язык русских пословиц и поговорок // *SocioTime / Социальное время*. 2024. № 1 (37). С. 55–73. DOI: 10.25686/2410-0773.2024.1.55

Научная статья

УДК 130.2

<https://doi.org/10.25686/2410-0773.2024.1.74>

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ПОСРЕДСТВОМ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

А. А. Корякина, Р. И. Саввина

*Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск
(Россия)*

Введение. Межкультурное образование является одним из ключевых аспектов современной образовательной системы, направленной на учет и поддержку культурной идентичности обучающихся различных этнических групп. Поэтому требуются более глубокий анализ данной проблемы и разработка стратегий в образовательной среде для обеспечения равных возможностей для всех обучающихся и недопущения сегрегации. Цель данного исследования – анализ теорий межкультурного образования, освещающих влияние культурной идентичности на процесс обучения, их роли как элемента такого образования.

Методы. При работе над исследованием использовался анализ современных теорий и концепций межкультурного образования, охватывающий влияние культурной идентичности на процесс обучения, и методик для интеграции элементов культурной идентичности в образовательный процесс.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В данной научной статье рассматривается важность интеграции элементов культурной идентичности в образовательный процесс для достижения межкультурного взаимопонимания и сотрудничества. Исследуется тесно связанная с проблемой идентичности организация образования для мигрантов и этнических меньшинств в форме сегрегации. Рассматриваются основные виды сегрегации в образовательной среде и ее причины.

Заключение. Делается вывод о том, что центральным элементом межкультурного образования является личность в ее уникальности и неповторимости, рассматриваемая наравне с другими индивидами, такими же уникальными и неповторимыми. Также выводится необходимость постоянного развития и совершенствования межкультурного образовательного опыта с учетом изменяющихся социокультурных реалий и потребностей обучающихся различных этнических групп для обеспечения гармоничного межкультурного взаимодействия в современном многонациональном обществе.

Ключевые слова: межкультурное образование, культурная идентичность, личность, сегрегация, этнические меньшинства.

Введение. Межкультурное образование – одно из основных направлений современной образовательной системы, направленное на поддержку культурной идентичности обучающихся различных этнических групп. Поэтому требуются более глубокий анализ данной проблемы и разработка стра-

тегий в образовательной среде для обеспечения равных возможностей для всех обучающихся и недопущения сегрегации.

Исследование включает в себя анализ современных теорий межкультурного образования, освещающих влияние культурных особенностей на процесс обучения. Рассматриваются определенные индивидуальные социокультурные связи для создания благоприятной образовательной среды, способствующей формированию толерантности и уважения к различиям. Особое внимание уделяется исследованию влияния предвзятости на образовательный процесс, вызывающей сегрегацию.

Целью данного исследования является анализ теорий межкультурного образования, освещающих влияние культурной идентичности на процесс обучения, их роли как элемента такого образования.

Методы исследования. В ходе исследования использовался анализ современных теорий и концепций межкультурного образования, охватывающий влияние культурной идентичности на процесс обучения и воспитания, и методик для интеграции элементов культурной идентичности в образовательный процесс. Также были изучены работы о влиянии культурных стереотипов на формирование межкультурного взаимопонимания, исследующие методы преодоления межкультурных конфликтов и развития культуры диалога и межкультурных образовательных программ, адаптированных под конкретные потребности обучающихся различных этнических групп с целью обеспечения равных возможностей и повышения уровня межкультурного взаимодействия.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Принимая во внимание индивидуальные социокультурные связи каждого человека, формирование личности в межкультурном аспекте помогает расширить культурную самоидентификацию. Современное общество представляет собой комплекс разнообразных миров, взаимодействие которых необходимо для взаимного выживания.

Для содействия взаимодействию с различными людьми важно, чтобы образовательный процесс ориентировался не только на тех, кто отличается от нас, но также на местных жителей. Только таким образом можно достичь единства в разнообразии, сосуществовании и интеграции, при этом сохраняя свою уникальность. Данный подход необходимо начинать применять в раннем возрасте, чтобы сформировать наклонности и навыки, благодаря которым человек сможет реализовать доступность образования во взрослой жизни [1].

Образовательный процесс должен учитывать указанные аспекты и поддерживать инициативы, способствующие подготовке иностранцев к успешной интеграции в новое окружение, сохраняя при этом свою этническую и

культурную идентичность. В рамках такого проекта каждый участник должен чувствовать себя радушно встреченным и принятым без какой-либо дискриминации, уважаемым и ценным, со своим уникальным культурным багажом.

Эмпатия – это важный аспект межличностных отношений, характеризующийся уважением, лояльностью, гармонией и взаимным доверием, являющийся ключевым компонентом в процессе развития личности каждого человека.

Обучение способности принимать другие культуры необходимо рассматривать более широко, не ограничиваясь лишь межкультурным взаимодействием. Необходимо помнить, что помимо данного аспекта главной целью такого образования является помощь индивидууму в более полном осознании собственной личности.

В свете этого исследуется взаимосвязь между личностным развитием и социокультурной идентичностью. Следует отметить важную роль отношений с окружающими людьми в формировании индивидуальности. Личная идентичность складывается из влияния генетических факторов и факторов внешней среды, с которыми сталкивается человек. Таким образом, это сочетание врожденных особенностей и приобретенных черт, обусловленных окружающей средой.

Принимая во внимание, что окружающая нас реальность представляет собой гетерогенную среду, требующую от каждого индивида участия в более сложных взаимосвязях с другими людьми, происходит состязание внутренних аспектов личности, культурных элементов, влияющих на эту личность, и воздействия других культур, проникающих в собственную среду. В первую очередь это включает осознание контекста жизни, в котором мы находимся.

Культурная идентичность представляет собой аспект личности, формируемый взаимодействием с внешним миром и обогащающий ее личный опыт. Идентичность представляет собой непрерывный процесс, основанный на взаимодействии между личностью и средой, в котором проявляются уникальные черты личности, придавая ей целостность, закономерность и индивидуальность в процессе развития [2].

Идентичность играет значимую роль в исследованиях по развитию детей, принадлежащих к этническим меньшинствам, хотя ученые предупреждают, что ее не следует признавать универсальным принципом для понимания индивидуального развития личности [3].

Идентичность представляет собой динамическую концепцию, претерпевающую постоянное развитие в каждом индивиде, внесение новых аспектов, не уничтожая уже существующих, и содержит в себе два ключевых измерения – индивидуальное самовосприятие и межличностные отношения. В про-

цессе формирования индивидуального самовосприятия важно развить сбалансированное отношение к своим положительным качествам и уверенность в своих способностях, что способствует формированию уникальной личности, одновременно схожей и различной от других людей. Для достижения этого баланса необходимы качественные межличностные взаимодействия, где взаимное признание и ценность, которые мы придаем друг другу, играют важную роль. Мнение окружающих о нас имеет существенное значение, независимо от его положительности или отрицательности.

Таким образом, центральным элементом межкультурного образования является личность в ее уникальности и неповторимости, рассматриваемая наравне с другим индивидом, так же уникальным и неповторимым, как и каждый из нас [3].

Исследователи утверждают, что наличие конфликта между образовательным учреждением и домашней средой может оказать существенное воздействие на мотивы и идентичность обучающихся, что играет важную роль в формировании их личности. Согласно исследованиям, мотивация связана с динамичными взаимоотношениями с окружающими людьми, в то время как культурная идентичность – с отношениями человека с обществом или социальной средой, а также институциональными ценностями и традициями [3].

«Считается, что у турецких семей есть свое сообщество и семейный опыт, отличающийся от датского образа жизни и от турецкого образа жизни в Турции. Восприятие датского стиля жизни в значительной степени основано на воображении и личном опыте. Сохраняя свои культурные ценности, молодые люди постоянно испытывают себя как чужаков и часто чувствуют стигматизацию из-за своего турецкого происхождения, несмотря на то что выросли в Дании и не проявляют никакого оппозиционного поведения по отношению к датской культуре» [3, с. 194].

Поразительный вывод заключается в том, что «молодые люди, готовые принять и приспособиться к различным формам жизни, остаются наедине со своим чувством принадлежности к своей этнической группе и в то же время к группе большинства. Они застревают между ожиданиями своих родителей и восприятием их учителями, причем последнее основано на том, что учителя знают об их родителях и их культуре в целом» [4, с. 138].

Тесно связана с проблемой идентичности *организация образования для мигрантов и этнических меньшинств* в рамках образовательной системы, которая может осуществляться в форме сегрегации. *Сегрегация* в образовательных учреждениях представляет собой явление, при котором обучающиеся подразделяются на различные группы в зависимости от различных критериев, таких как этническое происхождение, социальный статус или уровень обученности. Этот разделительный процесс может привести к неравным

возможностям обучения, что влечет за собой нарушение принципа равного доступа к образованию.

Одной из основных проблем, связанных с сегрегацией в образовательной среде, является снижение качества образования для учащихся из социально уязвимых групп. Учащиеся таких категорий часто сталкиваются с дискриминацией и недостаточным признанием своих достижений. Важно обеспечить равные возможности для образования для всех учащихся [5].

Один из значимых аспектов, который следует учитывать при изучении данной проблемы, – это влияние сегрегации на формирование стереотипов и предвзятости среди учащихся [6]. При разделении учащихся на группы по различным признакам, таким как расовая или социальная принадлежность, могут возникать негативные установки и стереотипы, что препятствует формированию толерантного и дружелюбного общества.

Кроме того, сегрегация может отрицательно отразиться на долгосрочных перспективах учащихся, поскольку ограниченный доступ к ресурсам и возможностям обучения снижает их потенциал развития и достижения успеха в будущем. Это особенно актуально для детей из менее обеспеченных социальных слоев, которые часто сталкиваются с дополнительными трудностями из-за сегрегации в образовательной среде.

Для *решения проблемы* сегрегации в образовательной среде необходимо принимать комплексные меры на всех уровнях образовательной системы. Это включает в себя разработку программ инклюзивного образования, создание более разнообразных и равноправных образовательных практик, а также обучение педагогов и родителей по вопросам борьбы с сегрегацией и формирования приемлемой образовательной среды для всех обучающихся.

Исследование и обсуждение проблемы сегрегации в образовательной среде являются важными шагами в направлении обеспечения равных возможностей и справедливого образования для всех учащихся. Только через совместные усилия общества, образовательных учреждений и государственных органов мы сможем создать инклюзивную и поддерживающую среду для обучения и развития всех обучающихся, независимо от их социального статуса и других качеств.

Необходимо, чтобы предвзятые взгляды не укоренились в обществе, поскольку их очень трудно изменить. Нельзя допустить расизма как «коллективной неспособности организации предоставить надлежащие и профессиональные услуги людям из-за их цвета кожи, культуры или этнического происхождения. Данное явление можно увидеть или обнаружить в процессах, отношениях и поведении, которые представляют собой дискриминацию из-за невольных предубеждений, невежества, легкомыслия и расистских стереоти-

пов, которые ставят в невыгодное положение представителей этнических меньшинств» [7, с. 255].

Сегрегированные учреждения можно рассматривать как результат ненадлежащего образования. М. Лучак различает *пять типов сегрегации*:

- 1) *внутриклассная* (дифференциация внутри класса);
- 2) *внутришкольная* (разделение групп или классов меньшинств в исправительных целях);
- 3) *межшкольная* (преимущественно сельские школы становятся сегрегированными по причине сегрегации этнических групп);
- 4) *межшкольная* (разные школьные системы: общеобразовательные и специальные школы);
- 5) *межшкольная* (частные, фондовые или религиозные школы в дополнение к государственной школьной системе) [8, с. 76].

М. Лучик считает, что, несмотря на все усилия по «улучшению школьного обучения меньшинств и внедрению межкультурного образования», все еще существует «тенденция к сегрегации» [8, с. 77]. Сегрегация в некоторых случаях может быть истолкована как добровольное разделение групп меньшинств, например образовательное разделение венгерских меньшинств, чтобы избежать ассимиляции в Румынии, или создание средней школы Ганди в Венгрии с целью воспитания талантливых учащихся рома. Хотя образовательный успех в вышеуказанных случаях не зависит от интеграции, эти отдельные системы не способствуют межкультурному диалогу и взаимопониманию.

Как утверждается, идентичность является ключом к личностному развитию учащихся, которому можно способствовать, обеспечив детям чувство принадлежности к группе, с которой они разделяют общие ценности, и от которой получают положительную поддержку [2]. В стремлении принадлежать к группе, которая на самом деле отвергает, можно потерять многие ценные активы: свою культуру с ее традициями и ценностями, языком и самое главное – свою идентичность. Настоящий подход к образованию предполагает взаимное принятие культур друг друга и осознание того, что люди могут принадлежать к разным социальным категориям одновременно. Поддерживающая образовательная среда может стать основой для изменения отношения и борьбы с предрассудками и дискриминацией. Преподаватели могут быть ключевыми факторами этого длительного процесса.

В данной статье утверждается, что *межкультурное образование настоятельно рекомендуется для всех образовательных учреждений*, независимо от того, имеют ли они дело со студентами с поликультурным или монокультурным опытом. Политика и перспективы преобладающей доминирующей культуры влияют на образовательное содержание и подход. Культура

меньшинств не должна быть принесена в жертву ради поддержания доминирующей культуры. Программы межкультурного образования должны быть направлены на повышение самооценки меньшинств, поскольку гордость за свою личность и чувство сильной принадлежности к группе мотивируют обучающихся стать более успешными. Это способствует искоренению предрассудков [9; 10; 11].

Один из важных аспектов, касающихся решения этих деликатных вопросов, недостаточно присутствует в исследованиях межкультурного образования в целом, и это – роль коммуникации. И если эффективное преподавание и обучение могут быть достигнуты посредством эффективной коммуникации и взаимного признания, то, напротив, недопонимание может быть источником разочарования и конфликтов.

Таким образом, эффективное образование предполагает знание процесса межкультурной коммуникации [12]. Хотя утверждается, что диалог между социальными науками и исследованиями в области межкультурного образования должен быть усилен как тематически, так и теоретически, результаты исследований в области межкультурной коммуникации еще недостаточно обобщены.

Заключение. В заключении статьи приходим к выводу, что центральным элементом межкультурного образования является личность в ее уникальности и неповторимости, рассматриваемая наравне с другим индивидом, таким же уникальным и неповторимым. Идентичность является ключом к личностному развитию учащихся. Таким образом, необходимо постоянное развитие и совершенствование межкультурного образовательного опыта с учетом изменяющихся социокультурных реалий и потребностей обучающихся различных этнических групп с учетом их культурной идентичности для недопущения сегрегации и обеспечения гармоничного межкультурного взаимодействия в современном многонациональном обществе.

Список литературы

1. Grant C. Intercultural and Multicultural Education. Enhancing Global Interconnectedness New York: Routledge, 2013.
2. Portera A. Tesori sommersi. Emigrazione, identità, bisogni educativi interculturali. Milano: Franco Angeli, 2016.
3. Hedegaard M. Strategies for dealing with conflicts in value positions between home and school: Influences on ethnic minority students' development of motives and identity // Culture Psychology. 2005. No. 11. P. 187–205.
4. Bhatti G. Ogbu and the debate on educational achievement: an exploration of the links between education, migration, identity and belonging // Intercultural Education. 2006. No. 17 (2). P. 133–146.

5. Корякина А. А. Проблема образования этнических меньшинств (на основе зарубежных исследований) // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7, № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/04PDMN619.pdf>
6. Day Langhout R. Acts of resistance: Student (in)visibility // Culture & Psychology. 2005. No. 11. P. 123–158.
7. Gilbert D. Racial and religious discrimination: the inexorable relationship between schools and the individual // Intercultural Education. 2004. No. 15 (3). P. 253–266.
8. Luciak M. Minority schooling and intercultural education: a comparison of recent developments in the old and new EU member states // Intercultural Education. 2006. No. 17 (1). P. 73–80.
9. Piipponen O., Karlsson L. Children encountering each other through storytelling: Promoting intercultural learning in schools // The Journal of Educational Research. 2019. No. 112 (5). P. 590–603.
10. Lähdesmäki T., Koistinen A. K., Ylönen S. Intercultural dialogue in the European education policies: A conceptual approach. Cham: Palgrave Macmillan, 2020.
11. Корякина А. А. Зарубежные подходы к проблеме межкультурного обучения // Инновации в образовании. 2021. № 2. С. 25–32.
12. Koriakina A. A. Realization of Multicultural Education in the Aspect of Intercultural Communication // Pedagogika-Pedagogy. 2018. Vol. 90, no. 5. P. 700–705.

Авторская справка

КОРЯКИНА Анжелика Анатольевна – кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия. E-mail: koryakina1@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6657-6019>, Scopus Author ID: 57208190201, Web of Science ResearcherID: H-1384-2015, SPIN-code in Russian Index of Scientific Citation: 9646-4855

САВВИНА Регина Игоревна – студент, Медицинский институт Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия.
E-mail: savvinaregina@gmail.com

Scientific article

UDC 130.2

<https://doi.org/10.25686/2410-0773.2024.1.74>

INTERCULTURAL EDUCATION THROUGH CULTURAL IDENTITY

A. A. Koriakina, R. I. Savvina

North-Eastern federal university named after M. K. Ammosov, Yakutsk (Russia)

Introduction. Intercultural education is one of the key aspects of the modern educational system aimed at taking into account and supporting the cultural identity of students of various ethnic groups. Therefore, a deeper analysis of this problem and the development of strategies in the educational environment are required to ensure equal opportunities for all students and to prevent segregation. The purpose of this study is to analyse the theories of

intercultural education, highlighting the influence of cultural identity on the learning process and its role as an element of such education.

Methods. When working on the study, an analysis of modern theories and concepts of intercultural education was used, covering the influence of cultural identity on the learning process and methods for integrating elements of cultural identity into the educational process.

Results. This scientific article examines the importance of integrating elements of cultural identity into the educational process in order to achieve intercultural understanding and cooperation. The article also examines the organization of education for migrants and ethnic minorities in the form of segregation, which is closely related to the problem of identity. The main types of segregation in the educational environment and its causes are considered.

Conclusion. In conclusion, the article concludes that the central element of intercultural education is a personality in its uniqueness and uniqueness, considered on an equal basis with another individual, the same unique and inimitable. It also concludes the need for continuous development and improvement of intercultural educational experience, taking into account the changing socio-cultural realities and needs of students of various ethnic groups to ensure harmonious intercultural interaction in a modern multinational society.

Keywords: intercultural education, cultural identity, personality, segregation, ethnic minorities.

References

1. Grant C. *Intercultural and Multicultural Education. Enhancing Global Interconnectedness*. New York, Routledge, 2013.
2. Portera A. *Tesori sommersi. Emigrazione, identità, bisogni educativi interculturali*. Milano, Franco Angeli, 2016.
3. Hedegaard M. Strategies for dealing with conflicts in value positions between home and school: Influences on ethnic minority students' development of motives and identity. *Culture Psychology*, 2005, no. 11, pp.187–205.
4. Bhatti G. Ogbu and the debate on educational achievement: an exploration of the links between education, migration, identity and belonging. *Intercultural Education*, 2006, no. 17 (2), pp. 133–146.
5. Koriakina A. A. Problema obrazovanija jetnicheskih men'shinstv (na osnove zarubezhnyh issledovanij) [The problem of education of ethnic minorities (based on foreign research)]. *Mir nauki. Pedagogika i psihologija*, 2019, vol. 7, no. 6. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/04PDMN619.pdf>
6. Day Langhout R. Acts of resistance: Student (in)visibility. *Culture & Psychology*, 2005, no. 11, pp. 123–158.
7. Gilbert D. Racial and religious discrimination: the inexorable relationship between schools and the individual. *Intercultural Education*, 2004, no. 15 (3), pp. 253–266.
8. Luciak M. Minority schooling and intercultural education: a comparison of recent developments in the old and new EU member states. *Intercultural Education*, 2006, no. 17 (1), pp. 73–80.
9. Piipponen O., Karlsson L. Children encountering each other through storytelling: Promoting intercultural learning in schools. *The Journal of Educational Research*, 2019, no. 112 (5), pp. 590–603.
10. Lähdesmäki T., Koistinen A. K., Ylönen S. *Intercultural dialogue in the European education policies: A conceptual approach*. Cham, Palgrave Macmillan, 2020.

11. Koriakina A. A. Zarubezhnye podhody k probleme mezhkul'turnogo obuchenija [Foreign approaches to the problem of intercultural education]. *Innovacii v obrazovanii*, 2021, no. 2, pp. 25–32.

12. Koriakina A. A. Realization of Multicultural Education in the Aspect of Intercultural Communication. *Pedagogika-Pedagogy*, 2018, vol. 90, no. 5, pp. 700–705.

Author's bio

KORIAKINA Anzhelina Anatolievna – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy of the North-Eastern federal university named after M. K. Ammosov, Yakutsk, Russia. E-mail: koryakina1@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6657-6019>, Scopus Author ID: 57208190201, Web of Science ResearcherID: H-1384-2015, SPIN-code in Russian Index of Scientific Citation: 9646-4855

SAVVINA Regina Igorevna – student of the Medical Institute of North-Eastern federal university named after M. K. Ammosov, Yakutsk, Russia. E-mail: savvinaregina@gmail.com

Библиографическая ссылка

Корякина А. А., Саввина Р. И. Межкультурное образование посредством культурной идентичности // SocioTime / Социальное время. 2024. № 1 (37). С. 74–83.

DOI: 10.25686/2410-0773.2024.1.74

Научная статья

УДК 338.2

<https://doi.org/10.25686/2410-0773.2024.1.84>

ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ: ТЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

А. О. Лёвкина¹, В. Е. Лёвкин¹, Г. Ф. Деттер²

¹Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет», г. Тюмень (Россия)

²Государственное автономное учреждение Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики», г. Салехард (Россия)

Введение. Устойчивое урбанистическое развитие Арктики является сегодня одним из стратегических национальных приоритетов, тем не менее арктические города остаются малопривлекательными для проживания. Для решения данной проблемы нами был осуществлен поиск релевантных инструментов для эффективного управления устойчивым развитием арктических городов.

Методы. Впервые при анализе проблем развития арктических городов был использован тектологический метод, что может представлять особый интерес для читателей и специалистов в сфере управления устойчивым развитием. Тектологический метод основан на принципе динамического равновесия, предложенного А. А. Богдановым, наиболее близко отражающим понятие устойчивого развития города как саморазвивающейся и развиваемой экосоциальной системы.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В данном исследовании представлены результаты разработки и апробации методики тектологического анализа для структурирования и анализа проблем устойчивого развития арктических городов. Результаты применения методики представлены в форме типологической матрицы и матрицы взаимосвязи проблем устойчивого развития городов Ямало-Ненецкого автономного округа (на примере городов Надым и Салехард). Предлагаемый метод позволил выявить ключевые проблемы и приоритезировать задачи устойчивого развития арктических городов.

Заключение. Результаты исследования могут быть использованы для разработки и анализа программ арктических научно-прикладных исследований и стратегий развития арктических городов. Применение метода в управленческой практике нацелено на повышение научной обоснованности разработки стратегий управления устойчивым развитием городов, а также эффективности и практической пользы от научных исследований в данной сфере. Предлагаемый аналитический метод основан на статической модели сложной системы, в которой односторонние причинно-следственные связи между элементами определяют структуру системы. Однако в дальнейшем сам метод и варианты его применения в сочетании с другими методами могут совершенствоваться, учитывая динамические характеристики сложных систем.

Ключевые слова: арктические города, «умный город», устойчивое развитие, тектологический анализ, матричный анализ.

Введение. Арктический город – совокупность технологического, экономического, социального и культурного пространств и процессов с выраженными специфическими характеристиками арктического пространства (климат, удаленность, расположение на фронтире, ограниченность инфраструктуры), элементами которых являются активные социальные агенты, сообщества и институты, способные обеспечить их устойчивое функционирование и экологическую безопасность.

Арктические города остаются малопривлекательными для проживания из-за экстремальных климатических условий и оторванности от Большой земли, что ощущается не столько географически, сколько субъективно из-за существенной разницы в качестве жизни. Данные обстоятельства требуют гораздо больших усилий в решении вопроса повышения привлекательности проживания на территории Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ), обеспечения высокого качества и устойчивого развития арктических городов по сравнению с центральными и южными регионами. Сформулированные в России национальные интересы и стратегические национальные приоритеты, основные цели устойчивого развития¹ на текущий момент времени пока не трансформированы в логичные и системные стратегии устойчивого развития арктических городов [1].

В связи с требованиями населения к качеству жизни, нарастанием вызовов экономического, технологического, климатического и экологического характера возникают новые задачи по управлению арктическими городами, связанные с улучшением надежности инфраструктуры, снижением рисков загрязнения окружающей среды, обеспечением безопасности перед техногенными и климатическими угрозами, созданием рабочих мест, доступностью образования, здравоохранения, предоставлением населению жилья.

Арктические города находятся в более сложном положении, чем города других российских территорий. Особенностью Арктической зоны являются высокая зависимость экологических систем от внешних воздействий и одновременно высокая зависимость развития антропогенной среды (инфраструктура, экономика, продовольственная безопасность) от изменений в экосистемах. В Арктическом регионе потепление климата существенно превышает средние глобальные показатели, увеличиваются число и интенсивность природно-техногенных процессов и экологических изменений, связанных с климатическим фактором.

Для преодоления общих и специфичных для арктических городов проблем необходимы инновационный подход и наращивание интеллектуально-

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента России от 02.07.2021 № 400. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 25.07.2023); О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: Указ Президента России от 26.10.2020 № 645. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972> (дата обращения: 25.07.2023).

го потенциала, однако именно интеллектуальный, образовательный уровень арктических городов и является их самым слабым местом [2]. Население нуждается в развитии компетенций, больших возможностях для получения знаний. Человеческий фактор служит одной из причин, по которым арктические города проигрывают в конкуренции за высокий уровень жизни. Проблема заключается в обеспечении динамического равновесия между оттоком талантливых людей (в том числе молодежи, стремящейся получить образование) и их притоком, когда высокопрофессиональные специалисты будут приезжать в Арктику (в том числе возвращаться на родину).

Улучшение условий жизни в Арктике, сокращение отрицательной миграции – важнейшие приоритеты новой Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года. Для выравнивания положения необходимо приложить усилия со стороны органов публичной власти в виде развития государственной политики и создания специальных государственных программ. Рост безработицы, снижение социальной поддержки создают дополнительную напряженность, поскольку жизнь в экстремальных природно-климатических условиях Арктики требует от населения значительно больших психологических ресурсов и материальных затрат [3].

Задача поиска обоснованных и применимых на практике методов анализа проблем устойчивого развития арктических городов, выявления ключевых из них для решения посредством научных исследований требует критического взгляда на методы, нахождение и апробацию новых методов анализа проблематики развития устойчивых арктических городов с целью получения ценных для науки и практики результатов.

Для продвижения научных исследований по арктической тематике на основании соглашения о сотрудничестве² между Тюменским государственным университетом и Научным центром изучения Арктики в феврале 2021 года был образован консорциум, предусматривающий долгосрочное взаимовыгодное научно-технологическое сотрудничество, направленное на обеспечение устойчивого социально-экономического развития, освоения и управления Арктической зоной Российской Федерации. В рамках данного консорциума инициировано несколько научных арктических проектов, в том числе *проект «Разработка эко-социокультурной модели развития городов Надым и Салехард с учетом концепции Smart City» («Умный город», 2020–2023 гг.)*.

Научной предпосылкой достижения синергетического эффекта от взаимодополняющих результатов научных арктических проектов в рамках ра-

² Соглашение о сотрудничестве между Правительством Ямало-Ненецкого автономного округа и ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет». URL: <https://do.yanao.ru/documents/active/117530> (дата обращения: 25.07.2023).

боты консорциума является их базовая методологическая согласованность, достигаемая опорой на гуманистические ценности, а также на:

- *системный подход* (разработан учеными А. А. Богдановым, Н. И. Бухариным, Л. Фон Берталанфи и др.);
- *деятельностный подход* (М. Я. Басов, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн и др.);
- *социокультурный подход* (М. Вебер, П. Сорокин, А. С. Ахиезер, Н. И. Лапин, Е. Г. Ефимов, А. Я. Гуревич и др.);
- *концепцию устойчивого развития без экономического роста* (В. А. Коптюг, В. П. Ануфриев, Ю. В. Лебедев, Й. Шумпетер, Дж. К. Гэлбрейт, Г. Дэйли, П. А. Виктор, Т. Джексон, Ж. Фреско и др.);
- *комплексный подход к исследованию качества жизни* (А. И. Субетто, В. Е. Лепский, В. Н. Бобков, Дж. Стиглиц, А. Сен, Ж.-П. Фитусси и др.);
- *национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты*³;
- *Стратегию развития Арктической зоны России*⁴;
- *общее экономико-географическое видение системы проблем арктических территорий* [4–6].

Опираясь на востребованность в новых методах и результаты предыдущих методологических исследований, мы разработали метод тектологического анализа проблем устойчивого развития арктических городов, апробировали его и предлагаем в нашем исследовании научному сообществу обоснование и анализ результатов, полученных с помощью данного метода.

Методы исследования. Проблемы устойчивого развития территорий анализируются, как правило, посредством соответствующих систем показателей устойчивого развития (SDI), адаптированных с учетом специфики страны (территории) и уровня анализа (международный, национальный, местный, макро- или микроэкономический и др.) [7; 8].

Например, в 2017 году Арктический совет сосредоточился только на трех ключевых взаимосвязанных арктических проблемах и запустил проект, в котором исследуется взаимодействие между целями устойчивого развития (ЦУР):

- *ЦУР № 2*: ликвидация голода и достижение продовольственной безопасности для всех;
- *ЦУР № 6*: обеспечение наличия и устойчивого управления водой и санитарией для всех;

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента России от 02.07.2021 № 400. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 25.07.2023).

⁴ О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: Указ Президента России от 26.10.2020 № 645. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972> (дата обращения: 25.07.2023).

■ ЦУР № 7: обеспечение доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех⁵.

Данный проект учитывает общие арктические особенности, однако он не предназначен для мониторинга устойчивого развития конкретных арктических городов. Кроме того, отдельные существующие арктические индексы, например такие, как Международный проект Business Index North (BIN) – «Северный бизнес-индекс», отражают лишь крупные общие тренды арктических территорий в целом, но не дают представления о проблемах и устойчивом развитии конкретной агломерации или сообщества [9].

Российскими учеными также разработаны различные системы оценки устойчивого развития Арктической зоны России [10], рассмотрены современные проблемы и перспективы развития арктических регионов, в том числе с позиций оценки цифрового потенциала и инновационного кластерного развития [11], районного развития [12] и городского управления [13], однако по-прежнему мало исследователей и исследований, уделяющих внимание устойчивому развитию арктических городов.

В западной теории и практике различные аспекты оценки и разработки стратегий устойчивого развития городов рассматриваются преимущественно с точки зрения необходимости декарбонизации экономики, жизнеобеспечения города и образа жизни городских жителей [14; 15]. Безусловно, то, как сегодня строятся города, создаются стройматериалы и работает инфраструктура, ведет к серьезной проблеме усиления антропогенного фактора загрязнения окружающей среды и изменения климата, поэтому разработка и внедрение стратегий устойчивого развития городов с точки зрения декарбонизации экономики и экологичного хозяйствования и поведения городских жителей является одним из ключевых ориентиров.

Однако устойчивое развитие города предполагает не только необходимость снижения его отрицательного влияния на карбоновый баланс, но и поддержание высокого уровня и хорошего качества жизни городских жителей. Учитывая специфику арктических городов и их повышенную уязвимость от экологических и температурных изменений, стратегия устойчивого развития арктических городов также должна иметь в виду эффективную адаптацию города к объективно происходящим климатическим изменениям с учетом многоаспектной специфики конкретного города (географической, экологической, инфраструктурной, социально-экономической). Исследователями отмечено, что в целом адаптация к урбанистическим и климатическим изменениям в настоящее время носит реактивный характер, тогда как комплексная климатическая стратегия города должна включать в себя проактивные и реактивные адаптационные меры [16].

⁵ Arctic Council. Sustainable Development Goals in the Arctic. 2017. URL: <https://arctic-council.org/ru/projects/sustainable-development-goals-in-the-arctic> (дата обращения: 25.07.2023).

Комплексный, системный подход к устойчивому прогрессу арктических городов в настоящее время в России разрабатывается научной группой под руководством Н. Ю. Замятиной, в частности, в рамках проекта РФФИ «Устойчивость развития Арктических городов в условиях природно-климатических изменений и социально-экономических трансформаций». В дополнение к концепции устойчивого развития учеными введены понятие и концепция жизнестойкости арктического города – способность городских систем к преодолению природных или антропогенных кризисов. Данная концепция особенно актуальна для арктических городов из-за повышенной уязвимости и взаимовлияния их природных и социально-экономических систем. Концепция жизнестойкости предполагает комплексные и синергичные решения проблем устойчивости во взаимосвязанных подсистемах городского развития [17; 18].

В рамках усовершенствования данной концепции учеными предложен индексный метод анализа устойчивого эволюционирования подсистем городского развития, однако остаются открытыми вопросы поиска методов и инструментов качественного анализа проблем, поиска и генерирования решений. Таким образом, системный подход к анализу проблем развития устойчивых арктических городов требует структурированности результатов выявления проблем в первую очередь, исходя из взаимосвязи предельных обобщенных элементов города как экосоциальной системы.

Метод структурирования и анализа проблем арктического города, использованный нами в данном исследовании, назван тектологическим исходя из заимствованного из тектологии А. А. Богданова главного принципа динамического равновесия, наиболее близко отражающего понятие устойчивого развития города как саморазвивающейся и развиваемой экосоциальной системы. Для анализа проблем устойчивого развития города был использован базовый принцип выявления наиболее общих элементов системы и связей между ними: рассмотрение предмета исследования в качестве системы, состоящей из двух предельно общих основных элементов и отношений между ними, определяющих тип взаимодействия элементов (организованный, дезорганизованный или нейтральный). Тектология позволяет изучать проблемы социоприродных систем с целью достижения структурно-динамического равновесия с широкими общенаучных и системных позиций: А. А. Богдановым были впервые сформулированы основные положения системного подхода и теории самоорганизации систем, наиболее полно раскрыта диалектически противоречивая сущность устойчивого развития экосоциальных систем через понятие подвижного (динамического, устойчивого, структурного) равновесия [19].

Основания для классификации вызовов, позволяющие впоследствии выбирать адекватные методы решения связанных с вызовами проблем, определялись исходя из тектологического и деятельностного подходов к

развитию города как экосоциальной системы. Мы выделили основные элементы города и их взаимодействия, получив три ключевых категории для последующего анализа проблем устойчивого развития города:

1) базовый целеполагающий деятельный элемент – человек (*люди, общество*);

2) городская среда деятельности и активности человека, являющаяся результатом деятельности человека в контексте объективных природных и экологических факторов – *инфраструктура и экономика*;

3) целенаправленное взаимодействие между человеком и средой в целях достижения динамического равновесия системы – *управление*.

Таким образом, вызовы и проблемы структурировались через группировку элементов меньшего порядка в вышеуказанные три наиболее общие системные категории.

В рамках проекта «Разработка эко-социокультурной модели развития городов Надым и Салехард с учетом концепции Smart City» 9-10 марта 2021 года в Салехарде провели научно-методологический семинар для совместного экспертного анализа проблем развития арктического «умного города». На семинаре присутствовали 17 экспертов консорциума, в том числе научные сотрудники ГКУ Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики», эксперты Тюменского государственного университета, представитель администрации города Салехарда. Были показаны и согласованы основные методологические принципы совместной работы по Проекту (презентация основных методологических принципов Проекта подготовлена на основании раздела 1 НИР). Участники семинара ознакомили собравшихся с наработками по соответствующей тематике (всего прозвучало десять докладов)⁶.

На форуме была проведена *форсайт-сессия «Обобщение и анализ текущего состояния и ключевых противоречий в сложившейся системе пространственной организации экономики и населения арктических поселений»*, которая состояла из нескольких этапов:

1. *Выявление и формулирование ключевых вызовов, комплексных проблем развития арктических городов в свободной форме.* Понятие «вызов» введено в язык официальных документов через определение «большие вызовы» в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: «Большие вызовы – объективно требующая реакции со стороны государства совокупность проблем, угроз и возможностей, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счет увеличения ресурсов»⁷.

⁶ Программа методологического семинара по проекту Smart City («Умный город») // Zenodo. URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.8089739> (дата обращения: 25.07.2023).

⁷ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента России от 01.12.2016 № 642. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 25.07.2023).

Это определение позволило масштабировать большие вызовы вплоть до регионального или любого другого местного уровня с указанием конкретного уровня субъекта управления вместо государства. Такие вызовы требовалось выявить и сформулировать прежде всего на уровне города. Выявление и формулирование вызовов производилось в форме процедуры модулируемого мозгового штурма в команде экспертов.

2. *Группировка вызовов в соответствии с выработанной классификацией.* Согласно общему системному подходу, город является комплексной экосоциальной системой, экологический аспект которой означает объективные природные и ресурсные условия развития, а социальный аспект – организованность и целенаправленность развития. Универсальные свойства систем в природе и социуме в их прикладном управленческом контексте сформулированы и типологизированы в тектологии А. А. Богданова.

Согласно «всеобщей организационной науке», два и более элемента, включенные в единый процесс, могут:

а) при особой организованности превосходить по эффективности функционирование этих же элементов по отдельности – *организованный тип взаимодействия*;

б) мешать друг другу – *дезорганизованный тип взаимодействия*;

в) не влиять на эффективность друг друга – *нейтральный тип взаимодействия*.

Нейтральный тип взаимодействия характерен для состояния «подвижного равновесия», в процессе устойчивого развития общества неизбежно (вследствие возникающих противоречий) чередующегося с этапами структурного неравновесия (кризисами).

Исходя из этого фундаментального принципа, любой вызов должен быть рассмотрен как аспект (сторона) состояния системы (города), а именно системы, состоящей из двух предельно общих элементов и связей между ними, определяющих организованный, дезорганизованный или нейтральный тип взаимодействия элементов.

В городе как системе такими предельными обобщенными элементами будут:

а) *люди*;

б) *среда жизни людей* – объекты городской инфраструктуры;

в) *связи между людьми и окружающей их средой* – механизмы управления взаимодействием людей с тем, что их окружает.

Классификация вызовов по основанию «предельные обобщенные элементы города как системы» позволила выделить три категории городских вызовов, получивших названия «Умный человек», «Умная инфраструктура и экономика», «Умное управление». Категории классификации в процессе

групповой работы (мозгового штурма, дискуссий и презентаций) удерживает модератор. Они же заложены в основу структурирования последующего анализа вызовов.

3. *Операционализация вызовов до формулировок проблем и задач развития арктических городов.* Результаты анализа представлены далее в таблице 1. Операционализация вызовов до проблем и задач позволяет создать научно-корректное основание для дальнейшего планирования процессов решения проблем, преодоления вызовов. Эта часть работы выполнялась также в формате форсайт-сессии с применением методов проблемно-ориентированной дискуссии и экспертного анализа. Исходя из системного и деятельностного подходов, проблема (для субъекта) – значимая трудность, не имеющая готового решения, противоречие между необходимостью в определенных изменениях и ресурсами для их осуществления.

4. *Формулирование соответствующих проблемам и задачам развития арктического «умного города» основных научно-исследовательских проблем и задач.* Согласно тектологии, проблема (стадия кризиса в развитии системы) является результатом накопления противоречий в системе в процессе ее развития, при котором дезорганизующий момент перевешивает силу дополнительных связей между частями и ведет к разрыву этих связей – дезинтегрессиям в сторону общего крушения организационной формы целого. Результатом разрешения противоречия становятся или преобразование структуры целого, или простой распад [20].

Управляемое развитие города как процесс разрешения противоречий предполагает их обнаружение и преодоление в ранжированном по степени важности порядке с учетом системных эффектов от разрешения того или иного противоречия. Так, приоритетными для научного разрешения становятся противоречия, выступающие в роли фактора по отношению к наибольшему числу других проблем, являющихся следствием этой причины. В результате этапов 1–3 был получен ряд структурированных вызовов, проблем и задач устойчивого развития арктических городов (см. табл. 1).

5. *Посредством экспертной оценки и матричного анализа проведен дополнительный анализ взаимосвязи проблем.* Основываясь на тектологическом и системном подходах, мы рассматривали комплекс проблем устойчивого развития города как целостной системы, состоящей из взаимосвязанных частей [21].

Расположив проблемы в матричной форме (по горизонтали и вертикали), экспертным способом определили отношения между каждой парой проблем как фактор-следствие (ф-с). Термин «фактор» (в значении «действующая сила», «то, что влияет») применяется нами в анализе вместо термина «причина», так как более точно отражает суть взаимосвязей проблем

при анализе сложных систем, поскольку, с одной стороны, отражает причинно-следственные отношения во времени, но, с другой стороны, не требует описания условий. Только в таком контексте какая-либо действующая сила становится непосредственной «причиной» изменений (в значении «того, что переводит возможное в действительное»).

Например, в паре проблем А и Б проблема А кодировалась как фактор (ф) по отношению к Б, если А можно было охарактеризовать как то, что в существенной степени влияло на формирование Б по результатам экспертной оценки. В этом случае проблема Б является зависимой проблемой или следствием (с), которая значительно ослабнет или устранится при решении влияющей проблемы-фактора. Если А и Б не влияют друг на друга, они считаются автономными. Для анализа системы взаимосвязанных проблем мы использовали матрицу и граф. Количественный подсчет проблем-следствий у каждого фактора в матрице и визуальный анализ в форме графа позволили выявить специфический «нервный узел» проблем устойчивого развития арктического города (на примере Салехарда), который позволил приоритезировать решение проблем жизнестойкости и устойчивого развития арктического города (см. табл. 2).

6. *Для выявления специфического ключевого узла проблем, приоритетных для решения, использованы визуальный анализ и метод аналитической группировки.* Визуальный анализ был реализован в форме ориентированного графа, узлы которого дополнительно распределились по вертикальной шкале, отображающей количество проблем следствий. Таким образом, граф позволил визуально оценить «разрывы» в масштабах влияния той или иной проблемы и проявить не только «ключевой узел» приоритетных проблем (узлы с максимальным количеством исходящих стрелок), но и увидеть те, которые влияют на приоритетные проблемы (см. рис. 1).

Метод аналитической группировки применили в качестве альтернативной процедуры для удобной приоритезации проблем. Они были сгруппированы по количеству воздействий на другие проблемы с учетом специализированных интервалов, определенных экспертным методом и отражающих, по мнению экспертов, существенные переходы между качеством проблем по приоритетности их решения. Проблемы сгруппировали в три основных блока: приоритетные, важные и влияющие. В отдельную, четвертую группу выделили так называемые автономные проблемы, не влияющие на другие (см. табл. 3).

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. На основании тектологического анализа текущего состояния и ключевых противоречий в сложившейся системе пространственной организации экономики и населения арктических городов и поселений типологизи-

рованы вызовы, проблемы и задачи в разрезе трех подсистем устойчивого развития: «умный человек», «умное управление», «умная экономика и инфраструктура» (табл. 1).

Таблица 1

Тектологический анализ проблем и задач развития арктического «умного города»

Вызов	Проблема	Задача
«Умный человек»		
Природно-географическая специфика для обеспечения устойчивого развития арктических городов требует больше знаний и компетенций, чем для южных, потребность усиливается в связи с наступлением четвертой промышленной революции и цифровизацией экономики	Ч1. Острый дефицит компетенций в арктических городах (привлеченный, временный персонал не создает интеллектуальных и социокультурных основ развития города, увеличивает расходы, текучесть кадров – утечку мозгов)	Повышение социокультурного потенциала населения арктических городов, в том числе с использованием цифровых технологий
Потребность в системе непрерывного образования, нацеленного на инновационность и предприимчивость	Ч2. Традиционный подход к образованию ведет к увеличению образовательной миграции	Создание (внедрение) технологий, обеспечивающих непрерывный образовательный процесс в арктических городах
Запрос на повышение уровня потребностей населения в организации Досуга	Ч3. Низкий уровень возможностей арктического города в предоставлении досуга	Развитие бизнеса, ориентированного на сферу досуга и развлечений, самоорганизация горожан для развития досуга
Потребность населения (молодежи) в росте качества жизни, во включенности в мировую культуру	Ч4. Пониженная инициативность и рефлексивность, потребительское отношение населения к получению благ, недостаток практик и механизмов самоорганизации, инфантилизация населения городов	Развитие креативных индустрий
Системный подход к здоровьесбережению	Ч5. Отсутствие понимания у населения значимости и эффективных практик здоровьесбережения и неинформированность о наличии уникальных систем здоровьесбережения	Пропаганда здорового образа жизни, обучение здоровьесоздающим практикам

Продолжение таблицы 1

Тектологический анализ проблем и задач развития арктического «умного города»

Вызов	Проблема	Задача
«Умный человек»		
Потребность в эффективных межкультурных коммуникациях (взаимоуважение, конструктивное взаимодействие)	Ч6. Применяемые подходы к развитию межкультурных отношений не дают желаемого эффекта	Разработка программ по межкультурной ассимиляции
«Умное управление»		
Необходимость в адекватной целям устойчивого развития и конгруэнтной практике стратегии развития Арктики, арктических городов	У1. Декларированная стратегия, в которой не учитываются реальные проблемы, позволяющие формировать достижимые цели, согласующиеся с национальными целями и задачами	Уточнение целей и задач стратегий развития арктических городов и внедрение их в реальное управление, государственные и муниципальные программы
Потребность в приемлемом уровне и высоком качестве жизни в поселках	У2. Нет стратегии развития поселков, нет экономической и социокультурной основы для сохранения поселков, миграция в города	Обеспечение взаимосвязи развития арктических поселков и городов в стратегиях муниципальных и госпрограммах
Необходимость роста уровня самоорганизации, партисипативности, инновационности социума	У3. Невысокий уровень актуализаторской, фасилитационной деятельности управленцев, стремление к безопасности у управляющих институтов, инертность, консервативность, часто не используется научно обоснованная информация (недостаток исследований) о проблемах населения и территорий для принятия эффективных управленческих решений	Развитие механизмов партисипативного управления, в том числе с помощью цифровых технологий, повышение открытости институтов управления
Необходимость в высоком уровне инновационной деятельности в Арктике, в том числе в практике принятия управленческих решений	У4. Недостаточный уровень инновационной активности власти	Формирование локальных инновационных систем, городских лабораторий
Потребность в активности, самостоятельности, субъектности муниципалитетов	У5. Недостаток собственных финансов у муниципалитетов	Использование лучших практик управления городами, развитие экономики городов
Необходимость в эффективности, прозрачности бюджетных затрат в контексте удовлетворения потребностей населения городов и поселков	У6. Закрытость механизмов формирования межбюджетных отношений, непрозрачность расходования средств	Повышение открытости формирования и исполнения бюджета города

Тектологический анализ проблем и задач развития арктического «умного города»

Вызов	Проблема	Задача
«Умная инфраструктура и экономика»		
Для устойчивого развития Арктических городов необходим университет как центр социокультурного развития, обеспечивающий сохранность эндемичного населения, накопитель талантов и компетенций	Э1. Бюджетные инвестиции в создание университета (филиала) в классическом формате с учетом недостатка компетенций местного населения и проводимых реформ в системе высшего образования признаются как нецелесообразные	Проведение исследования по проблемам создания университета в арктических городах
Потребность в рабочих местах	Э2. Отсутствие промышленной и кадровой политики ведет к увеличению трудовой миграции	Формирование промышленной и кадровой политики для арктического города, поиск новых экономических специализаций
Повышающийся уровень запроса к комфортному жилью у населения	Э3. Растущий аварийный жилфонд, недостаток инвестиций в его расселение, недостаток средств у населения для самостоятельного повышения качества жилья	Формирование условий для решения проблем недостатка инвестиций для обновления жилого фонда
Повышение инфраструктурной привлекательности Арктики	Э4. Высокие издержки на капитальное строительство, на создание и поддержание инфраструктуры, необходимой для обеспечения высокого качества жизни	Формирование условий для решения проблем недостатка инвестиций в модернизацию инфраструктуры
Повышение экологичности арктических городов	Э5. Недостаток инвестиций в экологию городов, снижение ресурсов традиционной экономики коренных малочисленных народов Севера	Формирование условий для бережного отношения к природе, ликвидация накопленного ущерба экосистемам

Результаты экспертного анализа взаимосвязи проблем устойчивого развития арктического города представлены в таблице 2.

Таблица 2

Матрица взаимосвязи проблем устойчивого развития арктического города

	ч1	ч2	ч3	ч4	ч5	ч6	у1	у2	у3	у4	у5	у6	э1	э2	э3	э4	э5	Σф	Σс
ч1			с			ф				ф			с					2	2
ч2				с	ф				с									1	2
ч3	ф			ф	ф													3	0
ч4		ф	с		с		ф	ф	ф	ф								5	2
ч5		с	с	ф														1	2
ч6	с								с	с								0	3
у1				с					с	с	с		ф		ф		ф	3	4
у2				с					с	с	с				ф			1	4
у3		ф		с		ф	ф	ф		ф	ф	ф	ф	ф	ф		ф	11	1
у4	с			с		ф	ф	ф	с		ф		ф	ф	ф	ф	ф	9	3
у5							ф	ф	с	с			ф		ф		ф	5	2
у6									с									0	1
э1	ф						с		с	с	с			с				1	5
э2									с	с			ф					1	2
э3							с	с	с	с	с						с	0	6
э4										с							с	0	2
э5							с		с	с	с				ф	ф		2	4

В таблице 2 использованы кодировки проблем из таблицы 1. В последних двух столбцах построчно произведен суммарный подсчет случаев, в которых проблема является фактором либо следствием.

На основе таблицы 2 был построен ориентированный граф взаимосвязей проблем «умного города» (рис. 1).

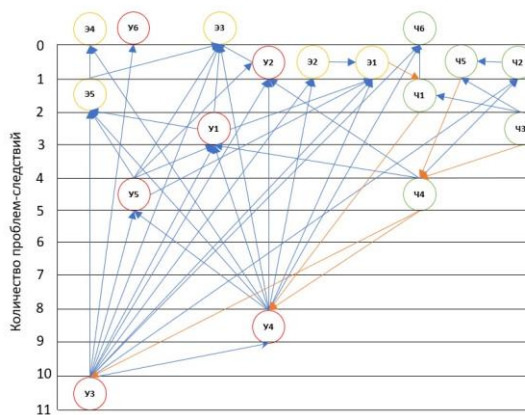

Рис. 1. Граф взаимосвязи проблем устойчивого развития арктического города

Примечание. **Ч1** – дефицит компетенций (2/2); **Ч2** – низкий уровень возможностей для досуга (1/2); **Ч3** – традиционный подход к образованию (3/0); **Ч4** – низкая инициативность населения (5/2); **Ч5** – низкий уровень применения практик здоровьесбережения (1/2); **Ч6** – неэффективные подходы к развитию межкультурных отношений (0/3); **У1** – высокая степень формализма стратегии развития города (3/4); **У2** – нет стратегии развития поселков (1/4); **У3** – инертность управления (11/1); **У4** – низкий уровень инновационной активности власти (9/3); **У5** – недостаток собственных финансов муниципалитетов (5/2); **У6** – непрозрачность бюджетирования (0/1); **Э1** – отсутствие инвестиций в развитие высшего образования (1/5); **Э2** – отсутствие промышленной и кадровой политики (1/2); **Э3** – низкое качество жилищного фонда (0/6); **Э4** – высокие издержки на строительство жилья и инфраструктуры (0/2); **Э5** – недостаток инвестиций в экологию городов (2/4).

Таблица 3

Группы проблем устойчивого развития города по приоритетности

Группа проблем	Количество проблем-следствий	Краткая характеристика проблемы
Приоритетные (ключевые) проблемы	7–11	У3. Инертность управления (11) У4. Низкий уровень инновационной активности власти (9)
Важные проблемы	3–6	Ч4. Низкая инициативность населения (5) У5. Недостаток собственных финансов муниципалитетов (5) Ч3. Традиционный подход к образованию (3) У1. Высокая степень формализма стратегии развития города (3)
Влияющие проблемы	1-2	Ч1. Дефицит компетенций (2) Э5. Недостаток инвестиций в экологию городов (2) Ч2. Низкий уровень возможностей для досуга (1) Ч5. Низкий уровень применения практик здоровьесбережения (1) У2. Нет стратегии развития поселков (1) Э1. Отсутствие инвестиций в развитие высшего образования (1) Э2. Отсутствие промышленной и кадровой политики (1)
Автономные проблемы	0	Ч6. Неэффективные подходы к развитию межкультурных отношений (0) У6. Непрозрачность бюджетирования (0) Э3. Низкое качество жилищного фонда (0) Э4. Высокие издержки на строительство жилья и инфраструктуры (0)

Визуальный анализ в форме графа позволил выявить специфический «нервный узел» проблем устойчивого развития арктического города – узлы

с максимальным количеством исходящих стрелок, обозначающих факторное усиление других проблем.

Проблемы, являющиеся *значимым фактором* возникновения или усиления наибольшего количества других трудностей, логически становятся *ключевыми*. Их выполнение позволит решить или ослабить максимальное количество других задач как напрямую, так и опосредованно, через цепочку взаимосвязанных проблем. Следовательно, связанные с ключевыми сложностями проблемы являются приоритетными для решения.

Таким образом, *выявлены наиболее приоритетные проблемы* устойчивого развития арктического города: инертность управления и низкий уровень инновационной активности власти. Данные результаты подтверждают методологическую валидность оценок экспертов, так как логически ключевые проблемы развития и адаптации социальных систем лежат в плоскости управления данными процессами.

Из наиболее *значимых* по критерию «причинности» сформулированы следующие научно-исследовательские проблемы: развитие механизмов партисипативного управления, в том числе с помощью цифровых технологий; повышение открытости институтов управления и формирование локальных инновационных систем, городских лабораторий.

Полный перечень исследовательских задач описан в Карте НИР по проекту «Разработка эко-социокультурной модели развития городов Надым и Салехард с учетом концепции Smart City»⁸.

Следующая по значимости *группа важных проблем* включает в себя низкую инициативность населения, недостаток собственных финансов муниципалитетов, традиционный подход к образованию и высокую степень формализма стратегии развития города. Данные проблемы требуют решения соответствующих задач (см. табл. 1).

Влияющие проблемы (дефицит компетенций, недостаток инвестиций в экологию городов, низкий уровень возможностей досуга, низкий уровень применения практик здоровьесбережения, отсутствие стратегии развития поселков, отсутствие инвестиций в развитие высшего образования, отсутствие промышленной и кадровой политики) являются больше проблемами-следствиями, нежели значимыми факторами развития других проблем, поэтому их степень может быть значительно уменьшена за счет решения проблем из первой и второй групп.

Автономные проблемы (неэффективные подходы к развитию межкультурных отношений, непрозрачность бюджетирования, низкое качество жилищного фонда, высокие издержки на строительство жилья и инфраструктуры) не менее важны для устойчивого развития города, однако требуют

⁸ Лёвкина А. О., Деттер Г. Ф. Карта НИР по проекту Smart City (Version 2) // Zenodo, 2023. DOI: 10.5281/zenodo.8098805

специфичных решений, как правило, не проистекающих из решений других системных проблем.

Заключение. В данном исследовании разработан и апробирован метод тектологического анализа проблем устойчивого развития арктических городов. В результате систематизации и классификации списка основных проблем и задач развития арктических городов подготовлен список научно-исследовательских задач и основных методологических принципов совместной деятельности, предложены инструменты и методы работы, сформулированы ожидаемые результаты, проведена декомпозиция работ по задачам на 2022 и последующие годы, закреплены ответственные и сроки, разработана Карта НИР по проекту «Разработка эко-социокультурной модели развития городов Надым и Салехард с учетом концепции Smart City».

Установлены приоритетные проблемы устойчивого развития арктического города: инертность управления и низкий уровень инновационной активности власти, которые, в свою очередь, являются следствием низкой инициативности населения, несформированности гражданского общества и неразвитости институтов демократии (см. табл. 2). Совместно с проблемой недостатка собственных финансов у муниципалитетов приоритетные проблемы формируют причинное ядро проблем арктического города. Следствием их являются неразвитость инфраструктуры и проблемы в экономике арктических городов, что в итоге снижает качество жизни и ведет к дальнейшей утрате социального потенциала. Принципиальный выход из данной ситуации может быть найден в совместных проактивных действиях общества и власти, вставших на путь осознания угрозы увеличивающейся дезинтегрессии общей городской системы жизнеобеспечения и развития.

Решение проблем, указанных как автономные и влияющие, способно частично остановить процесс дезинтегрессии и направить развитие по восходящей спирали. К примеру, создание университета снизит дефицит компетенций, повысит креативность населения, обеспечит возможности «умного» досуга, в том числе совмещенного с процессами развития интеллектуального и социального капитала. Стратегическое планирование будущего всеми заинтересованными сторонами, а не формальное написание стратегии социально-экономического развития, сформирует привлекательные образы арктического города, необходимые людям для выбора жизненной стратегии.

Предлагаемый аналитический метод, как и любой другой, имеет некоторые ограничения, которые следует учитывать при его использовании. В статических моделях сложных систем причинно-следственные связи между элементами определяют структуру системы. В системном анализе предполагается, что причина оказывает одностороннее влияние на результат, при этом относительная значимость каждого фактора, воздействующего на систему, остается неизменной. Однако в реальных динамически сложных си-

стемах, например социальных, факторы могут влиять друг на друга. Таким образом, относительная значимость каждого из них меняется во времени и зависит от механизмов обратной связи. Это означает, что как формулировка и состав проблем, так и взаимосвязь между ними со временем должны пересматриваться. Кроме того, при масштабировании данного метода, его апробации на других арктических городах могут быть выделены общие проблемы развития для арктических городов и специфичные проблемы – для каждого города.

Тем не менее предлагаемый метод имеет большое значение для практической реализации системного подхода к управлению жизнестойкостью и устойчивым развитием арктических городов, его применение в управленческой практике нацелено на повышение научной обоснованности разработки стратегий управления устойчивым развитием города, повышение эффективности и практической пользы от научных исследований.

Список литературы

1. Бобылёв Н. Г., Сергунин А. А. Принципы стратегического планирования устойчивого развития российских арктических городов // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Серия «Экономика. Социология. Культурология». 2019. № 2. С. 7–15. URL: <https://www.escsvfu.ru/jour/article/view/8/0>
2. Detter G., Tukkel J., Ljovkina A. Arctic region and arctic cities VS sustainable region and smart cities // IOP Conference series earth and environmental science. 2021. Vol. 816 (1). 012018 p. DOI: 10.1051/e3sconf/202125806003
3. Худов В. В., Юдин С. М., Нагорнев С. Н. Стратегические тренды развития здравоохранения и повышения качества жизни населения в Арктической зоне Российской Федерации // Российский журнал восстановительной медицины. 2020. № 2. С. 54–70. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43971603_50142342.pdf
4. Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Смирнов А. В. Население Мировой Арктики: российский и зарубежный подходы к изучению демографических проблем и заселению территорий // Экономические и социальные перемены, факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 3. С. 158–174. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/naselenie-mirovoy-arktiki-rossiyskiy-i-zarubezhnyy-podhody-k-izucheniyu-demograficheskikh-problem-i-zaseleniyu-territoriy/pdf>
5. Ivanov V. A. Features ensuring food security for the population of the north and arctic of Russia // Arktika: ekologiya i ekonomika. 2021. Vol. 11, no. 4. P. 596–606. DOI: 10.25283/2223-4594-2021-4-596-606
6. Пилясов А. Н., Потураева А. В. Арктический фасад России: современное состояние, вызовы неравномерного развития и приоритетные меры государственной политики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2021. Т. 66, № 4. С. 734–758. DOI: 10.21638/spbu07.2021.406
7. Fagerberg J. Mobilizing innovation for sustainability transitions: A comment on transformative innovation policy // Resource Policy. 2018. Vol. 47, no. 9. P. 1568–1576. DOI: 10.1016/J.RESPOL.2018.08.012
8. Sustainability in the Arctic regions: what, how and why? / A. Middleton [et al.]. North University, 2020. 33 p. URL: https://arcticyearbook.com/images/yearbook/2021/Scholarly-Papers/20_AY2021_Middleton.pdf

9. Business Index North 2019: People / A. Middleton [et al.]. Business and development conditions, 2019. 27 p. URL: <https://oulurepo.oulu.fi/handle/10024/25954>
10. Gutman S. S., Basova A. A. Indicators of sustainable development of Russian Federation Arctic zone: problems of selection and measurement // *Arct. Ecol. Econ.* 2017. Vol. 4, no. 4 (28). P. 32–48. DOI: 10.25283/2223-4594-2017-4-32-48
11. Инновационное развитие промышленности регионов Арктики: проблемы и перспективы / А. В. Бабкина [и др.]; под ред. В. А. Цукерман. Апатиты: ФИЦ КНЦ РАН, 2022. 138 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48487103&ysclid=loybyds0ki313648860>
12. Пилясов А. Н., Поляченко А. Е. Районный эффект: проблемные вопросы теории и практики // *Вестник Московского университета. Серия 5: География.* 2021. № 4. С. 25–37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rayonnyy-effekt-problemnye-voprosy-teorii-i-praktiki/pdf>
13. Жизнестойкость арктических городов: анализ подходов / Н. Ю. Замятина [и др.] // *Вестник СПбГУ. Науки о Земле.* 2020. Т. 65, № 3. С. 481–505. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznestoykost-arkticheskikh-gorodov-analiz-podhodov/pdf>
14. Óvári Á., Kovács A. D., Farkas J. Z. Assessment of local climate strategies in Hungarian cities // *Urban Clim.* Elsevier. 2023. Vol. 49. 101465 p. DOI: 10.1016/J.UCLIM.2023.101465
15. Van der Heijden J. Studying urban climate governance: Where to begin, what to look for, and how to make a meaningful contribution to scholarship and practice // *Earth System Government.* 2019. Vol. 1. 100005 p. DOI: 10.1016/j.esg.2019.100005
16. Dulal H. B. Cities in Asia: how are they adapting to climate change? // *J. Environ. Stud. Sci.* Springer. New York: LLC. 2019. Vol. 9, no. 1. P. 13–24. DOI: 10.1007/S13412-018-0534-1/METRICS
17. Оценка потенциала жизнестойкости городов Российской Арктики / Н. Ю. Замятина [и др.] // *Вестник Московского университета. Серия 5: География.* 2022. № 5. С. 52–65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-potentsiala-zhiznestoykosti-gorodov-rossiyskoy-arktiki/pdf>
18. Пилясов А. Н., Молодцова В. А. Оценка управления арктическими городами в контексте обеспечения их жизнестойкости // *Арктика и Север.* 2022. № 48. С. 164–188. URL: https://narfu.ru/upload/iblock/54d/48_164_188.pdf?ysclid=loyc2thwxa776911618
19. Юшманов В. В. Теория равновесия Богданова и Бухарина, системный подход и теория самоорганизации систем // *Восток: альманах.* 2005. № 100. URL: https://web.archive.org/web/20130921061319/http://www.situation.ru/app/j_art_1053.htm/
20. Богданов А. А. Тектология. Кн. 1. М.: Экономика, 1989. 305 p. URL: <https://traumlibrary.ru/book/bogdanov-tektologia-1/bogdanov-tektologia-1.html?ysclid=loyc47fzav714862223>
21. Prigozhin I., Nikolis G. Exploring of complex. М.: Mir, 1990. 344 p.

Авторская справка

ЛЁВКИНА Анастасия Олеговна – кандидат экономических наук, профессор, Финансово-экономический институт, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия.

E-mail: a.o.lyovkina@utmn.ru

ЛЁВКИН Вадим Евгеньевич – кандидат философских наук, доцент, Институт психологии и педагогики, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия.

E-mail: v.e.levkin@utmn.ru

ДЕТТЕР Геннадий Филиппович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, сектор регионоведения, Государственное автономное учреждение Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики», г. Салехард, Россия.

E-mail: detter@mail.ru

Scientific article

UDC 338.2

<https://doi.org/10.25686/2410-0773.2024.1.84>

PROBLEMS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF ARCTIC CITIES: TECTOLOGICAL ANALYSIS

A. O. Ljovkina¹, V. E. Ljovkin¹, G. F. Detter²

¹*Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Tyumen State University», Tyumen (Russia)*

²*Arctic Research Center of the Yamal-Nenets Autonomous District, Salekhard (Russia)*

Introduction. Sustainable urban development of the Arctic is one of the strategic national up-to-date priorities, however, the Arctic cities remain unattractive for living. To solve this problem, we searched for relevant tools for the effective management of the sustainable development of Arctic cities.

Methods. We used the “tectological method” for analyzing the problems of Arctic urban development, which may be of particular interest to readers and specialists in the field of sustainable development management. The “tectological method” is named after A. A. Bogdanov tectological theory expounding main principle of dynamic balance, which most closely reflects the concept of sustainable development of the city as a self-developing and developing eco-social system.

Results. This study presents the results of testing of the developed «tectological method» on the structuring and analyzing the problems of Arctic cities’ sustainable development. The results of applying the method are presented in the form of the typological matrix of the problems of sustainable development of the YANAO cities (on the example of Nadym and Salekhard) and a matrix of the relationship of the problems. The proposed method allowed to identify key problems and prioritize the tasks of sustainable development of the Arctic cities.

Conclusion. The results of the study can be used to develop and analyze for Arctic research programs and Arctic urban development strategies. The application of the method in management practice is aimed at increasing the scientific validity of developing strategies for managing the sustainable development of the cities and at increasing the efficiency and practical benefits of scientific research in this sphere. The proposed analytical method is based on a static model of a complex system, in which one-way causal relationships between elements determine the structure of the system. However, in the future, the method itself and options for its application in combination with other methods can be improved, taking into account the dynamic character of complex systems.

Keywords: Arctic cities, smart city, sustainable development, tectological analysis, matrix analysis.

References

1. Bobyl'ov N. G., Sergunin A. A. Principles of strategic planning for sustainable development of Russian Arctic cities [Principy strategicheskogo planirovaniya ustojchivogo

razvitiya rossijskikh arkticheskikh gorodov]. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Econ. Sociol. Cult.*, 2019, no. 2, pp. 7–15. Available at: <https://www.escsvfu.ru/jour/article/view/8/0>

2. Detter G., Tukkel J., Ljovkina A. Arctic region and arctic cities VS sustainable region and smart cities. *IOP Conference Series Earth and Environmental Science*, 2021, vol. 816 (1), 012018 p. DOI: 10.1051/e3sconf/202125806003

3. Hudov V. V., Judin S. M., Nagornev S. N. Strategic trends in the development of healthcare and improving the quality of life of the population in the Arctic zone of the Russian Federation [Strategicheskie trendy razvitiya zdavoohranenija i povyshenija kachestva zhizni naselenija v Arkticheskoy zone Rossijskoj Federacii]. *Russian Journal of Rehabilitation Medicine*, 2020, no. 2, pp. 54–70. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43971603_50142342.pdf

4. Fauzer V. V., Lytkina T. S., Smirnov A. V. Population of the World Arctic: Russian and foreign approaches to the study of demographic problems and settlement of territories [Naselenie Mirovoj Arktiki: rossijskij i zarubezhnyj podhody k izucheniju demograficheskikh problem i zaseleniju territorij]. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 158–174. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/naselenie-mirovoy-arktiki-rossijskiy-i-zarubezhnyy-podhody-k-izucheniyu-demograficheskikh-problem-i-zaseleniyu-territoriy/pdf>

5. Ivanov V. A. Features ensuring food security for the population of the north and arctic of Russia. *Arctic: Ecology and Economy*, 2021, vol. 11, no. 4, pp. 596–606. DOI: 10.25283/2223-4594-2021-4-596-606

6. Pilyasov A. N., Poturaeva A. V. Arctic façade of Russia: current state, challenges of uneven development and priority government policy measures [Arkticheskij fasad Rossii: sovremennoe sostojanie, vyzovy neravnomernogo razvitiya i prioritetye mery gosudarstvennoj politiki]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Earth Sciences*, 2021, vol. 66, no. 4, pp. 734–758. DOI: 10.21638/spbu07.2021.406

7. Fagerberg J. Mobilizing innovation for sustainability transitions: A comment on transformative innovation policy. *Resource Policy*, 2018, vol. 47, no. 9, pp. 1568–1576. DOI: 10.1016/J.RESPOL.2018.08.012

8. Middleton A. et al. Sustainability in the Arctic regions: what, how and why? North University, 2020, 33 p. Available at: https://arcticyearbook.com/images/yearbook/2021/Scholarly-Papers/20_AY2021_Middleton.pdf

9. Middleton A. et al. Business Index North 2019. People, Business and Development conditions, 2019, 27 p. Available at: <https://oulurepo.oulu.fi/handle/10024/25954>

10. Gutman S. S., Basova A. A. Indicators of sustainable development of Russian Federation Arctic zone: problems of selection and measurement. *Arctic: Ecology and Economy*, 2017, vol. 4, no. 4 (28), pp. 32–48. DOI: 10.25283/2223-4594-2017-4-32-48

11. Babkina A. V. et al. Innovative development of industry in the Arctic regions: problems and prospects [Innovacionnoe razvitie promyshlennosti regionov Arktiki: problemy i perspektivy] ed. Cukerman V. A. Apatity. FIC KNC RAN, 2022, 138 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48487103&ysclid=loybyds0ki313648860>

12. Piljasov A. N., Poljachenko A. E. District effect: problematic issues of theory and practice [Rajonnyj jeffekt: problemnye voprosy teorii i praktiki]. *Moscow University Bulletin. Series 5, Geography*, 2021, no. 4, pp. 25–37. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rayonnyy-effekt-problemnye-voprosy-teorii-i-praktiki/pdf>

13. Zamjatina N. Ju. et al. Zhiznestojkost' arkticheskikh gorodov: analiz podhodov. *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, 2020, vol. 65, no. 3, pp. 481–505. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznestojkost-arkticheskikh-gorodov-analiz-podhodov/pdf>

14. Óvári Á., Kovács A. D., Farkas J. Z. Assessment of local climate strategies in Hungarian cities. *Urban Climate*, 2023, vol. 49, 101465 p.
15. Van der Heijden J. Studying urban climate governance: Where to begin, what to look for, and how to make a meaningful contribution to scholarship and practice. *Earth System Governance*, 2019, vol. 1, 100005 p. DOI: 10.1016/j.esg.2019.100005
16. Dulal H. B. Cities in Asia: how are they adapting to climate change? *J. Environ. Stud. Sci*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 13–24.
17. Zamjatina N. Ju. et al. Assessing the resilience potential of Russian Arctic cities [Ocenka potentsiala zhiznestoykosti gorodov Rossijskoj Arktiki]. *Moscow University Bulletin. Series 5, Geography*, 2022, no. 5, pp. 52–65. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-potentsiala-zhiznestoykosti-gorodov-rossiyskoy-arktiki/pdf>
18. Piljasov A. N., Molodcova V. A. Assessing the governance of Arctic cities in the context of ensuring their resilience [Ocenka upravleniya arkticheskimi gorodami v kontekste obespecheniya ih zhiznestoykosti]. *Arctic and North*, 2022, no. 48, pp. 164–188. Available at: https://narfu.ru/upload/iblock/54d/48_164_188.pdf?ysclid=loyc2thwxa776911618
19. Jushmanov V. V. Bogdanov and Bukharin's theory of equilibrium, systems approach and theory of self-organization of systems [Teoriya ravnovesiya Bogdanova i Buharina, sistemnyj podhod i teoriya samoorganizacii system]. *Al'manah Vostok*, 2005, no. 100.
20. Bogdanov A. A. Tectology [Teknologija]. Moscow, Jekonomika, 1989, vol. 1, 305 p. Available at: <https://traumlibrary.ru/book/bogdanov-tektologia-1/bogdanov-tektologia-1.html?ysclid=loyc47fzav714862223>
21. Prigozhin I., Nikolis G. Exploring of complex. Moscow, Mir, 1990, 344 p.

Author's Bio

LJOVKINA Anastasia O. – Cand. Sci. (Economy), Professor, Docent of Institute of State and Law, Tyumen State University, Tyumen, Russia. E-mail: a.o.lyovkina@utmn.ru

LJOVKIN Vadim E. – Cand. Sci. (Philosophy), Docent, Docent of Institute of State and Law, Tyumen State University, Tyumen, Russia. E-mail: v.e.levkin@utmn.ru

DETTTER Gennadiy F. – Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher sector of regional studies, Arctic Research Center of the Yamal-Nenets Autonomous District, Salekhard, Russia. E-mail: detter@mail.ru

Библиографическая ссылка

Лёвкина А. О., Лёвкин В. Е., Деттер Г. Ф. Проблемы устойчивого развития арктических городов: тектологический анализ // SocioTime / Социальное время. 2024. № 1 (37). С. 84–105. DOI: 10.25686/2410-0773.2024.1.84

Научная статья

УДК 301.085:392

<https://doi.org/10.25686/2410-0773.2024.1.106>

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ НИЖНЕВАРТОВСКОГО РАЙОНА ЮГРЫ: СУБЪЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД

С. Х. Хакназаров

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,

г. Ханты-Мансийск (Россия)

Введение. Цель данной работы – исследовать вопросы социально-экономических проблем коренных малочисленных народов Севера (КМНС) Югры в аспекте качества жизни. Рассматриваются мнения представителей коренных народов Севера Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) – Югры на их качество жизни. Это рассмотрение осуществляется в сопоставлении с итогами опроса жителей Октябрьского и Сургутского районов. Повышение качества жизни коренных народов Севера относится к числу наиболее актуальных проблем развития северных территорий Российской Федерации, которые сегодня вызывают повышенный интерес политиков, социологов, исследователей и общественности.

Методы. Основной метод исследования – анкетирование и обобщение научной литературы по рассматриваемой тематике. На материалах социологических исследований, проведенных среди жителей Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, обобщаются и анализируются взгляды респондентов на социально-экономические аспекты качества жизни коренных жителей Нижневартовского района ХМАО – Югры.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В представленной работе обобщаются и анализируются данные социологических опросов по выбранной тематике, проведенных сотрудниками Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (2021) (*исследование организовано и проведено под руководством автора статьи*) и другими организациями на территории Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Говоря о важности социально-экономических проблем в аспекте качества жизни, подчеркнем, что большинство респондентов (67,7 %), оценивая уровень материального положения своих семей, отметили, что данный уровень ниже величины прожиточного минимума, установленной в автономном округе на душу населения. Оценивая изменения качества жизни в своем муниципальном образовании по сравнению с предыдущим годом, чуть менее половины респондентов полагают, что все осталось на прежнем уровне.

Закключение. В целом результаты проведенных исследований показывают, что качество жизни коренных народов Севера рассматриваемого района за год практически не снизилось, то есть осталось на прежнем уровне. Относительное большинство респондентов качество медицинского обслуживания в своем населенном пункте считают неудовлетворительным. Абсолютное большинство респондентов владеют родным (хантыйским) языком.

Ключевые слова: коренные народы Севера, Нижневартовский район, качество жизни, доходы, расходы, здоровье, медицинское обслуживание, экологическое состояние, родной язык.

Введение. Под *качеством жизни* традиционно понимают полноту удовлетворения всего комплекса потребностей и интересов граждан, уровень комфортности природной и социальной среды и жизнедеятельности на конкретной территории, которые определяют показатель субъективного благополучия, а также социального, духовного и физического здоровья людей.

Повышение качества жизни коренных народов Севера относится к числу наиболее актуальных проблем развития северных территорий Российской Федерации, которые сегодня вызывают повышенный интерес политиков, социологов, экономистов, педагогов, психологов, исследователей и общественности.

Качество жизни определяется исследователями как сложное, многокомпонентное, комплексное понятие, и эта сложность рассматривается ими в различных аспектах. Кроме того, качество жизни определяется через систему качеств (духовных, материальных, социокультурных, экологических и демографических компонентов жизни) [1].

Так, согласно трактовке И. С. Попова [2], качество жизни – это комплексная, интегральная характеристика экономических и неэкономических факторов, определяющих положение человека в современном обществе. Качество жизни, по определению С. А. Меркушева [3], является интегральным понятием, всесторонне характеризующим степень (уровень) комфортности общественной и природной среды для жизни и деятельности (труда) человека, уровень благосостояния, социального, духовного и физического здоровья человека. Также Дж. Пападжорджио рассматривает понятие качества жизни как функцию следующих типов условий: биофизических, экологических, биологических и соматических; условий окружающей среды, как естественных, так и антропогенных; социально-психологических [4].

Затрагивая вопрос оценки качества жизни населения, исследователи Е. А. Евсеенко и В. И. Кирко [5] отмечают, что на сегодняшний день данный аспект «носит двойственную направленность: с одной стороны, очевиден тот факт, что объективность в показателях категорий качества жизни является ключевым фактором при его оценке, с другой стороны, мы должны понимать, что существует разница между объективными критериями и субъективным восприятием самого населения, которые зачастую расходятся в своих показателях». М. Сёрджи считает, что субъективными аспектами качества жизни являются счастье, удовлетворенность жизнью, субъективное благополучие [6].

В принятом Законе Ханты-Мансийского АО – Югры от 28.02.2006 № 35-оз [7] качество жизни определяется как совокупность прежде всего социально-экономических критериев, отражающих уровень и степень достигнутого благосостояния человека в различных сферах его жизнедеятель-

ности, как основного условия устойчивого социального развития гражданского общества и личности.

Кроме того, стратегической целью Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [8] является создание условий для устойчивого социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера на основе сохранения исконной среды обитания, традиционного образа жизни и культуры коренных малочисленных народов Севера. Также основная цель Концепции заключается в содействии в соблюдении прав и законных интересов коренных малочисленных народов Севера, проживающих в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, для улучшения их качества жизни.

Цели повышения качества жизни коренных народов Севера, внесенные в Концепцию, имеют следующие основные показатели:

- *сохранение традиционной культуры;*
- *повышение уровня образования и профессиональной подготовки;*
- *улучшение демографических показателей среди коренных народов Севера;*
- *развитие системы здравоохранения;*
- *создание благоприятных социально-бытовых условий в населенных пунктах, отнесенных к местам традиционного проживания и проч.*

Следует отметить, что для оценки качества жизни в арктических территориях изучаются, в частности, категории анализа **«культурное благополучие»**, **«возможности контролировать свою судьбу»**, для чего определены следующие индикаторы [9]:

- **культурное благополучие:** культурная автономия, сохранение языка (доля представителей малочисленных коренных народов, владеющих родным языком);
- **возможность контролировать свою судьбу:** индикаторы, характеризующие индивида в жизни местного сообщества (возможности (условия) для сохранения родного языка).

Например, исследователи Н. И. Новикова и В. В. Степанов [10] для оценки качества жизни коренных народов Севера (на примере Сахалина) предлагают использовать индикаторы **«этнического комфорта»**, которые предусматривают:

- *использование этнических языков;*
- *наличие литературы, СМИ, географических и административных названий на этнических языках;*
- *наличие этнокультурных центров, музеев, фольклорных ансамблей, сувенирных мастерских;*

- возможность изучения языка и культуры своего народа, наличие литературы.

Методы исследования. Основной метод исследования – анализ и обобщение научной литературы, а также анкетирование по выбранной тематике.

В данной работе приведен анализ результатов социологического опроса, проведенного Обско-угорским институтом прикладных исследований и разработок (2021 г. и ранее) и другими организациями, с целью оценки качества жизни коренных народов Нижневартовского района ХМАО – Югры.

Основной метод социологического исследования – анкетирование.

Анкета содержит 31 вопрос, из них: 28 вопросов с вариантами выбора ответа, 3 – с открытыми ответами.

Анкетирование проведено среди представителей коренных малочисленных народов Севера.

При обработке результатов мониторинга использована программа для обработки социологической информации Vortex 10.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В исследовании приняли участие 169 респондентов из населенных пунктов Нижневартовского района, из них представители коренных этносов распределились следующим образом:

- ханты – 119 человек (70,4 %);
- ненцы – 43 (25,5 %);
- русские и другие национальности – 6 (4,1 %).

Из них мужчин – 53 (31,4 %); женщин – 116 (68,6 %).

Место жительства участников анкетирования:

- большинство опрошенных (113 человек) представляют с. Варьеган – 66,9 %;

- с. Корлики – 18,9 % респондентов;
- пгт. Новоаганск – 5,3 %;
- п. Аган – 3,6 %.

В выборке представлены все возрастные категории (люди молодого, среднего и пожилого возрастов):

- 21–30 лет – 18,3 % опрошенных;
- 31–40 лет – 17,2 %;
- 41–50 лет – 24,3 %;
- 51–60 лет – 18,3 %;
- 61 год и старше – 14,2 %.

По образовательному уровню большинство респондентов имеют среднее (41,4 %) и среднее специальное/профессиональное (32 %) образование, и лишь у 11,2 % – высшее образование.

По роду занятий участники исследования составляют следующие социальные группы:

- пенсионеры – 24,3 %;
- работники в сфере традиционных профессий – 12,4 %;
- работники образования и науки – 11,2 %;
- служащие – 10,7 %;
- работники в сфере культуры – 7,7 %;
- безработные – 16,6 %.

Оценивая *уровень материального положения* семей, большинство респондентов (67,7 %) отметили, что уровень материального положения их семей ниже величины прожиточного минимума, установленной в автономном округе на душу населения; у 30,8 % данный материальный уровень соответствует величине прожиточного минимума; достаточно высоким материальное положение своих семей считают лишь 1,5 % опрошенных [11].

На вопрос об *уровне социальной защищенности* коренных народов Нижневартовского района получены следующие ответы: большинство респондентов (67,7 %) считают данный уровень средним; четвертая часть опрошенных (27,7 %) – ниже среднего; незначительная часть (4,6 %) оценила уровень своей социальной защищенности как достаточно высокий.

Примерно совпадают ответы на данный вопрос и у респондентов Октябрьского и Сургутского районов Югры, где большая часть опрошенных (49,0 % и 64,5 % соответственно) уровень своей социальной защищенности оценивают тоже как средний; меньшая часть (43,4 % и 20,2 % по районам соответственно) считает, что ниже среднего; незначительная доля респондентов (7,5 % и 15,3 % соответственно) оценила уровень социальной защищенности коренных народов Севера как достаточно высокий [11; 12].

Своим *основным источником дохода* практически половина респондентов указали заработную плату (45,0 %), тогда как остальные выбрали следующие варианты ответов: «доходы от сдачи дикоросов, мяса, рыбы, меха» – 18,9 %; «выплаты из социальных фондов» – 11,8 %; еще 18,3 % сослались на другие источники доходов, чаще всего имея в виду пенсионные выплаты, тем более что в опросе приняло участие много пенсионеров (табл. 1).

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос
«Источник Ваших основных доходов?»**

Значения	Частота	% от опрошенных
Заработная плата	76	45,0
Выплаты из социальных фондов	20	11,8
Доходы от сдачи дикоросов, мяса, рыбы, меха	32	18,9
Доход от продажи продукции традиционных промыслов, собственного производства	2	1,2
Доход от предпринимательства	2	1,2
Другие источники	31	18,3
<i>Нет данных</i>	6	3,6
Итого:	169	100,0

Следует заметить, что и для подавляющего большинства респондентов Сургутского района *источником их основного дохода* являются заработная плата (45,3 %), выплаты из социальных фондов (центров) (28,7 %), доходы от сдачи дикоросов, мяса, рыбы, меха (14,4 %) [12].

Отметим также, что по результатам ранее проведенных нами опросов в качестве основных источников дохода представители коренных народов Севера на первое место ставили сдачу дикоросов, мяса, рыбы (58,5 %), далее – заработную плату (50,5 %), выплаты из социальных фондов (32,8 %). Еще в качестве источника дохода представители коренных народов Севера отмечали продажу продукции традиционных промыслов (23,4 %) и доход от предпринимательства (3,6 %) [13].

Как видим, значительными источниками доходов у представителей коренных народов Севера ранее являлись сдача дикоросов, мяса, рыбы и продукции традиционной хозяйственной деятельности. Это связано с тем, что большая часть респондентов занимается традиционными видами хозяйственной деятельности.

На вопрос «*На что Вы тратите основную часть доходов?*» подавляющее большинство опрошенных выбрали следующие ответы: «на питание и одежду» – 89,3 %; «лекарство, лечение» – 55,6 %; «образование детей» – 14,2 %. На приобретение техники и средств для традиционных видов хозяйственной деятельности основную часть доходов чаще всего тратят 17,8 % (это занятые в сфере традиционных профессий – рыбаки, охотники,

оленоводы и другие, а также имеющие доходы от сдачи дикоросов, мяса, рыбы и меха).

Нам было интересно узнать, на что тратят основную часть своих доходов представители КМНС (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос
«На что Вы тратите основную часть доходов?»**

Значения	Частота	% от опрошенных
Питание и одежда	151	89,3
Лекарства, лечение	94	55,6
Приобретение техники и средств для традиционных видов хозяйственной деятельности	30	17,8
Образование детей	24	14,2
Другое	18	10,7
Развлечение, отдых	7	4,1
<i>Нет данных</i>	<i>10</i>	<i>5,9</i>
Итого:	169	100,0

Результаты ранее проведенных нами опросов [13] также показывают, что представители коренных народов Севера *основную часть своих доходов тратили* на еду и одежду (51,9 %), лекарство и лечение (44,2 %), запасные части и средства традиционных видов хозяйственной деятельности (42,8 %). Примерно такие же ответы дали респонденты из Сургутского района (по результатам опроса 2021 г.) [12], где абсолютное большинство тратили свои средства на питание и одежду (91,7 %), а также лекарство и лечение (39,2 %), образование детей (17,7 %), приобретение техники и средств для традиционных видов хозяйственной деятельности (11,0 %), у небольшого количества опрошенных (5,0 %) основные траты шли на развлечение и отдых.

На важный вопрос *«Как Вы стали жить в последний год?»* 39,1 % опрошенных Нижневартовского района ответили, что на прежнем уровне, 30,8 % – стали жить хуже, 11,8 % – намного хуже, и только 6,5 % выбрали вариант «гораздо лучше» (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос
«Как Вы стали жить в последний год?»**

Значения	Частота	% от опрошенных
На прежнем уровне	66	39,1
Хуже	52	30,8
Намного хуже	20	11,8
Затрудняюсь ответить	15	8,9
Гораздо лучше	11	6,5
<i>Нет данных</i>	5	3,0
Итого:	169	100,0

Для сравнения отметим, что, рассматривая данный вопрос, 21,5 % респондентов Сургутского района также ответили, что в их муниципальном образовании качество жизни осталось на прежнем уровне, 19,3 % отметили, что немного улучшилось, у 19,0 % – ухудшилось [12].

При оценке *изменений качества жизни* в муниципальном образовании, по сравнению с предыдущим годом, 43,2 % респондентов рассматриваемого района считают, что все осталось на прежнем уровне, 21,9 % затруднились с ответом. Стоит указать и на мнения противоположные, с разной степенью оценки изменения качества жизни: с одной стороны, ухудшилось (13,0 %) и намного ухудшилось (10,7 %), с другой – улучшилось (4,7 %) и немного улучшилось (5,3 %) (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Оцените, как изменилось качество жизни в Вашем муниципальном образовании по сравнению с прошлым годом?»

Значения	Частота	% от ответов	% от опрошенных
Осталось на прежнем уровне	73	43,7	43,2
Затрудняюсь ответить	37	22,2	21,9
Ухудшилось	22	13,2	13,0
Немного ухудшилось	18	10,8	10,7
Немного улучшилось	9	5,4	5,3
Улучшилось	8	4,8	4,7
<i>Нет данных</i>	2		1,2
Итого:	169		100,0

Чуть больше половины респондентов исследуемого района (66,9 %), отвечая на вопрос об *экологическом состоянии* своего региона, оценили его как неудовлетворительное, тогда как удовлетворительной экологию считают лишь 14,8 % опрошенных, еще 17,2 % – затруднились с ответом (табл. 5).

Таблица 5

**Распределение ответов на вопрос
«Как Вы оцениваете экологическое состояние региона (района)
в настоящее время?»**

Значения	Частота	% от ответов	% от опрошенных
Неудовлетворительно	113	67,7	66,9
Затрудняюсь ответить	29	17,4	17,2
Удовлетворительно	25	15,0	14,8
<i>Нет данных</i>	2		1,2
Итого:	169		100,0

Большинство опрошенных Сургутского района (64,6 %) оценили экологическое состояние региона (района) своего проживания в настоящее время как неудовлетворительное [12], затруднились с выбором ответа на данный вопрос 24,9 % респондентов, 11,0 % участников опроса экологическое состояние региона (района) в настоящее время считают удовлетворительным.

На уточняющий вопрос *«Если «неудовлетворительно», то почему?»*, где можно было выбрать несколько вариантов ответа, 53,8 % респондентов указали на уменьшение численности животных, дичи и рыбы, 36,1 % – на вывод из оборота огромных территорий промысловых угодий и оленепастбищ, 28,4 % – на загрязнение рек и водоемов, 23,7 % – на высыхание и вырубку леса и др.

По результатам ответов анкетированных Сургутского района на этот же вопрос [12] заметим, что респонденты могли выбрать как один, так сразу несколько предложенных вариантов ответов. «Из оборота выводятся огромные территории промысловых угодий и оленепастбищ», так считают половина участников опроса (55,2 %), практически такое же количество (53,0 %) полагают, что уменьшается численность животных, дичи, рыбы. Респондентами было отмечено, что происходит загрязнение рек и водоемов (50,8 %), атмосферного воздуха (45,3 %), почвы (24,3 %), высыхают и вырубается леса (27,6 %). Наличие этих факторов говорит о неудовлетворительном экологическом состоянии региона (района), отсюда, как следствие, неудовлетворительные оценки.

С другой стороны, 63,9 % респондентов рассматриваемого района согласны с тем, что в результате промышленных разработок ухудшается эко-

логическое состояние региона, 34,9 % – согласны с тем, что происходит вытеснение коренного населения с территории их проживания, лишь незначительная доля опрошенных (7,7 %) считают, что, напротив, происходит улучшение экологического состояния.

Почти половина респондентов (49,1 %) оценили *состояние своего здоровья* как «посредственное», 26,6 % – как «хорошее», 10,7 % – как «плохое». Стоит отметить, что варианты ответов, определяющих состояние здоровья опрошенных как «отличное» (3,0 %) и «очень хорошее» (4,7 %), встречаются редко.

Половина респондентов (55,6 %) оценивают свое здоровье, по сравнению с тем, что было год назад, «примерно так же», 15,4 % – «несколько хуже, чем года назад», 23,7 % – оставили данный вопрос без ответа. Как и при предыдущем вопросе, ответы, которые выявляли бы положительную динамику, встречаются редко: «значительно лучше» – 1,8 %, «несколько лучше» – 3 %.

Что касается вопроса о *качестве медицинского обслуживания* в населенном пункте, где непосредственно проживают участники опроса, отметим, что большая часть респондентов (63,3 %) оценили качество медицинского обслуживания в своем населенном пункте как неудовлетворительное и только 10,7 % – как удовлетворительное, еще 24,3 % – затруднились с ответом на поставленный вопрос (табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете качество медицинского обслуживания в Вашем населенном пункте?»

Значения	Частота	% от ответов	% от опрошенных
Неудовлетворительно	107	64,5	63,3
Затрудняюсь ответить	41	24,7	24,3
Удовлетворительно	18	10,8	10,7
Итого ответивших:	166		98,2
<i>Нет данных</i>	3		1,8
Итого:	169		100,0

Так же качество медицинского обслуживания в местах своего проживания считают неудовлетворительным половина опрошенных Сургутского района (48,6 %) [12], не обозначили свою позицию по данному вопросу (затруднились с ответом) 29,8 % участников анкетирования, 21,5 % – оценили качество медицинского обслуживания как удовлетворительное.

Ответы на уточняющий вопрос «*Если «неудовлетворительно», то почему?»*» такие: 42,6 % респондентов связывают данную оценку с плохой организацией работы медицинских учреждений (очереди, невозможность

попасть на прием к врачу в удобное время, опоздания специалистов и т. д.); 27,2 % объясняют это отсутствием (недостатком) специалистов необходимого профиля. Среди других причин названы: «низкая квалификация, некомпетентность специалистов» – 4,7 %, «плохое качество медицинского оборудования и лекарственных средств» – 4,7 %.

Респондентам Сургутского района было предложено обозначить, почему медицина в их населенном пункте неудовлетворительна. «Отсутствие специалистов необходимого профиля», – так ответили 30,4 % опрошенных; 26 % респондентов полагают, что в их населенном пункте работа медицинских учреждений плохо организована (очереди, невозможность попасть на прием в удобное время, опоздания специалистов и т. п.); 22,1 % опрошенных считают, что медицинские специалисты имеют низкую квалификацию и некомпетентны; «качество медицинского оборудования является неудовлетворительным в местах медицинского обслуживания населения» – ответ 7,2 % опрошенных [12].

Таким образом, анализируя ответы респондентов Нижневартовского и Сургутского районов на вопросы о медицинском обслуживании, можно сделать вывод о его некачественном предоставлении в населенных пунктах соответствующих районов.

Отметим, что одним из индикаторов оценки качества жизни жителей арктических территорий является **культурное благополучие**: *культурная автономия, сохранение языка* (доля представителей малочисленных коренных народов, владеющих родным языком), *возможности (условия) для его сохранения*.

Проведенный нами опрос на территории Нижневартовского района (2023) показал, что абсолютное большинство респондентов (81,4 %) своим родным языком указали хантыйский: ваховский диалект – 51,4 %, сургутский диалект – 21,4 %, казымский диалект – 8,6 %. Ненецкий и мансийский языки в качестве родного отметили 17,1 % и 1,4 % соответственно.

В ходе исследования участникам опроса было предложено определить **свой уровень владения родным языком**. В итоге выяснили, что так или иначе владеют родным языком 79,8 % отвечавших. Наибольшее количество участников владеют родным языком свободно – 35,7 %, владеют родным языком пассивно – 29,8 %, самостоятельно и элементарно – 14,3 %, не владеют – 20,2 %.

Ответы на следующий вопрос анкеты обозначили причины, по которым коренные народы Севера **не владеют родным языком**. Самый популярный ответ: «не научили в детстве» – это выбор 82,1 % респондентов. В качестве других причин указаны: «нет языковой среды» – 10,3 %, «не преподавали в школе» – 7,7 %, «нет желания» – 2,6 %.

Одним из главных **условий сохранения родного языка** отметили передачу его от поколения к поколению. В ходе исследования выяснили, что

77,1 % респондентов в своих семьях общаются на русском языке, лишь 27,1 % – на родном и русском в равной степени.

Заключение

Подводя итоги, приведем результаты нашего исследования:

- большинство представителей коренных народов Севера (на примере Нижневартовского, Октябрьского, Сургутского районов), охваченных анкетированием, оценили уровень материального положения своих семей ниже величины прожиточного минимума, установленной в автономном округе на душу населения;

- качество жизни коренных народов Севера рассматриваемых районов за год практически не снизилось;

- большинство опрошенных, оценивая экологическое состояние региона (района) своего проживания в настоящее время, дали оценку «неудовлетворительно»;

- большинство респондентов в качестве основных причин плохого экологического состояния региона назвали вывод из оборота огромных территорий промысловых угодий и оленепастбищ, уменьшения численности животных, дичи, рыбы;

- значительная часть представителей коренных народов Севера уровень своей социальной защищенности в регионе оценили как средний;

- чуть менее половины участников анкетирования качество медицинского обслуживания в своих населенных пунктах считают неудовлетворительным;

- абсолютное большинство опрошенных владеют своим родным (хантыйским) языком, а в качестве основных причин незнания родного языка отметили, что их не научили в детстве.

Список литературы

1. Субетто А. И. Управление качеством жизни и выживаемость человека // Стандарты и качество. 1994. № 1. С. 32—37
2. Попов С. И. Проблема качества жизни в современной идеологической борьбе. М.: Политиздат, 1977. 279 с.
3. Меркушев С. А. Качество жизни населения городских поселений Пермской области: Территориальный анализ: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Пермь, 1997. 16 с.
4. Трофимов А. М., Мальганова И. Г. Оценка качества жизни населения как форма изучения социально-географического пространства // Социально-экономическая география. 2005. С. 36—43.
5. Субъективная оценка качества жизни коренным населением севера Красноярского края на примере Хатангского сельского поселения / Е. А. Евсеенко, В. И. Кирко [и др.] // Социодинамика. 2018. № 8. С. 15—32.
6. Sirgy M. J. The psychology of quality of life. Dordrech; Boston; London: Kluwer Academic Publishers, 2010.

7. О качестве жизни населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: Закон Ханты-Мансийского АО – Югры от 28 февраля 2006 г. № 35-оз. URL: <https://base.garant.ru/18919993/> (дата обращения: 10.04.2023).

8. О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: Постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 27 мая 2011 г. (ред. от 23.09.2022). URL: <https://docs.cntd.ru/document/561726284?marker> (дата обращения: 11.04.2023).

9. Методологические и методические аспекты изучения социального самочувствия населения Арктической зоны Российской Федерации в контексте его ценностных ориентаций / А. М. Максимов, К. О. Малинина [и др.] // Арктика и Север. 2017. № 29. С. 57–73.

10. Новикова Н. И., Степанов В. В. Индикаторы качества жизни коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области: исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., ИЭА РАН, 2010. Вып. 217. С. 35–37.

11. Результаты опроса представителей коренных малочисленных народов Севера в 2017 году. URL: <https://depsr.admhmao.ru/sotsialnaya-podderzhka-naseleniya/opros-obshchestvennogo-mneniya-predstaviteley-korennykh-malochislennykh-narodov-severa/955845/rezultaty-oprosa-v-2017-godu/> (дата обращения: 02.07.2021).

12. Хакназаров С. Х. Качества жизни коренных народов севера Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: субъективный взгляд // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 6-3 (81). С. 103–107.

13. Хакназаров С. Х. Экономические и социальные проблемы коренных народов Севера Нижневартовского района Югры: социологический анализ // Регионы в современном мире – 2014: материалы Международной научно-практической конференции. Пермь: Березниковский филиал ПНИПУ, 2014. С. 171–173.

Авторская справка

ХАКНАЗАРОВ Саидмурод Хамдамович – кандидат геолого-минералогических наук, заведующий отдела социально-экономического развития и мониторинга, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск, Россия.

E-mail: s_haknaz@mail.ru

Scientific article

UDC 301.085:392

<https://doi.org/10.25686/2410-0773.2024.1.106>

SOCIO-ECONOMIC ASPECTS OF THE QUALITY OF LIFE OF INDIGENOUS RESIDENTS OF THE NIZHNEVARTOVSK REGION OF YUGRA: A SUBJECTIVE VIEW

S. Kh. Khaknazarov

Ob-Ugric institute of applied research and development, Khanty-Mansiysk (Russia)

Introduction. The purpose of this work is to explore the socio-economic problems of the indigenous peoples of the North of Ugra in terms of quality of life. The opinions of representatives of the indigenous peoples of the North of the Nizhnevartovsk region of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra on their quality of life are considered. Improving the quality of life of the indigenous peoples of the North is one of the most pressing problems of the development of

the northern territories of the Russian Federation, which today are of increased interest to politicians, sociologists, researchers and the public.

Methods. The main research method is surveying and summarizing scientific literature on the topic under consideration. Based on the materials of sociological research conducted among residents of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra, the views of respondents on the socio-economic aspects of the quality of life of indigenous residents of the Nizhnevartovsk region of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra are summarized and analyzed.

Results. This work summarizes and analyzes data from sociological surveys on selected topics conducted by employees of the Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development (2021) and other organizations in the Nizhnevartovsk region of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra. Speaking about the importance of socio-economic problems in terms of quality of life, we note that the majority of respondents (67,7 %) assessing the level of their family's financial situation noted that the level of their family's financial situation is lower than the subsistence level established in the Autonomous Okrug per capita. Assessing changes in the quality of life in their municipality compared to the previous year, slightly less than half of the respondents believe that everything has remained at the same level.

Conclusion. In general, the results of the studies show that the quality of life of the indigenous peoples of the North of the region under consideration has practically not decreased over the year, i.e. remained at the same level. The relative majority of respondents consider the quality of medical care in their locality to be unsatisfactory. The vast majority of respondents speak their native (Khanty) language.

Keywords: indigenous peoples of the North, Nizhnevartovsk region, quality of life, income, expenses, health, medical care, environmental condition, native language.

References

1. Subetto A. I. Upravlenie kachestvom zhizni i vyzhivaemost' cheloveka [Quality of life management and human survival], *Standarty i kachestvo* [Standards and quality], 1994, no. 1, pp. 32–37.
2. Popov S. I. Problema kachestva zhizni v sovremennoj ideologicheskoy bor'be [The problem of quality of life in modern ideological struggle]. Moscow, Politizdat, 1977, 279 p.
3. Merkushev S. A. Kachestvo zhizni naselenija gorodskih poselenij Permskoj oblasti: Territorial'nyj analiz [Quality of life of the population of urban settlements of the Perm region: Territorial analysis: abstract of thesis]: avtoreferat dis. ... kand. geogr. nauk. Perm, 1997, 16 p.
4. Trofimov A. M., Mal'ganova I. G. Ocenka kachestva zhizni naselenija kak forma izuchenija social'no-geograficheskogo prostranstva [Assessing the quality of life of the population as a form of studying the socio-geographical space], *Social'no-jekonomicheskaja geografija* [Socio-economic geography], 2005, pp. 36–43.
5. Evseenko E. A., Kirko V. I., Malahova E. V., Shadrin A. I., Sub#ektivnaja ocenka kachestva zhizni korennyim naseleniem Severa Krasnojarskogo kraja na primere Hatangskogo sel'skogo poselenija [Subjective assessment of the quality of life by the indigenous population of the North of the Krasnoyarsk Territory using the example of the Khatanga rural settlement], *Sociodinamika* [Sociodynamics], 2018, no. 8, pp. 15–32.
6. Sirgy M. J. The psychology of quality of life. Dordrech; Boston; London: Kluwer Academic Publishers, 2010.
7. Zakon Hanty-Mansijskogo AO – Jugry ot 28 fevralja 2006 g. No. 35-oz "O kachestve zhizni naselenija Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Jugry" [Law of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra dated February 28, 2006, no. 35-oz "On the quality of life

of the population of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra”]. Available at: <https://base.garant.ru/18919993/> (accessed 10 April 2023) (In Russian).

8. Postanovlenie Pravitel'stva Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Jugry (ot 27 maja 2011 g.) «O koncepcii ustojchivogo razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Jugry» (s izmenenijami na 23 sentjabrja 2022 goda) [Decree of the Government of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra (dated May 27, 2011) “On the Concept of Sustainable Development of Indigenous Minorities of the North of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra” (as amended on September 23, 2022)]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/561726284?marker> (accessed 10 April 2023) (In Russian).

9. Maksimov A. M., Malinina K. O. i dr. Metodologicheskie i metodicheskie aspekty izucheniya social'nogo samochuvstviya naseleniya Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii v kontekste ego cennostnykh orientacij [Methodological and methodological aspects of studying the social well-being of the population of the Arctic zone of the Russian Federation in the context of its value orientations], *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2017, no. 29, pp. 57–73.

10. Novikova N. I., Stepanov V. V. Indikatory kachestva zhizni korennykh malochislennykh narodov Severa Sahalinskoj oblasti issledovaniya po prikladnoj i neotlozhnoj jetnologii [Indicators of the quality of life of indigenous peoples of the North of the Sakhalin region: studies in applied and urgent ethnology], Moscow, IEA RAS, 2010, iss. 217, pp. 35–37.

11. Rezul'taty oprosa predstavitelej korennykh malochislennykh narodov Severa v 2017 godu [Results of a survey of representatives of indigenous peoples of the North in 2017]. Available at: <https://depsr.admhmao.ru/sotsialnaya-podderzhka-naseleniya/opros-obshchestvennogo-mneniya-predstaviteley-korennykh-malochislennykh-narodov-severa/955845/rezultaty-oprosa-v-2017-godu/> (accessed 02 February 2021) (In Russian).

12. Haknazarov S. H. Kachestva zhizni korennykh narodov severa Surgutskogo rajona Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Jugry: sub#ektivnyj vzgljad [Quality of life of the indigenous peoples of the north of the Surgut region of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra: a subjective view], *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 2023, no. 6-3 (81), pp. 103–107.

13. Haknazarov S. H. Jekonomicheskie i social'nye problemy korennykh narodov Severa Nizhnevartovskogo rajona Jugry: sociologicheskij analiz [Economic and social problems of the indigenous peoples of the North of the Nizhnevartovsk region of Ugra: sociological analysis], *Regiony v sovremennom mire – 2014: mater. Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Perm': Bereznikovskij filial Perm. nac. issl. politehn. Un-ta* [Regions in the modern world - 2014: material. International scientific and practical conference. Perm: Bereznikovsky branch of Perm. national research Polytechnic Univ.], 2014, pp. 171–173.

Author's Bio

ХАКНАЗАРОВ Saidmurod Khamdamovich – candidate of geological and mineralogical sciences, Head. Department of socio-economic development and monitoring of the Ob-Ugric institute of applied research and development, Khanty-Mansiysk, Russia. E-mail: s_haknaz@mail.ru

Библиографическая ссылка

Хакназаров С. Х. Социально-экономические аспекты качества жизни коренных жителей Нижневартовского района Югры: субъективный взгляд // *SocioTime / Социальное время*. 2024. № 1 (37). С. 106–120. DOI: 10.25686/2410-0773.2024.1.106

ПОДГОТОВКА И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ

Журнал «SocioTime / Социальное время» – это научный, междисциплинарный, рецензируемый аналитический журнал современного социально-гуманитарного знания в области актуальных проблем развития человека и общества.

1. Общая информация. В журнале «SocioTime / Социальное время» публикуются статьи, отличающиеся научной новизной, теоретической и практической значимостью. Авторами статей могут быть учёные-исследователи, кандидаты и доктора наук, преподаватели, аспиранты и соискатели высших учебных заведений и академических институтов России и зарубежных стран, а также исследователи практики. Принимаются не опубликованные ранее научные статьи и дискуссионные материалы научного характера.

Не допускается направление в редакцию статей, уже опубликованных или отправленных в другие журналы. В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет отозвана из печати. Редакция принимает к публикации материалы на русском или английском языках по темам трёх основных рубрик журнала (философия, социология и история).

Особое внимание следует уделить качеству перевода.

2. Требования к оформлению и содержанию статей

2.1. Общие технические требования:

- УДК (UDC) указывается в верхнем левом углу статьи;
- инициалы и фамилия автора статьи, место и город работы или учёбы приводятся на русском и английском языках;
- аннотация статьи (200 – 250 слов), ключевые слова (5 – 10 слов) оформляются на русском и английском языках 9-м кеглем;
- текст статьи объёмом 0,4 – 1,0 авторского листа (16 – 40 тысяч знаков, включая пробелы) оформляется в редакторе Word (шрифт Times New Roman, кегль 11, одинарный интервал) в формате А4. Подписанные надписи, таблицы набираются 9-м кеглем. Рисунки представляются в тексте и отдельно в формате jpeg. На таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте статьи;
- ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления»;
- список использованной литературы на языке издания (кегль 9) помещается в конце текста и оформляется по мере изложения ссылок в тексте статьи;
- транслитерация литературных источников (*References*) осуществляется с использованием сайта <https://translit.ru/> следующим образом: авторы (транслитерация); перевод названия статьи в транслитерированном варианте; перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках; название источника (транслитерация и перевод на английский язык (в квадратных скобках)); выходные данные с обозначениями на английском языке;
- сведения об авторах на русском и английском языках (кегль 9): Ф.И.О. полностью, учёная степень, звание, должность, место работы или учёбы, почтовый адрес, телефон для связи, E-mail.

2.2. Требования к содержанию и структуре статьи

Аннотация – краткое изложение содержания статьи. В ней должны быть чётко обозначены следующие элементы:

- *Введение (Introduction)*;
- *Методы (Methods)*;
- *Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение (Results)*;
- *Заключение (Conclusion)*.

Ключевые слова – основные понятия, раскрывающие содержание статьи.

Структура статьи

- *Введение*: цель, задачи, актуальность исследования, постановка проблемы, история вопроса, обзор основных исследований и публикаций, на которые опирается автор, современные взгляды на проблему, нерешённые вопросы и т. д.;

- *Методы исследования*: методы и подходы (эмпирические и теоретические), использованные в исследовании; организация и ход исследования.

- *Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение*: изложение основных идей исследования; обобщение и обсуждение его результатов; выводы и рекомендации для дальнейших исследований, вытекающие из работы;

- *Заключение*: теоретическая и практическая значимость полученных результатов; основные направления для дальнейших исследований в этой области.

Список использованных источников оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008. Ссылаться желательно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включённых в глобальные индексы цитирования. Рекомендуется использовать 10 – 30 источников, из них публикаций за последние 5 лет должно быть не менее 5, иностранных источников – 3–5. Следует указать DOI или адрес доступа в Интернете.

3. Список материалов, подаваемых в редакцию в бумажном и электронном видах:

- заявление автора на имя главного редактора;
- текст статьи;
- рекомендация научного руководителя (для аспирантов и соискателей);
- справка о проверке статьи на «Антиплагиат» (к изданию допускаются статьи с оригинальностью текста **не менее 80 %**).

4. Порядок рассмотрения рукописи. Рукопись должна соответствовать требованиям, указанным в пунктах 1 – 3. Рукопись может быть возвращена автору с замечаниями для доработки. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления статьи считается день получения редакцией окончательного варианта. Материалы, оформленные не по требованиям журнала, не рассматриваются.

5. Правила оформления статей, образцы документов, порядок рецензирования и архив журнала представлены на сайте журнала «SocioTime / Социальное время»: <https://www.volgatech.net/sociotime/>.

E-mail: sociotime@volgatech.net

Телефон редакции (главного редактора) 8(8362)68-60-40.

PREPARATION AND PROCEDURE FOR ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS

"**SocioTime / Social Time**" is a scientific, interdisciplinary, peer-reviewed analytical journal of modern social and humanitarian knowledge in the field of urgent problems of human and society development.

1. General information. The journal "SocioTime / Social Time" publishes articles that are distinguished by their scientific novelty, theoretical and practical significance. Authors of articles can be scientists, researchers, candidates and doctors of science, teachers, graduate students and applicants from higher educational institutions and academic institutes from Russia or abroad, as well as practical researchers. Manuscripts should not contain substantial elements of material that has been published or accepted for publication elsewhere.

In case of discovery of the manuscript in several editions, the published article will be withdrawn from print. The editors accept for publication materials in Russian or English on the topics of three main sections of the journal (philosophy, sociology and history).

Special attention should be paid to the quality of the translation. The translation should be conducted by a native English speaker, written in high-quality English.

2. Requirements to the manuscript design

2.1. General requirements:

- Classification symbols Universal Decimal Classification (UDC) (upper left corner);
- The initials and surname of the author, in Russian and English (centered, font size 10);
- Abstracts of articles in Russian and English (200–250 words, justification page, font size 9);
- Keywords (no more than 5–10, font size 9);
- The manuscript 7–16 pages (16–40 thousand characters, including spaces) in A4 format, including figures, tables and graphs. The text is made in the editor Word (font Times New Roman, size 11, single spaced). The images should be referenced;
- References in the text in square brackets in accordance with the requirements;
- List of references in the language of publication (font size 9) at the end of the text and in order of references in the text of the article;
- Transliteration of literary sources (References) is carried out using the site <https://translit.ru/> as follows: authors (transliteration); translation of the title of the article in a transliterated version; translation of the title of the article into English in square brackets; source name (transliteration, italics); output with designations in English;
- Information about the authors in Russian and English (font size 9): Full name, degree, position, place of work or study with a mailing address, tel. and E-mail.

2.2. Requirements for the content and structure of the article (main elements of the article)

Abstract (200–250 words) – summary of the content of the article. It should clearly indicate the following components:

- Introduction: purpose, relevance, problem statement;
- Methods: methods and approaches used by the author in the study;
- The main ideas of the study, the results obtained and their discussion (Results);

- Conclusion: theoretical and practical significance of the research results.

Keywords (5–10 words) reflect the main provisions, achievements, results, terminology of scientific research.

The structure of the manuscript is as follows:

- *Introduction*: purpose, objectives, relevance of the study, problem statement, background, overview of the main studies and publications on which the author relies, modern views on the problem, unresolved issues, etc.;

- *Research methods*: methods and approaches (empirical and theoretical) used in the study; organization and progress of the study;

- *The main ideas of the study, the results obtained and their discussion*: presentation of the main ideas of the study; generalization and discussion of its results; conclusions and recommendations for further research arising from the work;

- *Conclusion*: theoretical and practical significance of the results; guidelines for further research in this area.

The list of sources used is drawn up in accordance with the requirements of GOST R 7.0.5–2008. It is advisable to refer primarily to original sources from scientific journals included in global citation indices. It is recommended to use 10–30 sources, of which there should be at least 5 publications over the past 5 years, 3–5 foreign sources. You must provide a DOI or Internet access address. Sources in foreign languages are given in the original.

3. Materials shall be sent:

- The author's statement addressed to the editor;

- The manuscript;

- Recommendation of the supervisor (for students);

- Certificate on checking the article in the "Antiplagiat" system (articles with original text of **at least 80 %** are allowed to be published).

4. The review process and publication decision. The manuscript must meet the requirements specified in paragraphs 1–3. The manuscript can be returned to the author with comments for revision. After receiving the revised text, the manuscript is again considered by the editorial board. The date of receipt of the article shall be the date of receipt of the final edited version of the article. Materials that are not designed according to the requirements of the journal are not considered.

5. Requirements to the manuscript design, examples of the documents, the review process and electronic versions of the journal are presented on the website: <https://www.volgatech.net/sociotime/>.

E-mail: sociotime@volgatech.net

Tel. (Editor in Chief) 8(8362)68-60-40.